

« На его долю выпали тяжелые испытания Отечественной войны 1812 года, когда его имя сделалось символом отступления русской армии, а упреки доходили до обвинений в государственной измене. С необыкновенным достоинством перенес он эти испытания и сумел войти в отечественную историю как один из лучших военачальников. Поистине, великий полководец — Барклай де Толли.

Светлана **Бестужева-Лада** «Высокий лик полководца»

« Как звучит фруктовый салат? А овощной? Эти вопросы покажутся, на первый взгляд, странными. Но, оказывается, и обыкновенный огурец, и обыкновенное яблоко, и любой цветок могут звучать. Нашим ученым удалось не только записать голоса фруктов и овощей, но благодаря этому появилось в науке такое понятие, как «биомызыка», с помощью которой человечество сможет преодолеть еще одну ступеньку на пути к гармонии с собой и окружающим миром.

Татьяна **Харламова** «Разговор с огурцом о погоде...»

« В одном из своих стихотворений он написал: «О, я хочу безумно жить!». А как-то в разговоре, прервав собеседника, вдруг спросил: «Вы хотели бы умереть?». И, не дожидаясь ответа, страстно выдохнул: «А я очень хочу»... Вот между этими «безумно хочу жить» и «очень хочу умереть» метеором промелькнула жизнь одного из величайших поэтов Серебряного века — Александра Блока.

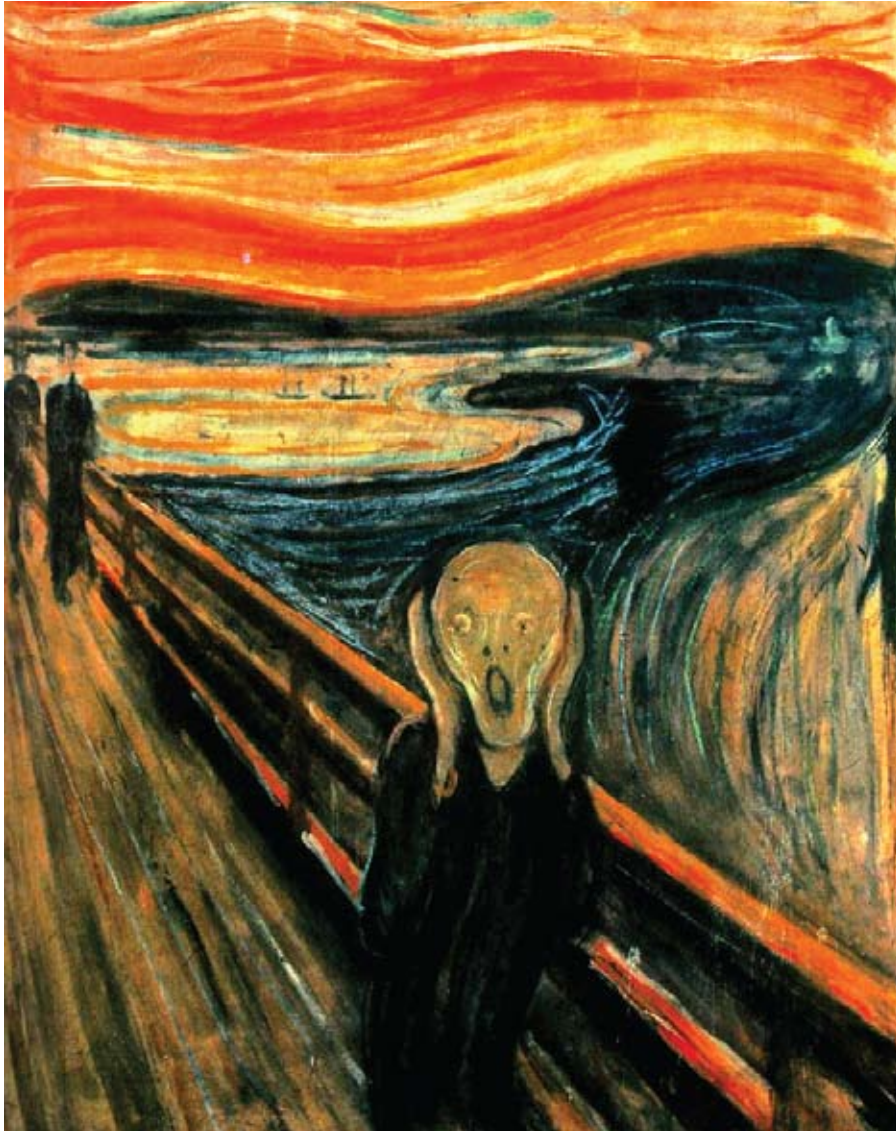
Светлана **Марлинская** «Трагический тенор эпохи»

« Он — Франсуа Буше — был королем французских живописцев. Она — мадам де Помпадур — некоронованной королевой Франции. Их встреча была неизбежна. Маркиза стала покровительницей художника, он — ее учителем рисования, а еще — другом, советником, помощником во всех ее делах. Вместе они создали стиль рококо — стиль изысканности, роскоши, легкости и пленительной элегантности. Их нежная дружба длилась много лет и закончилась лишь со смертью маркизы. Но ее обворожительный образ навсегда остался в истории — благодаря замечательному искусству влюбленного в нее художника...

Ирина **Опимах** «Буше и маркиза де Помпадур»

« Продолжение мистического романа
 Андрея **Дышева** «Привилегия Бога»

Эдвард Мунк, «Крик»

О жизни и творчестве Эдварда Мунка читайте на стр. 69

Минувшее	
<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Народный генерал 4
Штрихи к портрету	
<i>Евгения Гордиенко</i>	Поэт, рубака, весельчак 26
Забывшие страницы	
<i>Иван Бунин</i>	Конец 36
	В Париже 44
Неизвестное об известном	
<i>Игорь Опарин</i>	Грегор Мендель 54
Взрослым о детях	
<i>Алёна Николаева</i>	Взрослым о детях 64
Шедевры	
<i>Ирина Олимах</i>	«Крик» Эдварда Мунка 69
Рассказ	
<i>Алекс Уланов</i>	Нечаянная встреча с юностью 82
<i>Джек Ричи</i>	Со статистикой не поспоришь 90
Мистический роман	
<i>Андрей Дышев</i>	Привилегия Бога 98
Кроссворд. Эрудит	188

Главный редактор	Кизиллов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Корректор	Бочарова Валентина Михайловна
Обложка и иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич
Web-редактор	Шеркунова Анна Игоревна

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»

Главный бухгалтер	Любовь Александровна Бижко
Директор по распространению	Мария Александровна Яркина, e-mail: sales@smena-online.ru

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.
Шрифт: ParaType

Отпечатано **ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»:**
142300 МО г. Чехов, ул. Полиграфистов д.1

Тираж — 14 000 экз.
Зак. №??????????
Цена свободная
Номер подписан в печать: 19.08.2011

Литвинова Анастасия

16 лет, учащаяся,
г. Москва

Эсмеральда

Грустно смотришь ты на небо...
Ты одна в тиши ночной...
Призываешь снова Феба,
Веришь – будет он с тобой!
Ты беспечна, Эсмеральда,
Ведь тебе шестнадцать лет!
Но успела натерпеться
Ты от жизни столько бед...
Ты сидишь на этой крыше
И с надеждой смотришь вниз!
Ах, бедняжка! Ты не знаешь,
Кто такая Флер-де-Лиз!

* * *

Семнадцать дней лета в обмен на унылые будни,
В которых нет места для сказки, любви и мечты!
Семнадцать дней лета — я их никогда не забуду!
Была я счастливой, ведь рядом со мною был ты...

Семнадцать дней лета — важнее, чем
целая вечность!

Я даже не плачу — я знаю, вернуть их нельзя!
И снова до боли унылая лишь бесконечность...
Семнадцать дней лета с тобой...

И вся жизнь без тебя!

Народный

ГЕНЕРАЛ

Феномен Кутузова в военной истории России чем-то напоминает феномен Пушкина в поэзии. В русской армии были куда более способные и талантливые полководцы — современники Михаила Илларионовича. Но именно ему досталась вся слава и титул «Спасителя Отечества», хотя никто не сделал для разгрома французов меньше, чем пожилой и смертельно усталый человек, ставший главнокомандующим лишь по воле случая: из-за необходимости поставить во главе армии человека с русской фамилией.

Успешный полководец — несомненно. Но не во время войны с Наполеоном, а ДО нее. Не за те заслуги возвеличили Кутузова, о подлинных — забыли. Впрочем, не только в России

В Европе о нем... почти ничего не известно. В громадной новой «Британской энциклопедии» читаем о Кутузове следующее: «Он дал сражение при Бородине и потерпел поражение, но не решительное». А дальше: «Осторожное преследование противника старым генералом вызывало много критики». Вот и все...

Эта оценка, особенно ее лаконизм, живо напоминает классические полторы строки о Суворове в одном из прежних изданий Малого Энциклопедического словаря Лярусса: «Суворов, Александр. 1730–1800. Русский генерал, разбитый генералом Массена». Когда и где? Об этом осторожно не упоминает-

ский генерал, побежденный при Москве. 1745–1813...»

К этому следует прибавить и примечательный отзыв о Кутузове, принадлежащий академику Луи Мадлену, написавшему в 1934 г. во вступительной статье к изданию писем Наполеона к Мари-Луизе, что после Бородина «Кутузов имел бесстыдство (*eut impudence*) не считать себя побежденным».

Так что оставим в стороне иностранные источники и будем пользоваться собственными. Благо их — оригинальных! — предостаточно.

Единственный сын генерала-поручика и сенатора Иллариона Матвеевича Голенищева-Кутузова

ся по весьма понятной причине. Не менее обстоятельно сказано и о Кутузове: «Кутузов, Михаил, рус-

родился в 1745 году (по другим данным — в 1747 году) в Санкт-Петербурге. До двенадцати лет об-

учался дома, как это было принято у дворян, а затем отдан в Дворянскую Артиллерийскую и Инженерную школу, где преподавал артиллерийские науки его отец. Наряду с военными дисциплинами юный Кутузов изучал общеобразовательные предметы, слушал лекции М.В. Ломоносова, овладел четырьмя иностранными языками (позже выучил еще два).

Помимо способностей к языкам, никакими особыми талантами юноша не блистал, но благополучно закончил учение и в чине инженера-прапорщика был оставлен при школе для обучения воспитанников математике.

По-видимому, преподавание не было его призванием. Через полгода, используя свои связи, отец смог устроить сына флигель-адъютантом на службу к ревельскому генерал-губернатору принцу Гольштейн-Бекскому. Расторопно управляя канцелярией шефа, Кутузов быстро дослужился до капитана и в 1762 году был назначен командиром роты Астраханского пехотного полка, которым в это время командовал тогда еще полковник Александр Суворов.

Но что-то не сложилось, и через два года капитан Кутузов получил новое назначение — порученца командующего русскими войсками в Польше генерала-поручика И.И. Веймарна. Ничем не проявив себя и на этом поприще, был через три года — неожиданно для себя — привлечен для работы в

«Комиссии по составлению нового Уложения», закреплявшего основы «просвещённой монархии».

Видимо, Михаил Кутузов привлекался как секретарь-переводчик, так как в его аттестате записано:

«...по-французски и по-немецки говорит и переводит весьма изрядно, по латыни автора понимает».

За три года этой работы Михаил Илларионович обзавелся прочными связями при дворе и сумел обратить на себя внимание императрицы Екатерины, которая до самой смерти оставалась к нему неизменно благосклонной. А вначале была настолько благосклонной, что ближайшее окружение забеспокоилось и отправило молодого красавца (очень недурен собой был Михаил Илларионович в молодости) в действующую армию. В полном смысле слова — от греха подальше.

Возможно, и сам Кутузов был рад такому повороту в своей судьбе. Как говорится, «минуй нас пусть всех печалей и барский гнев, и барская любовь». А возможно, и не очень — характер у него был скорее мирный. Но обо всем этом можно только гадать.

Так или иначе, в 1770 году князь был отправлен в 1-ю армию фельдмаршала П.А. Румянцева, находившуюся на юге, и принял участие в начавшейся за два года до этого войне с Турцией. Он участвовал в сражениях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле. За отличие в боях, был произведён в премьер-майоры.

В должности обер-квартирмейстера (начальника штаба) корпуса являлся помощником командира и за успехи в бою при Попештах в декабре 1771 года получил чин подполковника. И тут его карьера несколько замедлилась, причем по его собственной вине. Точнее, неосторожности.

По одной версии, в 1772 году в тесном товарищеском кругу 25-летний Кутузов, владеющий даром подражания, позволил себе передразнить самого главнокомандующего, и Румянцев узнал об этом (круг оказался недостаточно узким). Фельдмаршал был очень обидчив, несмотря на чины и славу, его обходили в Петербурге, при дворе уязвляли самолюбие, потому Петр Александрович был крут и резок в обращении даже с вышестоящими. И только безупречная служба и боевые заслуги спасли молодого офицера от гнева главнокомандующего, удовлетворившегося переводом насмешника в Крымскую армию.

По другой версии, причиной перевода Кутузова во 2-ю армию были повторенные им слова императрицы Екатерины о светлейшем князе Потемкине, что князь-де храбр не умом, а сердцем. Но что позволено Юпитеру...

В письме того времени к отцу Михаил Кутузов выразил недоумение реакцией высокопоставленных персон на его шуточки и получил мудрый ответ:

«...Человеку не зря даны два уха и один рот, чтобы он больше слушал и меньше говорил».

Это событие плюс отцовское наставление оставили на всю жизнь глубокий след в характере Михаила Илларионовича. Он стал недоверчивым и замкнутым, научился скрывать свои мысли и чувства. И эти качества были весьма характерны в его будущей полководческой деятельности, да и вообще — в жизни. Блиско знавшие его люди говорили, что «сердца людей открыты Кутузову, но его сердце закрыто для них».

Иногда, правда, выдержка ему изменяла, и это всегда имело плачевные последствия для Михаила Илларионовича. Но случалось это редко и уже ближе к концу жизни.

Через два года после перевода на новое место службы Кутузов принял участие в сражении, прославившем его... спустя много лет. В июле 1774 года хан Девлет Гирей высадился с турецким десантом в Алуште, однако туркам не удалось пройти в глубь Крыма. В коротком и яростном сражении трёхтысячный русский отряд разгромил главные силы турецкого десанта. Кутузов, командовавший гренадерским батальоном, был тяжело ранен пулей, пробившей левый висок и вышедшей у правого глаза, который «искосило», но зрение сохранилось, вопреки расхожему мнению.

Главнокомандующий Крымской армией генерал-аншеф В.М. Дол-

горуков в своём докладе императрице Екатерине о победе в той битве писал:

«... На отражение неприятеля, выгрузившего флот и поставившего лагерь свой при местечке Алушта, поспешал я туда... со всевозможною скоростью... прибыл я... в самую внутренность гор, откуда лежащая к морю страшную ущелиною дорога окружена горами и лесом, а в иных местах такими пропастями, что с трудом два только человека в ряд пройти могут...

Между тем турки, отделяясь от главного своего при Алуште лагеря... тысячах в семи или восьми, за-

няли твердую позицию в четырех верстах от моря, пред деревнею Шумою, на весьма выгодном месте, с обеих сторон которого были крутые каменные стремнины укреплены ретраншаментами. Неприятель, пользуясь удобностью места и превосходством сил, защищался более двух часов, когда каре, подаваясь вперед непроходимыми стенами, приобретали каждый шаг кровью, не умолкала с обеих сторон производимая из пушек и ружей наисильнейшая пальба...

Было приказано: приняв неприятеля в штыки, продраться в ретраншамент, что и исполнено... где

сильнейшее было сопротивление Московскому легиону. ... Турки... бросились стремглав к Алуште, оставя свои батареи, будучи гонимы к обширному лагерю своему на берегу стоящему.... Число побитого неприятеля наверно знать не можно, поелику в пропастях и между камнями повержены тела их.

... Из числа раненых... Московского легиона подполковник Голенищев-Кутузов, приведший свой батальон, из новых молодых людей состоящий, до такого совершенства, что в деле с неприятелем превосходил оный старых солдат. Сей штаб-офицер получил рану пулею,

в память об отце. Ставить памятник Кутузову тогда никому и в голову не пришло. Но в середине двадцатых годов того же века, при другом губернаторе, памятник был... переименован в честь победы русских войск в последнем сражении русско-турецкой войны 1768–1774 годов. Его украсила доска с надписью: «Близъ сего места въ сраженіи противу турокъ, Михаилъ Иларіоновичъ, Кутузовъ, что после былъ Фельдмаршаломъ и князем Смоленскимъ, раненъ в глазъ».

В 1956 году памятник подвергся еще одной реконструкции, и были проведены работы по переносу

Кутузов сумел обратить на себя внимание императрицы Екатерины, которая до самой смерти оставалась к нему неизменно благосклонной

которая, ударивши его между глазу и виска, вышла напролет в том же месте на другой стороне лица...»

(В память об этом ранении в Крыму поставили памятник — Кутузовский фонтан, расположенный на трассе из Симферополя в Алушту. История его достаточно любопытна.

В 1804 году, с разрешения таврического губернатора Д.Б. Мертваго, источник был оформлен в виде фонтана в восточном стиле по заказу сына погибшего в Шумском сражении турецкого офицера Исмаил-аги

фонтана, после которых он приобрел современный вид и вторую мемориальную доску:

«В бою с турками 24 июня 1774 г. подполковник Кутузов, во главе своего батальона, со знаменем в руках, ворвался в дер. Шумы (ныне Кутузовка) и выбил оттуда неприятеля».

Так пишется история — не всегда на бумаге. Даже памятники можно переделывать и переставлять, в зависимости от конкретного исторического момента).

Императрица наградила Кутузова военным орденом Св. Георгия

Четвертой степени и отправила на лечение в Австрию, приняв на себя все расходы путешествия. Существует легенда, что Михаил Илларионович этой милостью обязан не Екатерине, а Светлейшему — Потемкину. Но это маловероятно: князь Григорий такими мелочами, как здоровье окружающих офицеров, никогда не интересовался.

Два года лечения Кутузов употребил на пополнение своего военного образования. Во всяком случае, именно так утверждал впоследствии он сам. Но никаких документов по этому вопросу, в том числе, и личных писем, не сохранилось. Возможно, действительно пополнял образование, хотя, скорее всего, просто лечился. Ранение-то было серьезным и затрагивало, в первую очередь, зрение. Тут не до чтения умных книг и не до самообразования.

Кутузов жил и лечился не только в Австрии, он посетил Пруссию, Голландию, Италию, Англию. Встречался с учеными, передовыми людьми Европы и европейскими полководцами того времени, в том числе, с прусским королем Фридрихом II.

А в 1777 году вернулся в Россию и был отправлен в чине полковника в Крым под начало А.В. Суворова. Вот тут он действительно прошел отличную школу обучения и воспитания войск.

Крым, в результате войн с Турцией, был объявлен независимым, борьба с Турцией за влияние на

крымских татар продолжалось, но эту борьбу Суворов вел то демонстрацией против турецких кораблей, заходивших в порты Крыма, то дипломатическим путем, поручая Кутузову дела наиболее сложные, требующие благоразумия и большого такта. То есть, именно те, которые Михаил Илларионович выполнял с особым блеском.

В 1778 году Кутузов женился на Екатерине Бибиковой, дочери генерала-поручика Ильи Александровича Бибикова и родной сестре Александра Бибикова, крупного государственного и военного деятеля, друга Александра Васильевича Суворова, который, собственно, и сватал своего подчиненного.

Венчались они в церкви Святителя Николая Чудотворца в селе Голенищево Псковской области. Ныне от этой церкви сохранились лишь руины.

Брак оказался счастливым. Во взаимной любви и полном согласии супруги прожили почти четверть века и произвели на свет шестерых детей. Правда, единственный сын Николай умер от оспы в младенчестве, но пять дочерей — Прасковья, Анна, Елизавета, Екатерина и Дарья — сделали прекрасные партии и дожили до преклонных лет.

Военная служба под началом легендарного полководца проходила великолепно. То, что зародилось в Астраханском полку лет двадцать назад, теперь окрепло и превращалось в суворовскую «Науку по-

беждать». Кутузов постигал важнейшие правила этой науки: «глазомер, быстрота, натиск», требовавшие от командира правильной оценки обстановки: «как в лагере стать, как идти, где атаковать, гнать и бить, примерного суждения о силах неприятельских для uznания его предприятий». Постигал и суворовское построение колонн для похода, организацию марша, отдыха, стремление к быстроте, ибо «победа зависит от ног, а руки ее довершают».

В 1787 году вспыхнула новая война с Турцией. Кутузов прикрывал со своим корпусом границы России по Бугу, затем его корпус вошел в состав действующей Екатеринославской армии. Командующий Екатеринославской армией Светлейший князь Потемкин решил взять черноморскую турецкую крепость Очаков. Русские войска, в том числе, и корпус Кутузова, осадили Очаков. Осада крепости длилась долго, русские гибли от болезней и терпели лишения больше, чем хорошо подготовленные к осаде турки.

Однако Потемкин медлил и не решался на штурм. Военные действия ограничивались мелкими столкновениями. Во время одной из вылазок турки атаковали прикрытие егерей Бугского корпуса. Завязалось серьезное сражение. Кутузов повел войска в атаку и был тяжело ранен. Пуля пробила голову навывлет почти в том же месте, что и при первом ранении. Врачи

приговорили его к смерти, считая, что он не доживет до утра. Но Кутузов выжил, только правый глаз его начал слепнуть.

«Если бы, — писали врачи, — такой случай передала нам история, мы бы сочли это басней. Но мы видели чудо, свершившееся с генералом Кутузовым». (Чин генерала-майора Кутузов получил в 1784 году.)

Михаил Илларионович выжил и в 1789 году принял командование отдельным корпусом, с которым занимал Аккерман, сражался под Каушанами и при штурме Бендер.

В декабре 1790 года он отличился при штурме и взятии Измаила, где командовал 6-й колонной, шедшей на приступ. Суворов в донесении так изложил действия генерала Кутузова:

«Показывая собою личный пример храбрости и неустранимости, он преодолел под сильным огнем неприятеля все встреченные им трудности; перескочил чрез палисад, предупредил стремление турок, быстро взлетел на вал крепости, овладел бастионом и многими батареями... Генерал Кутузов шёл у меня на левом крыле; но был правую мою рукою».

По легенде, когда Кутузов отправил Суворову гонца с донесением о невозможности удержаться на крепостном валу, то получил ответ, что уже отправлен в Петербург гонец с известием государыне-матушке о взятии Измаила. Именно поэтому он и совершил все вышеописанные

чудеса храбрости. Так это было или нет — сказать трудно, но считавшийся абсолютно неприступным Измаил пал. А Кутузов получил звание генерал-поручика, орден Святого Георгия Третьей степени и должность коменданта взятой крепости.

Гарнизон Измаила был почти полностью истреблен, немногие уцелевшие взяты в плен. Дорого обошлась русским эта победа. Тысячи убитых и раненых лежали во рву, на улицах. 12 декабря 1790 года М.И. Кутузов писал своей жене: «Измаил.

Любезный друг мой Катарина Ильиняшна. Я, слава богу, здоров и

ких тел больше 15000... Корпуса собрать не могу, живых офицеров почти не осталось...».

На следующий год в Мачинском сражении под командованием князя Репнина Кутузов нанёс сокрушительный удар по правому флангу турецких войск. За эту победу он удостоился ордена Святого Георгия Второй степени.

С 1793 года в жизни Кутузова начался новый этап: он становится дипломатом — чрезвычайным и полномочным послом России в Константинополе. Посольство в Турции считалось труднейшим, ибо там был узел противоречий России не только с Турцией, но и с ря-

торый так жестоко громил их в битвах.

Пикантная подробность: находясь в Константинополе, Кутузов посетил султанский сад, посещение которого для мужчин каралось смертной казнью. Султан предпочел не заметить дерзости посла могущественной русской императрицы.

В очередном письме супруге Кутузов заметил, что «...*Дипломатическая карьера сколь ни плутовата, но, ей-богу, не так мудрена, как военная, ежели ее делать как надобно*».

Все-таки его подлинным призванием была дипломатия. Кто знает, как сложилась бы история России, окажись Михаил Илларионович во главе ее дипломатической службы. Но... в 1795 году он был назначен... главнокомандующим над всеми сухопутными войсками, флотилией и крепостями в Финляндии и, одновременно, директором Сухопутного кадетского корпуса. Правда, успел многое сделать для улучшения подготовки офицерских кадров: преподавал тактику, военную историю и другие дисциплины.

Екатерина II ежедневно приглашала его в своё общество, он провел с ней и последний вечер перед её кончиной. Но сплетни о том, что Михаил Илларионович добился своих наград и чинов, «*поднося кофе очередному фавориту распутной Екатерины*», — всего лишь попытка некоторых современных «историков» подать историю России под возможно более пикантным соу-

Императрица наградила Кутузова военным орденом Св. Георгия Четвертой степени и отправила на лечение в Австрию, приняв на себя все расходы

вчера тебе писал... что я не ранен и бог знает как. Вех не увижу такого дела. Волосы дыбом становятся. Вчерашний день до вечера был я очень весел, видя себя живого и такой страшный город в наших руках, а ввечеру приехал домой как в пустыню... кого в лагере ни спрошу, либо умер, либо умирает. Сердце у меня облилось кровью и залился слезами. Целой вечер был один; к тому же столько хлопот... надобно в порядок привести город, в котором одних турец-

дом европейских государств. Дошедшие до нас описания дипломатической деятельности Кутузова говорят о том, что и здесь он оказался на высоте: торжественно вступил в Константинополь, на цветистые восточные приветствия ответил изысканной речью, а своими рассказами Михаил Илларионович заставлял смеяться даже сурового султана Селима Третьего, давшего обет никогда не улыбаться. Турки поверить не могли, что перед ними тот самый «страшный Кутузов», ко-

сом, а правда — дело двадцать пятое, кому она нужна, скучная и не скабрезная?

В отличие от многих — точнее, подавляющего большинства — фаворитов императрицы, Кутузов сумел сохранить свое положение и при Павле Первом, который испытывал к нему искреннее уважение. В 1797 император направил Кутузова посланником в Берлин с важнейшей миссией: не допустить сближения Пруссии с Францией. За два месяца переговоров с прусским королем цель была достигнута. Дипломатический талант Кутузова сверкнул еще раз.

За эту миссию Михаил Илларионович был произведен в генералы от инфантерии и назначен литовским военным губернатором. Император Павел предполагал и в дальнейшем использовать князя Кутузова как дипломата, но мартовская ночь 1801 года положила конец жизни императора и, естественно, всем его планам.

После убийства Павла Первого Кутузов был назначен военным губернатором Санкт-Петербурга, но затем снят с должности «за неисправности в полицейской службе». Полицейский из Михаила Илларионовича действительно получился

неважный, так что он подал соответствующее прошение и «для поправления здоровья» уехал в свое имение на Украине, продолжая числиться на действительной военной службе, как шеф Псковского мушкетёрского полка.

Ныли старые раны, измученные ревматизмом ноги с трудом выдерживали тяжесть тучного тела. Глаз, близ которого прошла турецкая пуля, погас совсем. Кутузова охватывала тоска обреченного на бездеятельность человека, которого ждет бедность и полное забвение. И трудно было даже представить себе, что расцвет полководческого

приянь, отдавал должное его военному опыту. В августе 1805 года 50-тысячная русская армия под командованием Кутузова двинулась в Австрию. Но она опоздала: австрийская армия, понадеявшаяся на собственные силы, была разгромлена Наполеоном под Ульмом. Армия Кутузова оказалась один на один с противником, обладавшим значительным превосходством в силах.

В одном и том же письме император требовал от Кутузова и сохранения русской армии, и обороны Вены:

«Я тогда только останусь спокойным, когда узнаю, что вы решились

Он научился скрывать мысли и чувства, приобрел качества, весьма характерные для будущей полководческой деятельности и вообще — для жизни...

дарования, слава и бессмертие — еще впереди. Пока только близкие и верившие в него люди знали, что шестидесятилетний русский генерал — лучший ученик Суворова, политик и дипломат — еще покажет себя.

В 1804 году Россия вошла в коалицию для борьбы с Наполеоном, и в 1805 году в Австрию были отправлены две русских армии, главнокомандующим одной из них был назначен Кутузов, поскольку император Александр, продолжая испытывать к генералу личную не-

принять на самого себя высокую ответственность защищать Вену. Вы имеете к себе доверенность мою, армии и союзников. Докажите неприятелю, сколь справедливо возлагается на вас общая доверенность».

За этим письмом следовал приказ императора Франца:

«... Избегать поражений, сохранять войска целыми и невредимыми, не вступать в сражение с Наполеоном, но удерживать его на каждом шагу».

Военная безграмотность обоих императоров была настолько оче-

видна, что Кутузов вынужден был дать им азбучный урок тактики и стратегии.

«... Если мне оспаривать у неприятеля каждый шаг, — писал он в ответ на приказ, — я должен буду выдерживать его нападения, а когда часть войск вступает в дело, случается необходимость их подкреплять, отчего может завязаться большое сражение и последовать неудача...».

До последнего момента ни множество окружавших Кутузова австрийских советников, требовавших, чтобы он дал сражение Наполеону, ни даже в русской армии не знали, что Кутузов намерен делать. Когда армию выстроили у Браунау, все полагали, что он подчинился и пойдет к Ульму. Ждали его приказа. Наконец приказ был дан — русская армия двинулась в... обратном направлении, начав свой беспримерный марш-отход Браунау-Цнайм. Она уходила от грозившего ей окружения и гибели, взрывая за собой мосты, не теряя ни оружия, ни обозов. Когда кавалерийский авангард Наполеона ворвался в Браунау, Кутузова и след простыл.

Австрийские войска теряли остатки боеспособности. Но даже и этим частям Франц приказал покинуть Кутузова и спешить на защиту Вены. В пути их перехватил французский маршал Даву, и «защитники» Вены, как всегда, сложили оружие.

Русская армия была лишена помощи. Ни подвод, ни снарядов, ни провианта, ни одежды — ничего,

что обещали союзники, Кутузов не получил. Русские солдаты шли в осеннюю непогоду по размытым дорогам раздетые и голодные.

«... Мы идем по ночам, мы почернели... офицеры и солдаты босиком, без хлеба, — писал Дохтуров жене. — Какое несчастье быть в союзе с такими негодьями, но что делать!..»

В этой катастрофической обстановке, несмотря на сильнейший нажим со стороны обоих императоров, Кутузов отказался защищать Вену. Первую свою задачу великий полководец видел в том, чтобы сохранить русские войска. Решениям и планам царей он противопоставил свой план отхода на левый берег Дуная и сдачи Вены французам. Австрийцы вынуждены были согласиться.

Авангард противника уже вступил в бой с арьергардами русской армии.

Наконец на поле боя французские солдаты, от которых без оглядки бежали австрийцы, итальянцы, пруссаки, столкнулись с русскими солдатами — ветеранами походов Суворова, героями Измаила и Альп. С одной стороны — знаменитые маршалы, победоносно водившие французские войска, начальники авангардов Ней, Ланн и Мюрат, с другой — сподвижники Суворова, его ученики — Багратион, Дохтуров, Милорадович, прикрывавшие армию своими арьергардами.

Чтобы сохранить людей, Кутузов совершил отступательный марш-манёвр протяжённостью в 425 км от Браунау к Ольмюцу, попутно нанеся поражение французским генералам Мюрату и Мортье и вывел свои войска из-под нависшей угрозы окружения. Этот марш вошёл в историю военного искусства, как замечательный образец стратегического манёвра.

Особый героизм при этом проявили арьергардные части под командованием князя Багратиона, когда он отбросил окружавшие его французские полки, пробился штыковым ударом и догнал далеко ушедшего Кутузова. Багратион вернулся к Кутузову, который уже не надеялся видеть его живым, — и вернулся с трофейным знаменем, приведя с собой 50 пленных солдат и 2 офицеров.

От Ольмюца Кутузов предполагал отвести армию к русской границе, чтобы, после подхода русского подкрепления и слегка оправившейся австрийской армии, перейти в контрнаступление.

В этот момент все тот же «союзный» император Франц, успевший проиграть Ульм, отдать Наполеону Вену и половину своей страны, потребовал от Кутузова остановиться и дать Наполеону сражение. Кутузов отказался, как всегда, вежливо, но твердо.

«Одной преданности моей к Вашему величеству, — писал он, — было бы достаточно для точного

исполнения повеления Вашего, если бы даже не понуждал меня к тому священный долг повиноваться воле Вашей. Не смею, однако ж, скрыть от Вас, государь, сколь много представил бы случаю доверить участь войны одному сражению, тем труднее отваживаться мне на битву, что войска, хотя исполнены усердием и пламенным желанием отличиться, но лишены сил. Утомленные усиленными маршами и беспрестанными биваками, они едва влекутся, проводя иногда по суткам без пищи, потому что, когда начинают варить ее, бываю наступаемы неприятелем и выбрасывают пишу из котлов. Полагаю необходимым отступить, доколе не соединюсь с графом Буксгевденом и разными австрийскими отрядами. Подкрепясь сими войсками, мы удержим неприятеля в почтении к нам и заставим его дать нам несколько дней отдыха, после чего можно будет действовать наступательно...»

Кутузов ушел дальше, соединился с подошедшей из России армией Буксгевдена и занял выгодную позицию у Ольмюца. Сейчас у него было 86 тысяч солдат, к нему могли подойти из Италии 80 тысяч австрийцев. Русская армия была в безопасности. Кутузов спас ее от полного разгрома.

Дело в том, что, несмотря на победу под Ульмом, занятие Вены и половины всей Австрии, марш-отход Кутузова поставил Наполеона в крайне невыгодное стратеги-

окончательно ослабил бы свою армию и еще больше растянул бы свои коммуникации. Выигрыш времени был равносильным выигрышу сражения.

Но русский и австрийский императоры решили по-своему. По их совместному приказу, союзные армии перешли в наступление, закончившееся в ноябре знаменитым сражением под Аустерлицем. Всем известен знаменитый диалог, произошедший между императором Александром и Кутузовым перед началом битвы.

— Михаил Илларионович, почему мы не начинаем? — осведомил-

Под началом А.В. Суворова Кутузов прошел отличную школу обучения

ческое положение. Кутузов понимал, что у Наполеона сейчас меньше сил, чем у союзников, его разбросанные корпуса могут подойти к нему раньше, чем подойдут австрийские, и тогда русская армия, покинув выгодную ольмюцкую позицию, опять попадет в тяжелое положение. Нужно было отходить и выиграть две-три недели, чтобы подошла восьмидесятитысячная австрийская армия из Италии, а, возможно, и прусская армия. Это усилило бы союзников, а Наполеон, вынужденный их преследовать,

ся русский император, едва ли не впервые попавший непосредственно на театр военных действий.

— Не все части подошли, Ваше величество.

— Мы же не на параде на Царицыном лугу!

— Потому и не начинаем, что не на параде, — не сдержался Кутузов.

В ответ император приказал начинать наступление — и сражение началось. Окончилось оно, как тоже всем хорошо известно, полным разгромом русских и австрийцев.

Сам Кутузов был ранен осколком в щеку, а также потерял своего зятя, графа Тизенгаузена.

Александр, осознавая свою вину, гласно не винил Кутузова, наградив его в феврале 1806 года орденом Св. Владимира Первой степени и никогда больше не пытался самостоятельно командовать военными действиями. Однако никогда и не простил Кутузову поражения, полагая, что тот намеренно «подставил» императора в отместку за неумелое руководство.

В письме сестре Екатерине от 18 сентября 1812 года Александр I высказал, наконец, свое истинное

ским военным губернатором. Не самая удачная кадровая политика на фоне все усиливавшейся наполеоновской агрессивности в Европе.

Но в 1811 году, когда очередная вялотекущая война с Турцией зашла в тупик, а внешнеполитическая обстановка требовала эффективных действий, Александр Первый, скрепя сердце, назначил Кутузова главнокомандующим Молдавской армией. В первых числах апреля 1811 Кутузов принял командование армией, ослабленной отзывом дивизий на защиту западной границы. Он нашёл на всем пространстве завоёванных земель менее тридцати

В отличие от многих фаворитов императрицы, Кутузов сумел сохранить свое положение и при Павле Первом, испытывавшем к нему искреннее уважение

отношение к полководцу: «по воспоминанию, что произошло при Аустерлице из-за лживого характера Кутузова». Но это было сказано уже спустя много лет: Александр Первый отлично умел скрывать свои подлинные чувства.

В марте 1808 года Кутузов был направлен командиром корпуса в Молдавскую армию, однако, ввиду возникших разногласий по вопросам дальнейшего ведения войны с главнокомандующим фельдмаршалом Прозоровским, попросил о переводе и был назначен... литов-

тысяч войск, с которыми должен был разбить сто тысяч турок, расположенных в Балканских горах. И... разбил, свято помня наказ Суворова «войю не числом, а умением». Турция была вынуждена вступить в переговоры.

Сосредоточивая к русским границам свои корпуса, Наполеон рассчитывал, что союз с султаном, который он заключил весной 1812 года, скуют силы русских на юге. Но Кутузов поломал все его планы, заключив в мае 1812 года Бухарестский мирный договор, по которому

Бессарабия с частью Молдавии перешла к России. Это была крупная военная и дипломатическая победа, сместившая в лучшую сторону стратегическую обстановку для России к началу Отечественной войны, но историки почему-то упорно приписывают ее адмиралу Чичагову, возглавившему Молдавскую армию уже после заключения договора.

А Кутузов вновь отправился в добровольную ссылку в деревню, чему император никоим образом не препятствовал.

Узнав о вступлении Наполеона в пределы России, Михаил Илларионович счел обязанным явиться в столицу. Сознвая его заслуги, ему поручили начальство войсками в Петербурге. В июле Москва и Петербург одновременно избрали Кутузова начальником их ополченческих дружин. Он был возведен в княжеское достоинство, с титулом светлейшего, и назначен в члены Государственного совета, а 8 августа стал главнокомандующим всеми действующими против Наполеона армиями.

Назначение Кутузова вызвало патриотический подъём в армии и народе. Сам Кутузов, как и в 1805 году, не был настроен на решительное сражение против Наполеона. По одному из свидетельств, он так выразился о методах, которыми будет действовать против французов:

«Мы Наполеона не победим. Мы его обманем».

Большое превосходство противника в силах и отсутствие резервов вынудили Кутузова отступить в глубь страны, следуя стратегии своего предшественника Барклая де Толли. Дальнейший отход подразумевал сдачу Москвы без боя, что было недопустимо как с политической, так и с моральной точки зрения. Получив незначительные подкрепления, он решил дать Наполеону генеральное сражение, первое и единственное в Отечественной войне 1812 года.

Бородинское сражение — одна из крупнейших битв эпохи наполеоновских войн. За день боя русская армия нанесла тяжёлые потери французским войскам, но и сама, по предварительным подсчётам, к ночи того же дня потеряла почти половину личного состава регулярных войск. Баланс сил явно не сместился в пользу Кутузова. Кутузов принял решение отойти с бородинской позиции, а затем оставил Москву. Тем не менее, русская армия показала себя достойно при Бородино, за что Кутузов был произведён в фельдмаршалы.

После выхода из Москвы Кутузов скрытно совершил прославленный фланговый Тарутинский маневр, оказавшись в начале октября южнее и западнее армии Наполеона, перекрыв ему пути движения в южные, не тронутые войной, районы страны и заставив отступать по Смоленской дороге, опустошенной и выжженной..

«Мы Наполеона не победим, мы его обманем...»

Благодаря стратегии Кутузова, огромная наполеоновская армия была практически полностью уничтожена. Особо следует отметить, что победа была достигнута ценой умеренных потерь в русской армии. Князь Кутузов, по отзывам современников и историков, ни с кем не делился своими замыслами, его слова на публику часто расходились с его приказами по армии, так что истинные мотивы действий прославленного полководца дают возможность различных толкований. Но конечный результат его деятельности неоспорим — разгром Наполеона в России, за что Кутузов был удостоен Ордена Святого Георгия Первой степени, став первым в истории ордена **полным Георгиевским кавалером**.

Наполеон часто презрительно высказывался о противостоящих ему полководцах, не стесняясь при этом в выражениях. Характерно, что он избегал давать публичные оценки командованию Кутузова в Отечественной войне, предпочитая возлагать вину за полное уничтожение своей армии на «суровую русскую зиму». Отношение Наполеона к Кутузову просматривается в личном письме, написанном Наполеоном из Москвы с целью начала мирных переговоров:

«Посылаю к Вам одного из Моих генерал-адъютантов для переговоров о многих важных делах. Хочу,

чтоб Ваша Светлость поверили тому, что он Вам скажет, особенно, когда он выразит Вам чувства уважения и особого внимания, которые Я с давних пор питаю к Вам. Не имея сказать ничего другого этим письмом, молю Всевышнего, чтобы он хранил Вас, князь Кутузов, под своим священным и благим покровом».

Это письмо, о котором стало широко известно в России, вдохновило известного баснописца И.А. Крылова на знаменитое произведение «Волк на псарне», где в аллегорической форме изображено противостояние Кутузова и Наполеона.

«Мог бы я сказать, — писал Михаил Илларионович жене Екатерине Ильиничне, — что Бонапарт, этот гордый завоеватель, бежит передо мной, как школьник от учителя, но... Бог смиряет гордыню... Я все скитаюсь, окружен дымом, который называют славой...»

В то же время Кутузов хотел, чтобы люди понимали истинное значение его действий. Когда Екатерина Ильинична прислала из Петербурга оду, в которой было сказано, что он сдал Москву, чтобы сберечь кровь воинов, полководец ответил:

«Я весил Москву не с кровью воинов, а с целой Россией и с спасением Петербурга и с свободой Европы».

Он предвидел, что найдутся злопыхатели, которые извратят суть его решений. А, оценивая историческое значение своей победы, говорил:

«Карл XII вошел в Россию так же, как Бонапарте, и Бонапарте не лучше Карла из России вышел...».

Тогда же сестра императора Екатерина Павловна ядовито писала брату:

«...Фельдмаршал озарен такой славой, которой он заслуживает: зло берет видеть, как все почитание сосредотачивается на столь недостойной голове, а вы, я полагаю, являетесь в военном отношении еще большим неудачником, чем в гражданском...»

Что ж, Екатерина Павловна не зря считалась одной из умнейших женщин своего времени: относи-

тельно роли августейшего брата она была совершенно права. А вот ненависть к Кутузову ее, по-видимому, просто ослепила и лишила объективности.

В конце декабря 1812 года Кутузов лаконично доложил в Санкт-Петербург:

«Война окончилась за полным истреблением неприятеля».

А сам, тем временем, вел войска к новым победам: пала крепость Тори, были взяты Дрезден, Лейпциг, Берлин. Но борьба снова осложнилась. Из Франции к Эльбе спешили собранные Наполеоном войска. Кутузов отдал приказ сое-

динить русские и прусские войска, действовавшие на разных направлениях, сосредоточить их в Дрездене.

В те дни стояла сырая, ветреная погода. Михаил Илларионович в дороге простудился.

«Мое здоровье, мой друг, — общал он жене, — так расстроено, что мне не много надобно, чтобы на несколько дней не быть ни на что годну».

По-прежнему изводили его интриги штабных, возглавляемых братом царя великим князем Константином. Из груди больного вырывается как стон:

Во время осады Очакова Кутузов был ранен и правый глаз начал слепнуть

«...Именем Христа спасителя прошу побережь меня, пока я в таких трудных обстоятельствах...»

Но Кутузов не сдавался: в начале апреля 1813 года он утвердил план дальнейших военных действий и за неделю до смерти написал императору о необходимости как можно скорее сосредоточить войска западнее Эльбы и одновременно заняться проблемой освобождения от наполеоновских войск Дании и Норвегии.

11 апреля Михаил Илларионович продиктовал свое последнее письмо Екатерине Ильиничне:

«Я к тебе, мой друг, пишу в первый раз чужою рукой, чему ты удивишься, а может быть, и испугаешься — болезнь такого рода, что в правой руке отнялась чувствительность перстов...»

Незадолго до смерти к нему приезжал Александр I. Лицемер, с первого года своего царствования травивший Михаила Илларионовича, теперь ханжески просил умирающего о прощении.

— Я, ваше величество, прощаю, но простит ли Россия, — ответил фельдмаршал.

Этот разговор у смертного одра великого фельдмаршала о многом должен был напомнить Александру. Ему пришлось, можно сказать, уже на другой день убедиться, как трудно заменить Кутузова-стратега Витгенштейном, а Кутузова-дипломата Карлом Нессельроде.

Но ореол кутузовского бессмертного триумфа 1812 г. был так могуч, что временные неудачи весны и лета 1813 г. были изжиты и быстро забыты к тому времени, когда осенью русская армия дожидалась до новых замечательных побед при Кульме и Лейпциге.

28 апреля 1813 года Михаил Илларионович скончался.

От русской армии несколько дней скрывали смерть главнокомандующего, повинувшись приказам, издаваемым его именем, она продолжала наступать на запад.

На площади тихого прусского городка Бунцлау воздвигли монумент, на котором выбита надпись:

«До сих мест полководец Кутузов довел победоносные войска Российские, но здесь смерть поло-

жила предел славным делам его. Он спас отечество свое и открыл пути освобождения Европы. Да будет благословенна память героя».

Тело Михаила Илларионовича забальзамировали и повезли на восток, в Россию. На всем пути в скорбном молчании народ встречал траурную процессию. Тысячи мужчин и женщин, стариков и детей шли за гробом от села к селу, от города к городу. В пяти верстах от Петербурга народ остановил колесницу, коней выпрягли, и до Казанского собора люди, сменяя друг друга, на руках несли к могиле тело русского полководца.

Светлейший князь и фельдмаршал был погребен в Казанском соборе, позднее, в 1831 году перед колоннадой собора ему был сооружен величественный памятник.

Император сохранил за вдовой Кутузова полное содержание мужа и повелел уплатить все долги семьи полководца.

Так как фельдмаршал не оставил потомства по мужской линии, фамилия Голенищева-Кутузова в 1859 г. была передана его внуку генерал-майору П.М. Толстому, сыну Праксавьи. Породился Кутузов и с Императорским Домом, и с Наполеоном: его правнучка Дарья Константиновна Опочинина стала женой герцога Евгения Лейхтенбергского, внука императора Николая Первого и правнука Жозефины де Богарнэ.

П Р И М Е Ч А Н И Е

В память о славных победах русско-го оружия над армией Наполеона, М.И. Кутузову воздвигнуты многочисленные памятники. О двух было сказано выше, помимо них, были и есть:

- 1862 — в Великом Новгороде на памятнике «1000-летие России» среди 129 фигур самых выдающихся личностей в российской истории есть и фигура М.И. Кутузова.
- 1912 — обелиск на Бородинском поле, у деревни Горки.
- 1953 — в Калининграде (в 1995 перенесен в г. Правдинск (бывший Фридланд), Калининградской обл.). В 1997 в Калининграде установлен новый памятник М.И. Кутузову.
- 1954 — в Смоленске, у подножия Соборного холма.
- 1959 — в Володарск-Волынском (Украина), где было имение Кутузова. Тогда селение именовалось Горошки, в 1912–1921 — Кутузовкой, затем переименовано в честь большевика Володарского.
- 1973 — в Москве около музея-панорамы «Бородинская битва».
- 1997 — в Тирасполе, на Бородинской площади перед Домом офицеров российской армии.
- 2009 — на территории Бендерской крепости, во взятии которой Кутузов принимал участие.

Во время Великой Отечественной войны в СССР был учрежден Орден Кутузова трех степеней. Ими награждено около 7 тысяч человек и целые воинские части, в честь великого полководца был назван один из крейсеров ВМФ. Именем М. И. Кутузова назван астероид.

В Москве существуют Кутузовский проспект, Кутузовский проезд, Куиузовская улица и Кутузовский переулок, станция Кутузово (открыта в 1908 году) Московской Окружной железной дороги и станция метро «Кутузовская» (открыта в 1958 году). Во многих городах России, а также в других бывших республиках СССР есть улицы, названные в честь М.И. Кутузова.

М.И. Кутузов всецело принадлежит к русской школе стратегии. Подобно другим трем замечательным русским полководцам XVIII столетия — Петру I, Румянцеву и Суворову, — он обнаруживал свои богатые природные дарования решительно вне какой-либо зависимости от влияния военных теорий и образцов полководческого искусства Запада.

Великий полководец жил для России и служил России, но дождался вполне достойного его бессмертных заслуг признания его национальным героем только в наши времена.

Что ж, лучше поздно, чем никогда. □

III

Евгения
Гордиенко

ОЭТ, РУБАКА, ВЕСЕЛЬЧАК...

С каждым годом живых участников Великой Отечественной войны, все еще такой яркой в нашей памяти, становится все меньше. Героев другой Отечественной войны, 1812 года, разумеется, не осталось уже к началу XX века, и знаем мы о ней только из записок современников. Да и они порой кажутся нам сказками, историями героев давно ушедших дней. Одним из таких героев, который оставил нам немало строк о далеких героических днях, был гусар, поэт, весельчак и честолюбец — Денис Давыдов

«Официальная» версия

Прежде всего, конечно, стоит помнить, что Денис Давыдов реальный и Денис Давыдов как «литературное я» — порой совершенно разные люди. Чего стоит только написанная в начале 1820-х годов автобио-

графия написана в третьем лице, и Давыдов «телеграфом», но с присущим ему юмором, перечисляет в ней свои жизненные вехи. Или не свои, а того Дениса Давыдова, каким он хотел себя видеть?

графия, начинавшаяся так: «Денис Васильевич Давыдов родился в Москве 1784 года июля 16-го дня, в год смерти Дениса Дидерота. Обстоятельство сие тем примечательно, что оба сии Денисы обратили на себя внимание земляков своих, Бог знает, за какие услуги на словесном поприще!»

Начал он с детства, когда его ребенком заметил Александр Васильевич Суворов и сказал: «Ты выиграешь три сражения!» Сам Давыдов так комментирует это пророчество: «Маленький повеса бросил Псалтырь, замахал саблей, выколлот глаз дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост борзой собаке,

думая тем исполнить пророчество великого человека. Розга обратила его к миру и к учению».

После этих злоключений Давыдов легко переходит к юности в Петербурге, куда в начале 1801 года отослали его на службу, дав «в руки четыреста рублей ассигнациями... Малый рост препятствовал ему вступить в кавалергардский полк без затруднений. Наконец привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище поэтического его гения мукою и треугольною шляпою...» Видно, что он красуется, заранее принижая возможные свои успехи, но в глубине души знает, что успехи будут, и немалые.

В столице Давыдов поселился у двоюродного брата — Каховского. Но вместо радушного приема — одни лишь упреки за то, что на службу он поступил неучем. И то верно, дома юному Денису поучиться особенно не удалось. Как писал он сам: «живя в Москве без занятий, он познакомился с некоторыми молодыми людьми, воспитывавшимися тогда в Университетском пансионе. Они доставили ему случай прочитать «Аониды», полупериодическое собрание стихов, издаваемое тогда Н.М. Карамзиным. Имена знакомых своих, напечатанные под некоторыми стансами и песенками, помещенными в «Аониды», воспламенили его честолюбие: он стал писать; мысли толпи-

лись, но как приключение во сне, без связи между собою. В порывах нетерпения своего он думал победить препятствия своенравием: рвал бумагу и грыз перья, но не тут-то было!»

Уже тогда, еще до службы, видно в Давыдове это желание писать и творить. Но — время! Уж лучше быть солдатом. Однако Каховский сетовал: «Что за солдат, брат Денис, который не надеется быть фельдмаршалом! А как тебе снести звание это, когда ты не знаешь ничего такого, что необходимо знать штаб-офицеру?»

Давыдов чувствовал себя одновременно оскорбленным и пристыженным. Амбиции, невероятные амбиции переполняли его — он хотел быть первым и на поле брани, и на литературном поприще. Недаром же писал о «воспламененном честолюбии».

Он усердно взялся за ученье. И, в общем-то, преуспел. Уже в 1804 году юноша попадает в Белорусский гусарский полк, а еще через два года молодого гусарского ротмистра замечает князь Багратион и берет его своим адъютантом на войну с французами.

Военная карьера Давыдова была стремительной — уже к началу Отечественной войны он получил чин подполковника и командовал батальоном. Именно он первым (по его собственному мнению) подал мысль «о выгоде партизанского действия». Воевал Давыдов

много и нетерпеливо, порой нарушая приказы и бывая за непокорность сосланным. Однако быстро остывал и вновь предстал перед начальственными очами.

Но не только битвы занимали его разум. Он творил! Именно благодаря Денису Давыдову, Отечественная война 1812 года стала почти легендой, при этом, он не забывал вписать и себя рядом с Кутузовым, Багратионом, Александром I и Наполеоном...

К 1814 году война Давыдову наскучила, и он вернулся из Парижа

в Москву, где «предавался исключительно поэзии и даже сочинил несколько элегий».

Поэтический оборот в этот момент приняла и личная жизнь Давыдова — в 1819 году он женился на дочери генерала, а в 1821-м «забраковал себя из списков фронтовых генералов». В семейной жизни, как и на службе, Давыдов стремился, с его точки зрения, к совершенству. Чего стоит только тот факт, что у него было 10 детей!

Но в этой мирной жизни Давыдов, по его собственным словам, опять

заскучал. И едва появилась возможность, вновь надел доломан и поскакал защищать границы империи...

Так он и жил: то воюя, то сочиняя стихи и автобиографию, то довольствуясь мирной жизнью, то вновь оправляясь в самое пекло войны. Незадолго до смерти Давыдов собирался издать сборник стихотворений, для чего «обэскадронил все что мог из своей «сволочи», и представил команду эту на суд читателя, с ее странною поступью (allure), с ее обветшалыми ухватка-

ми, в ее одежде старомодного покроя... Будут нападки: это в порядке вещей... В лета щекотливой юности Давыдова малейшее осуждение глянца сапогов, фабры усов, статей коня его бросало его руку на пистолеты или на рукоять его черкесской шашки. Время это далеко! Теперь мы ручаемся, что он ко многому уже равнодушен, особенно к стихам своим, к коим равнодушие его, относительно их красоты или недостатков, не изменялось и не изменится...»

Реальная жизнь

Многое из написанного в автобиографии, Давыдовым, разумеется, придумано, описано выпренокно, нежизненно, с самоуничижением и с самовосхвалением.

Жизнь, разумеется, куда как проще.

Конечно, мы не знаем, действительно ли так «метался» Давыдов от военной жизни к мирным забавам и обратно, но доподлинно известно, что он участвовал во всех войнах, которые вела Россия при его жизни.

Можно сказать, что он не только сам пробивался сквозь жизненные тернии, но и двигал страну вперед. От литературы Жуковского к литературе Пушкина, от странного правле-

ния Павла I к декабристским выступлениям при Александре I, и к суровому военному быту при Николае I.

Его часто называли «ворчуном», потому что он не только участвовал в войнах, но и настойчиво требовал за это наград. И, как ни странно, получал их. Денис Давыдов был награжден орденами Святой Анны I степени, Святого Владимира II степени, Святого Георгия IV класса, крестом за Прейсиш-Эйлау, прусским орденом «За заслуги» за Гейльсберг, золотой саблей «за храбрость». Ему выдавались и крупные денежные суммы, списывались долги. При этом гусар все равно продолжал жаловаться на то, что власть обходит его своим вниманием...

В 1835 году, став уже известным литератором, он купил городскую усадьбу на Пречистенке. А позже «продавал» ее таким вот стихотворением «Челобитная», адресованном генералу и сенатору Башилову, ведавшему московскими строениями:

*Помоги в казну продать
За сто тысяч дом богатый,
Величавые палаты,
Мой Пречистенский дворец.
Тесен он для партизана!*

О лирике Давыдова критики говорили, как правило, довольно однообразно: о том, что слог не всегда выверен, что веселость их часто сменяется грустью. Однажды высказанное кем-то мнение стало штампом для всего, что написал Давыдов: «Амазонская муза Давыдова говорит откровенным наречием воинов, любит беседы вокруг пламени бивуака и с улыбкою рыщет по полю смерти. Слог партизана-поэта быстр, картинен, внезапен. Пламень любви рыцарской и прямодушная веселость попеременно оживляют оный. Иногда он

бывает нерадив к отделке; но время ли наезднику заниматься убором?.. Залетные послания и зачашные песни его останутся навсегда образцами».

Неудивительно, что, слыша такие отзывы, Давыдов иногда оставлял свою музу в деревне, возле жены, детей и подруг, в которых влюблялся (а их, несмотря на наличие семьи, было немало), а сам мчался на очередное побоище, где мог жить той жизнью, которая нравилась ему куда больше отзывов критиков. Ну, а потом, разумеется, описывать ее в стихах...

В отличие от многих современников Давыдов не мог принимать критику легко. Он спорил, доказывал, воевал, жаловался и оправдывался. Он хотел быть больше того, чем казался сам себе. Его друг по кавалерии Бестужев-Марлинский, позже ссыльный декабрист, писал о нем (в частном, правда, письме): «Дениса Давыдова судите <вы> по его словам; но между нами будь сказано, он более выписал, чем вырубил себе славу храбреца...»

Итоги

Конечно, реальность всегда разительно отличается от того, что мы придумываем, говорим, пишем о себе.

Генерал-лейтенант Денис Давыдов прожил пусть и не очень долгую, зато очень насыщенную жизнь. Умер он 22 апреля 1839 года в

имении Верхняя Маза, где и был похоронен. Другой гусар, другой поэт наверняка не стал бы столь известным с такими «жизненными фактами», о которых мы знаем из его «Автобиографии». Но сумеет

придумать себя, добиться того, чтобы из реального человека стать почти мифическим персонажем и героем произведений других авторов — для этого надо было быть именно Денисом Давыдовым...

Денис Давыдов

«И мука сладкая, и восхищенья слезы...»

Романс

*Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!*

*Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти,
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай.*

*Не повторяй мне имя той,
Которой память — мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.*

*Иль нет! Сорви покров долой!..
Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой.*

Элегия

*О, пощади! Зачем волшебство
ласк и слов,
Зачем сей взгляд, зачем сей вздох
глубокой,
Зачем скользит небрежно покров
С плеч белых и с груди высокой?
О, пощади! Я гибну без того,
Я замираю, я немею
При легком шорохе прихода твоего,
Я, звуку слов твоих внимая,
цепенею.*

Но ты вошла... и дрожь любви,

*И смерть, и жизнь, и бешенство
желанья
Бегут по вспыхнувшей крови,
И разрывается дыхание!
С тобой летят, летят часы,
Язык безмолвствует... одни мечты
и грезы,
И мука сладкая, и восхищенья
слезы...
И взор впился в твои красы,
Как жадная пчела в листок
весенней розы.]*

* * *

О, кто, скажи мне, кто ты,
Виновница моей мучительной
мечты?
Скажи мне, кто же ты? —
Мой ангел ли хранитель
Иль злобный гений-разрушитель
Всех радостей моих? —
Не знаю, но я твой!
Ты смяла на главе венки мой
боевой,
Ты из души моей изгнала жажду
славы
И грезы гордые, и думы величавы.
Я не хочу войны, я разлюбил
войну, —
Я в мыслях, я в душе храню
тебя одну.
Ты сердцу моему нужна
для трепетанья,

Как свет очам моим, как воздух
для дыханья.
Ах! Чтоб без трепета, без ропота
терпеть
Разгневанной судьбы и грозы
и волненья,
Мне надо на тебя глядеть, всегда
глядеть,
Глядеть без усталости, как на звезду
спасенья!
Уходишь ты — и за тобою вслед
Стремится мысль, душа несется,
И стынет кровь, и жизни нет!..
Но только что во мне твой шорох
отзовется,
Я жизни чувствую прилив, я вижу
свет,
И возвращается душа, и сердце
бьется!..

Вальс

Кипит поток в дубраве шумной
И мчится скачущей волной,
И катит в ярости безумной
Песок и камень вековой.
Но, покорен красой невольной,
Колышет ласково поток
Слетевший с берега на волны
Весенний розовый листок.

Так бурей вальса не сокрыта,
Так от толпы отличена,
Летит, воздушна и стройна,
Моя любовь, моя харита,
Виновница тоски моей,
Моих мечтаний, вдохновений,
И поэтических волнений,
И поэтических страстей!

* * *

Я не ропщу. Я вознесен судьбою
Превыше всех! — Я счастлив,
я любим!
Приветливость даруется тобою
Соперникам моим...

Но теплота души, но все, что так
люблю я
С тобой наедине...
Но девственность живого поцелуя...
Не им, а мне!

Бородинское поле

Умолкшие холмы, дол некогда
кровавый,
Отдайте мне ваш день, день
вековой славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал, мою
судьбу
Попрали сильные. Счастливы
горделивы
Невольным пахарем влекут меня
на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный
в боях,
Ты, голосом своим рождающий
в полках
Погибели врагов предчувственные
клики,
Вождь гомерический, Багратион
великий!

Простри мне длань свою,
Раевский, мой герой!
Ермолов! Я лечу — веди меня,
я твой:
О, обреченный быть побед
любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих
перунов дымом!
Но где вы?.. Слушаю... Нет отзыва!
С полей
Умчался брани дым, не слышен
стук мечей,
И я, питомец ваш, склоняюсь
главой у плуга,
Завидую костям соратника
иль друга... □

Иван Бунин

КОНЕЦЪ

На горе в городе был в этот промозглый зимний день тот роковой промежуток в борьбе, то безвластие, та зловещая безлюдность, когда отступают уже последние защитники и убегают последние из убегающих обывателей... Город пустел все страшнее, все безнадежнее для оставшихся в нем и мучающихся еще неполной разрешенностью своей судьбы. По окраинам, возле вокзала и на совершенно вымерших улицах возле почты и государственного банка, где на мостовых уже лежали убитые, то и дело поднимался треск, град винтовок или спешно, дробно строчил пулемет.

К вечеру из-за северной заставы началась орудийная пальба, бодро раздавался тяжкий, глухой стук, от которого вздрагивала земля, за ним великолепный, с победоносной мощью режущий воздух и звенящий звук снаряда и, наконец, громовой разрыв, оглушающий весь город. Потом внезапно пошла частая и беспорядочная оружейная стрельба на спусках в порт и в самом порту, все приближаясь к «Патрасу», под французским флагом стоявшему у набережной в Карантинной гавани. Откуда-то донесся быстро бегущий, тревожно и печально требующий дороги рожок кареты Скорой помощи... Стало жутко и на «Патрасе» — то страшное, что совершилось на горе, доходило и до него. «Что же мы стоим? — слышались голоса в толпе, наполнявшей пароход. — С ума сошли, что ли, французы? Нас не выпустят, нас всех перережут!» — И все стали врать напропалую, стараясь зачем-то еще более напугать и себя и других: угля, говорят, нет, команда, говорят, бунтует, матросы красный флаг хотят выкинуть... Между тем уже темнело.

Но вот, в пятом часу, выскочил, наконец, из-за старого здания тамошни и подлетел к пароходу крытый автомобиль — и у всех вырвался вздох облегчения: консул приехал, значит, слава богу, сейчас отвалим.

Консул, с портфелем под мышкой, выпрыгнул из автомобиля и пробежал по сходам, за ним быстро прошел офицер в желтых крагах и в короткой волчьей шубке мехом наружу, нарочито грубого и воинственного вида, и тотчас же загремела лебедка, и к автомобилю стала спускаться петля каната. Все с жадным любопытством столпились к борту, уже не обращая внимания на стрельбу где-то совсем близко, автомобиль, охваченный петлей, покосился, отделился от земли и беспомощно поплыл вверх с криво повисшими, похожими на поджатые лапы колесами... Два часовых, два голубых солдата в железных касках, стояли с карабинами на плечо возле сходней. Вдруг откуда-то появился перед ними яростно запыхавшийся господин в бобровой шапке, в длинном пальто с бобровым воротником. На руках у него спокойно сидела прелестная синеглазая девочка. Господин, заметно было, повидал виды. Он был замучен, он был так худ, что пальто его, забрызганное грязью, с воротником точно зализанным, висело как на вешалке. А девочка была полненькая, хорошо и тепло одета, в белом вязаном капоре. Господин кинулся к сходням. Солдаты было двинулись к нему, но он так неожиданно и так свирепо погрозил им пальцем, что они опешили, и он неловко вбежал на пароход.

Я стоял на рубке над кают-компанией и с бессмысленной пристальностью следил за ним. Потом так же тупо стал смотреть на туманившийся на горе город, на гавань. Темнело, орудийная, а за нею и ружейная стрельба смолкла, и в этой тишине и уже спокойно надвигающихся сумерках чувствовалось, что дело уже сделано, что город сдался... В городе не было ни одного огня, порт был пуст, «Патрас» уходил последним. За рейдом терялась в сумрачной зимней мгле пустыня голых степных берегов. Вскоре пошел мокрый снег, и я, насквозь промерзнув за долгое стояние на рубке, побежал вниз. Мы уже двигались, все плыло подо мною, набережная косяком отходила прочь, туманно-темная городская гора валилась назад... Потом шумно за клубилась вода из-под кормы, мы круто обогнули мол с мертвым, темным маяком, выровнялись и пошли полным ходом... Прощай, Россия, бодро сказал я себе, сбегая по трапам.

II

Пароход, конечно, уже окрестили боевым ковчегом, — человеческое остроумие не богато. И точно, кого только не было на нем! Были крупнейшие мошенники, обремененные наживой, покинувшие город спо-

койно, в твердой уверенности, что им будет неплохо всюду. Были люди порядочные, но тоже пока еще спокойные, бежавшие впервые и еще не вполне сознавшие всю важность того, что случилось. Были даже такие, что бежали совсем неожиданно для себя, что просто заразились общим бегством и сорвались с места в самую последнюю минуту, без вещей, без денег, без теплой одежды, даже без смены белья, как, например, какие-то две певички, не к месту нарядные, смеявшиеся над своим нечаянным путешествием как над забавным приключением. Но преобладали все же настоящие беженцы, бегущие уже давно, из города в город, и, наконец, добежавшие до последней русской черты.

Три четверти людей, сбившихся на «Патрасе», уже испытали несметное и неправдоподобное количество всяких потерь и бед, смертельных опасностей, жутких и нелепых случайностей, мук всяческого передвижения и борьбы со всяческими препятствиями, крайнюю тяготу телесной и душевной нечистоты, усталости. Теперь, утратив последние остатки человеческого благополучия, растеряв друг друга, забыв всякое людское достоинство, жадно таща на себе последний чемодан, они сбежались к этой последней черте, под защиту счастливых, далеких от всех их страданий и потому втайне гордящихся существ, называемых французами, и эти французы дозволили им укрыться от последней гибели в то уютное, тесное, что называлось «Патрасом» и что в этот зимний вечер вышло со всем своим сбродом навстречу мрачной зимней ночи, в пустоту и даль мрачного зимнего моря. Что должен был чувствовать весь этот сброд? На что могли надеяться все те, что сбились на «Патрасе», в том совершенно загадочном, что ожидало их где-то в Стамбуле, на Кипре, на Балканах? И, однако, каждый из них на что-то надеялся, чем-то еще жил, чему-то еще радовался и совсем не думал о том страшном морском пути в эту страшную зимнюю ночь, одной трезвой мысли о котором было бы достаточно для полного ужаса и отчаяния. По милости божьей, именно трезвости-то и не бывает у человека в наиболее роковые минуты жизни. Человек в эти минуты спасительно тупеет.

Всюду на пароходе все было загромождено вещами и затоптано грязью и снегом. Всяду была беспорядочная теснота и царило оживление табора, людей только что спасшихся, страстно стремившихся спастись во что бы то ни стало и вот наконец добившихся своего, после всех своих мучений и страхов наконец поверивших, что они спасены, что они уже вне опасности и что они живы, — что бы там ни было впоследствии! Человек весьма охотно, даже с радостью освобождается от всяких человеческих уз, возвращается к первобытной простоте и неустроенности, к дикому образу существования, — только позволь обстоятельства, толь-

ко будь оправдание. И на «Патрасе» все чувствовали, что теперь это позволено, что теперь это можно — не стыдиться ни грязных рук, ни потных под шапками волос, ни жадной еды не вовремя, ни неумеренного куренья, ни разворачивания при посторонних своего скарба, нутра своей обычно сокровенной жизни.

Всюду были узлы, чемоданы и люди: и в рубке над кают-компанией, где поминутно хлопала тяжелая дверь на палубу и несло сырým ветром со снегом, и на лестнице в кают-компанию, и под лестницей, и в столовой, где воздух был уже очень испорченный. Трудно было пройти от тех нестесняющихся и опытных, предусмотрительных господ, что уже захватывали себе местечко, располагались по полу со своими постелями и семьями. Прочие, спотыкаясь на эти постели, перепрыгивая через узлы и чемоданы, наталкиваясь друг на друга, бегали с чайниками за кипятком, тащили где-то добытые, — за какие угодно деньги и чем дороже, тем радостнее! — огромные белые хлеба, торжествуя друг перед другом своей ловкостью, настойчивостью и даже бессовестностью. Столы завалили съестным, сидели за ними тесно, в шапках и калошах, поспешно ели и пили, сорили яичной скорлупой, угощали друг друга колбасой и салом, со смехом рассказывая, что вчера мужик на базаре содрал вот за этот кусок четыре тысячи «думскими», пробивали перочинными ножами брызгающие рыжим маслом жестянки... Длинный господин, явившийся на пароход последним, несколько раз пробежал по столовой с коробкой консервированного молока в руке, — где-то устроил свою девочку и хлопотал накормить ее. Вид у него был все такой же грозный и решительный, и еще заметнее было теперь, — он был без пальто, — как худа его шея, как велика бобровая шапка, как мягки и сальны длинные волосы.

III

Под лестницей была особенно гнусная теснота, образовались две нетерпеливых очереди — одна возле нужников, в двери которых ожидающие поминутно стучали, и другая возле лакеев, раздававших красное вино, налипавших его из бочки в бутылки, кружки и чайники, с которыми толпились беженцы. Вино было даровое, и потому воспользоваться им хотелось всем, даже и непьющим. Я скорее многих других пробился к лакеям, получил целый литр и, возвратясь в столовую и пристроившись к уголку стола, стал медленно пить и курить.

Только что разнесся слух, что перед самым нашим отходом из порта было получено на «Патрасе» страшное радио: два парохода, тоже пере-

полненные такими же, как мы, и вышедшие раньше вас на сутки, потерпели крушение из-за снежной бури — один у самого Босфора, другой у болгарских берегов. И новая угроза повисла над нами, новая неопределенность — дойдем ли мы до Константинополя, и если дойдем, то когда? Ни курить, ни пить мне не хотелось; сигара была ужасная, вино холодное, лиловое. Но я сидел, пил и курил. Уже началось то напряженное ожидание, которым живешь в море при опасных переходах. «Патрас» был стар, перегружен, погода разыгрывалась с каждой минутой все круче... Большинство утешало себя тем, что мы идем быстро, уверенно. Но я, по своей морской опытности, хорошо знал, что быстрота эта только кажущаяся. Это не мы увеличивали ход, это росло волнение.

Вода уже шумно неслась вдоль наших тонких стен, все чаще и все яростнее накатывая с боков, все тяжелее стучая в стены и с плеском, шипением ссыпаясь с них. За стенами была непроглядная ночь, горами, без толку, без смысла, ходило мрачное, ледяное, зимнее море. В черные стекла ливнем летели брызги, лепило мокрым белым снегом, свистел, крепко дул ветер, холодное дыхание которого то и дело чувствовалось в дымном, жарком и уже вонючем воздухе низкой столовой, все-таки радовавшей своим светом и теплом, тем уютom, которого так первобытно жаждет человеческое сердце, еще помнящее страхи древней жизни, пещерных, свайных дней. И я тоже неосознанно радовался этому свету и теплу, сидя за своей бутылкой; слушал говор, галду своих спутников, чего-то ждал и что-то думал, — вернее, все собирался что-то обдумать и попать как следует. Стало уже упруго подымать и опускать, стало валить на сторону, скрипеть переборками, диванами и креслами, в которых мы сидели. «Патрас» будто быстро шел среди качавшихся, расступавшихся и опять с плеском и шумом сходящихся водяных гор, шел, весь дрожа, и что-то работало внутри него все торопливее, с перебоями, с перерывами выделявая «траттататата». Вдруг ветер налетел и засвистал бешено, волна ударила так тяжело и, освещенная нашим огнем, так страшно заглянула своей мутной слюдой, своей громадой в стекла, что многие вскрикнули и повалились друг на друга, думая, что мы уже гибнем... Потом все опять пришло в порядок, опять пошло с дрожью и перерывами это «траттататата», — и вдруг опять ударило, и опять дико засвистало и глубоко окунуло, опустило в расступившуюся водяную пропасть... «Началось!» — подумал я с нелепой радостью.

Вскоре стол опустел. Большинство стонало, томилось, — с надрывом, с молящими криками извергало из себя всю душу, валялось по диванам, по полу или поспешно, падая и спотыкаясь, бежало вон из столовой. То тут, то там кого-нибудь безобразно хлестало, а выбегающие ма-

хали дверями, и сырой холод стал мешаться с кислым зловонием рвоты. Уже нельзя было ни ходить, ни стоять, убежать надо было опрометью, сидеть — упираясь спиной в кресло, в стену, а ногами в стол, в чемоданы. Все так же казалось, что размахивающийся и вправо, и влево, и вверх, и вниз пароход идет с бешеной поспешностью, внутри его грохотало уже неистово, и перерывы, отдыхи в этом грохоте казались мгновениями счастья... А наверху был сущий ад. Я допил вино, докурил сигару и, падая во все стороны, побрел в рубку. Я одолел лестницу и пробовал одолеть дверь наружу, выглянуть — ледяной ветер перехватывал дыхание, резал глаза, слепил снегом, с звериной яростью валил назад... Обмерзлые, побелевшие мачты и снасти ревели и свистали с остервенелой тоской и удалью, студенистые холмы волн перекатывались через палубу и опять, опять росли из-за борта и страшно светились взмыленной пеной в черноте ночи и моря... Крепко прохваченный холодом и морской свежестью, я насилу добрался назад до столовой, потом до своей каюты, по некоторым причинам предоставленной в мое распоряжение. Там было темно и все скрипело, возилось, точно что-то живое, борющееся. Проклятый корабельный пол, косой, предательский, зыбко уходил из-под ног. И, когда он уходил особенно глубоко, в стену особенно тяжело ударяла громада воды, все старавшаяся одним махом сокрушить и захлестнут «Патрас», Но «Патрас» только глубоко нырнул под этим ударом и снова пружинил наружу, где на него обрушился новый враг — налетел ураган со снегом, насквозь пронзавший мокрые стены своим ледяным свистящим дыханием...

IV

И не раздеваясь, — раздеться никак нельзя, того гляди, расшибет об стену, об умывальник, да и слишком было холодно, — я нащупал нижнюю койку и, уллучив удобную минуту, ловко повалился на нее. Все ходило, качалось, дурманило. Бухало в задраенный иллюминатор, с шумом стекало и бурлило — противно, как в каком-то чудовищном чреве. И, понемногу пьянея, отдаваясь все безвольнее в полную власть всего этого, я стал то задремывать, то внезапно просыпаться от особенно бешеных размахов и хвататься за койку, чтобы не вылететь из нее. Труба в рукомойнике, его сточная дыра гудела, гудела — и вдруг начинала булькать, реветь и захлебываться... Ах, встать бы, заткнуть чем-нибудь это анафемское горло! Но не было воли даже приподняться, как ни готовился я вот-вот решиться на это. И потекли часы за часами, и стало казаться,

что уже никогда не минет эта мука качания, эта ночь, этот мрак, завывание, шум, плеск, шипение и все новые и новые удары то и дело летающих откуда-то из страшной водной беспределности волн...

В полусне, в забытии я что-то думал, что-то вспоминал... Пришло в голову и стало повторяться, баюкать:

*Гром и шум, корабль качает,
Море Черное шумит...*

— Как дальше? — в полусне спрашивал я себя. — Ах да!

*Снится мне — я свеж и молод...
От зари роскошный холод
Проникает в сад...*

Как все это далеко и ненужно теперь! Так только, грустно немного, жаль себя и еще чего-то, а за всем тем — бог с ним! И опять повторялись стихи и опять путались, опять клонило в сон, в дурман, и опять все лезло куда-то вверх, скрипело, боролось, — и все лишь затем, чтобы опять неожиданно разрешиться срывом, а за ним новым пружинным подъемом, и новым шипением бурлящей, стекающей воды, и пахучим холодом завывающего ветра, и клопочущим ревом захлебывающегося умывальника... Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило: да, так вот оно что — я в Черном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России — конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец, даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине! Только как же это я не понимал, не понял этого раньше?

Париж. 1921

Иван Бунин

В Париже

Когда он был в шляпе, — шел по улице или стоял в вагоне метро, — и не видно было, что его коротко стриженные красноватые волосы остро серебрятся, по свежести его худого, бритого лица, по прямой выправке худой, высокой фигуры в длинном непромокаемом пальто, ему можно было дать не больше сорока лет. Только светлые глаза его смотрели с сухой грустью и говорил и держался он как человек, много испытавший в жизни. Одно время он арендовал ферму в Провансе, наслышался едких провансальских шуток и в Париже любил иногда вставлять их с усмешкой в свою всегда сжатую речь. Многие знали, что еще в Константинополе его бросила жена и что живет он с тех пор с постоянной раной в душе. Он никогда и никому не открывал тайны этой раны, но иногда невольно намекал на нее, — неприятно шутил, если разговор касался женщин:

— Rien n'est plus difécile que de reconnaître un bon melon et une femme de bien.

Однажды, в сырой парижский вечер поздней осенью, он зашел пообедать в небольшую русскую столовую в одном из темных переулков возле улицы Пасси. При столовой было нечто вроде гастрономического магазина — он бессознательно остановился перед его широким окном, за которым были видны на подоконнике розовые бутылки конусом с рябиновкой и желтые кубастые с зубровкой, блюдо с засохшими жареными пирожками, блюдо с посеревшими рублеными котлетами, коробка халвы, коробка шпротов, дальше стойка, уставленная закусками, за стойкой хозяйка с неприязненным русским лицом. В магазине было

светло, и его потянуло на этот свет из темного переулка с холодной и точно солевой мостовой. Он вошел, поклонился хозяйке и прошел в еще пустую, слабо освещенную комнату, прилегавшую к магазину, где белели накрытые бумагой столики. Там он не спеша повесил свою серую шляпу и длинное пальто на рога стоячей вешалки, сел за столик в самом дальнем углу и, рассеянно потирая руки с рыжими волосатыми кистями, стал читать бесконечное перечисление закусок и кушаний, частью напечатанное, частью написанное расплывшимися лиловыми чернилами на просаленном листе. Вдруг его угол осветился, и он увидел безучастно-вежливо подходящую женщину лет тридцати, с черными волосами на прямой пробор и черными глазами, в белом переднике с прошивками и в черном платье.

— Bonsoir, monsieur, — сказала она приятным голосом.

Она показала ему так хороша, что он смутился и неловко ответил:

— Bonsoir... Но вы ведь русская?

— Русская. Извините, образовалась привычка говорить с гостями по-французски.

— Да разве у вас много бывает французов?

— Довольно много, и все спрашивают непременно зубровку, блины, даже борщ. Вы что-нибудь уже выбрали?

— Нет, тут столько всего... Вы уж сами посоветуйте что-нибудь.

Она стала перечислять заученным тоном:

— Нынче у нас щи флотские, битки по-казацки... можно иметь отбивную телячью котлетку или, если желаете, шашлык по-карски...

— Прекрасно. Будьте добры дать щи и битки.

Она подняла висевший у нее на поясе блокнот и записала на нем куточком карандаша. Руки у нее были очень белые и благородной формы, платье поношенное, но, видно, из хорошего дома.

— Водочки желаете?

— Охотно. Сырость на дворе ужасная.

— Закусить что прикажете? Есть чудная дунайская сельдь, красная икра недавней полочки, коркуновские огурчики малосольные...

Он опять взглянул на нее: очень красив белый передник с прошивками на черном платье, красиво выдаются под ним груди сильной молодой женщины... полные губы не накрашены, но свежи, на голове просто свернутая черная коса, но кожа на белой руке холеная, ногти блестящие и чуть розовые, — виден маникюр...

— Что я прикажу закусить? — сказал он, улыбаясь. — Если позволите, только селедку с горячим картофелем.

— А вино какое прикажете?

— Красное. Обыкновенное, — какое у вас всегда дают к столу.

Она отметила на блокноте и переставила с соседнего стола на его стол графин с водой. Он закачал головой:

— Нет, мерси, ни воды, ни вина с водой никогда не пью. L'eau gate le vin comme la charette le chemin et la femme — l'ame.

— Хорошего же вы мнения о нас! — безразлично ответила она и пошла за водкой и селедкой. Он посмотрел ей вслед — на то, как ровно она держалась, как колебалось на ходу ее черное платье... Да, вежливость и безразличие, все повадки и движения скромной и достойной служащей. Но дорогие хорошие туфли. Откуда? Есть, вероятно, пожилой, состоятельный «ami»... Он давно не был так оживлен, как в этот вечер, благодаря ей, и последняя мысль возбудила в нем некоторое раздражение. Да, из году в год, изо дня в день, втайне ждешь только одного, — счастливой любовной встречи, живешь, в сущности, только надеждой на эту встречу — и все напрасно...

На другой день он опять пришел и сел за свой столик. Она была сперва занята, принимала заказ двух французов и вслух повторяла, отмечая на блокноте:

— Cavair rouge, salade russe... Deux chachlyks..

Потом вышла, вернулась и пошла к нему с легкой улыбкой, уже как к знакомому:

— Добрый вечер. Приятно, что вам у нас понравилось.

Он весело приподнялся:

— Доброго здоровья. Очень понравилось. Как вас величать прикажете?

— Ольга Александровна. А вас, позвольте узнать?

— Николай Платоныч.

Они пожали друг другу руки, и она подняла блокнот:

— Нынче у нас чудный рассольник. Повар у нас замечательный, на яхте у великого князя Александра Михайловича служил.

— Прекрасно, рассольник так рассольник... А вы давно тут работаете?

— Третий месяц.

— А раньше где?

— Раньше была продавщицей в Printemps.

— Верно, из-за сокращений лишились места?

— Да, по доброй воле не ушла бы.

Он с удовольствием подумал, что, значит, дело не в «ami», — и спросил:

— Вы замужняя?
— Да.
— А муж ваш что делает?
— Работает в Югославии. Бывший участник белого движения. Вы, вероятно, тоже?
— Да, участвовал и в великой и в гражданской войне.
— Это сразу видно. И, вероятно, генерал, — сказала она, улыбаясь.
— Бывший. Теперь пишу истории этих войн по заказам разных иностранных издательств... Как же это вы одна?
— Так вот и одна...
На третий вечер он спросил:
— Вы любите синема?
Она ответила, ставя на стол мисочку с борщом:
— Иногда бывает интересно.
— Вот теперь идет в синема «Etoile» какой-то, говорят, замечательный фильм. Хотите пойдём посмотрим? У вас есть, конечно, выходные дни?
— Мерси. Я свободна по понедельникам.
— Ну вот и пойдём в понедельник. Нынче что? Суббота? Значит позлезавтра. Идет?
— Идет. Завтра вы, очевидно, не придете?
— Нет, еду за город, к знакомым. А почему вы спрашиваете?
— Не знаю... Это странно, но я уж как-то привыкла к вам.
Он благодарно взглянул на нее и покраснел:
— И я к вам. Знаете, на свете так мало счастливых встреч...
И поспешил переменить разговор:
— Итак, позлезавтра. Где же нам встретиться? Вы где живете?
— Возле метро Motte-Picquet.
— Видите, как удобно, — прямой путь до Etoile. Я буду ждать вас там при выходе из метро ровно в восемь с половиной.
— Мерси.
Он шутливо поклонился:
— C'est moi qui vous remercie. Уложите детей, — улыбаясь, сказал он, чтобы узнать, нет ли у нее ребенка, — и приезжайте.
— Слава Богу, этого добра у меня нет, — ответила она и плавно понесла от него тарелки.
Он был и растроган и хмурился, идя домой. «Я уже привыкла к вам...» Да, может быть, это и есть долгожданная счастливая встреча. Только поздно, поздно. Le bon Dieu envoie toujours des culottes a ceux qui n'ont pas de derriere...

Вечером в понедельник шел дождь, мглистое небо над Парижем мутно краснело. Надеюсь поужинать с ней на Монпарнассе, он не обедал, зашел в кафе на Chaussée de la Muette, съел сэндвич с ветчиной, выпил кружку пива и, закулив, сел в такси. У входа в метро Etoile остановил шофера и вышел под дождь на тротуар — толстый, с багровыми щеками шофер доверчиво стал ждать его. Из метро несло банным ветром, густо и черно поднимался по лестницам народ, раскрывая на ходу зонтики, газетчик резко выкрикивал возле него низким утиным кряканьем названия вечерних выпусков. Внезапно в подымавшейся толпе показалась она. Он радостно двинулся к ней навстречу:

— Ольга Александровна...

Нарядно и модно одетая, она свободно, не так, как в столовой, подняла на него черно-подведенные глаза, дамским движением подала руку, на которой висел зонтик, подхватив другой подол длинного вечернего платья, — он обрадовался еще больше: «Вечернее платье, — значит, тоже думала, что после синема поедем куда-нибудь», — и отвернул край ее перчатки, поцеловал кисть белой руки.

— Бедный, вы долго ждали?

— Нет, я только что приехал. Идем скорей в такси...

И с давно не испытанным волнением он вошел за ней в полутемную пахнущую сырým сукном карету. На повороте карету сильно качнуло, внутренность ее на мгновение осветил фонарь, — он невольно подержал ее за талию, почувствовал запах пудры от ее щеки, увидел ее крупные колени под вечерним черным платьем, блеск черного глаза и полные в красной помаде губы: совсем другая женщина сидела теперь возле него.

В темном зале, глядя на сияющую белизну экрана, по которой косо летали и падали в облаках гулко жужжащие распластанные аэропланы, они тихо переговаривались:

— Вы одна или с какой-нибудь подружкой живете?

— Одна. В сущности, ужасно. Отельчик чистый, теплый, но, знаете, из тех, куда можно зайти на ночь или на часы с девицей... Шестой этаж, лифта, конечно, нет, на четвертом этаже красный коврик на лестнице кончается... Ночью, в дождь страшная тоска. Раскроешь окно — ни души нигде, совсем мертвый город, Бог знает где-то внизу один фонарь под дождем... А вы, конечно, холостой и тоже в отеле живете?

— У меня небольшая квартирка в Пасси. Живу тоже один. Давний парижанин. Одно время жил в Провансе, снял ферму, хотел удалиться от всех и ото всего, жить трудами рук своих — и не вынес этих трудов.

Взял в помощники одного казачка, оказался пьяница, мрачный, страшный во хмелю человек, завел кур, кроликов —дохнут, мул однажды чуть не загрыз меня, — очень злое и умное животное... И, главное, полное одиночество. Жена меня еще в Константинополе бросила.

— Вы шутите?

— Ничуть. История очень обыкновенная. *Qui se marie par amour a bonne nuits et mauvais jours*. А у меня даже и того и другого было очень мало. Бросила на второй год замужества.

— Где же она теперь?

— Не знаю...

Она долго молчала. По экрану дурачки бегал на раскинутых ступнях в нелепо огромных разбитых башмаках и в котелке набок какой-то подражатель Чаплина.

— Да, вам, верно, очень одиноко, — сказала она.

— Да. Но что ж, надо терпеть. *Patience — medecine des pauvres*.

— Очень грустная *medecine*.

— Да, невеселая. До того, — сказал он, усмехаясь, — что я иногда даже в «Иллюстрированную Россию» заглядывал, — там, знаете, есть такой отдел, где печатается нечто вроде брачных и любовных объявлений: «Русская девушка из Латвии скучает и желала бы переписываться с чутким русским парижанином, прося при этом прислать фотографическую карточку... Серьезная дама шатенка, не модерна, но симпатичная, вдова с девятилетним сыном, ищет переписки с серьезной целью с трезвым господином не моложе сорока лет, материально обеспеченным шоферской или какой-либо другой работой, любящим семейный уют. Интеллигентность не обязательна...» Вполне ее понимаю — не обязательна.

— Но разве у вас нет друзей, знакомых?

— Друзей нет. А знакомства плохая утеха.

— Кто же ваше хозяйство ведет?

— Хозяйство у меня скромное. Кофе варю себе сам, завтрак готовлю тоже сам. К вечеру приходит *femme de menage*.

— Бедный! — сказала она, сжав его руку.

И они долго сидели так, рука с рукой, соединенные сумраком, близостью мест, делая вид, что смотрят на экран, к которому дымной синевато-меловой полосой шел над их головами свет из кабинки на задней стене. Подражатель Чаплина, у которого от ужаса отделился от головы проломленный котелок, бешено летел на телеграфный столб в обломках допотопного автомобиля с дымящейся самоварной трубой.

Громкоговоритель музыкально ревел на все голоса, снизу, из провала дымного от папироз зала, — они сидели на балконе, — гремел вместе с рукоплесканиями отчаянно-радостный хохот. Он наклонился к ней:

— Знаете что? Поедемте куда-нибудь на Монпарнас, например, тут ужасно скучно и дышать нечем...

Она кивнула головой и стала надевать перчатки.

Снова сев в полутемную карету и глядя на искристые от дождя стекла, то и дело загоравшиеся разноцветными алмазами от фонарных огней и переливавшихся в черной вышине то кровью, то ртутью реклам, он опять отвернул край ее перчатки и продолжительно поцеловал руку. Она посмотрела на него тоже странно искрящимися глазами с угольно-крупными ресницами и любовно-грустно потянулась к нему лицом, полными, с сладким помадным вкусом губами.

В кафе «*Coquille*» начали с устриц и анжу, потом заказали куропаток и красного бордо. За кофе с желтым шартрезом оба слегка охмелели. Много курили, пепельница была полна ее окровавленными окурками. Он среди разговора смотрел на ее разгоревшееся лицо и думал, что она вполне красавица.

— Но скажите правду, — говорила она, щепотками снимая с кончика языка крошки табаку, — ведь были же у вас встречи за эти годы?

— Были. Но вы догадываетесь, какого рода. Ночные отели... А у вас?

Она помолчала:

— Была одна очень тяжелая история... Нет, я не хочу говорить об этом. Мальчишка, сутенер в сущности... Но как вы разошлись с женой?

— Постыдно. Тоже был мальчишка, красавец гречонок, чрезвычайно богатый. И в месяц, два не осталось и следа от чистой, трогательной девочки, которая просто молилась на белую армию, на всех на нас. Стала ужинать с ним в самом дорогом кабаке в Пера, получать от него гигантские корзины цветов... «Не понимаю, неужели ты можешь ревновать меня к нему? Ты весь день занят, мне с ним весело, он для меня просто милый мальчик и больше ничего...» Милый мальчик! А самой двадцать лет. Нелегко было забыть ее, — прежнюю, екатеринодарскую...

Когда подали счет, она внимательно просмотрела его и не велела давать больше десяти процентов на прислугу. После этого им обоим показалось еще страннее расстаться через полчаса.

— Поедемте ко мне, — сказал он печально. — Посидим, поговорим еще...

— Да, да, — ответила она, вставая, беря его под руку и прижимая ее к себе.

Ночной шофер, русский, привез их в одинокий переулок, к подъезду высокого дома, возле которого в металлическом свете газового фонаря, сыпался дождь на жестяной чан с отбросами. Вошли в осветившийся вестибюль, потом в тесный лифт и медленно потянулись вверх, обнявшись и тихо целуясь. Он успел попасть ключом в замок своей двери, пока не погасло электричество, и ввел ее в прихожую, потом в маленькую столовую, где в люстре скучно зажглась только одна лампочка. Лица у них были уже усталые. Он предложил еще выпить вина.

— Нет, дорогой мой, — сказала она, — я больше не могу.

Он стал просить:

— Выпьем только по бокалу белого, у меня стоит за окном отличное пуи.

— Пейте, милый, а я пойду разденусь и помоюсь. И спать, спать. Мы не дети, вы, я думаю, отлично знали, что раз я согласилась ехать к вам... И вообще, зачем нам расставаться?

Он от волнения не мог ответить, молча провел ее в спальню, осветил ее и ванную комнату, дверь в которую была из спальни открыта. Тут лампочки горели ярко, всюду шло тепло от топок, меж тем как по крыше бегло и мерно стучал дождь. Она тотчас стала снимать через голову длинное платье.

Он вышел, выпил подряд два бокала ледяного, горького вина и не мог удержать себя, опять пошел в спальню. В спальне, в большом зеркале на стене напротив, ярко отражалась освещенная ванная комната. Она стояла спиной к нему, вся голая, белая, крепкая, наклонившись над умывальником, моя шею и груди.

— Нельзя сюда! — сказала она и, накинув купальный халат, не закрыв налитые груди, белый сильный живот и белые тугие бедра, подошла и как жена обняла его. И как жену обнял и он ее, все ее прохладное тело, целуя еще влажную грудь, пахнущую туалетным мылом, глаза и губы, с которых она уже вытерла краску...

Через день, оставив службу, она переехала к нему.

Однажды зимой он уговорил ее взять на свое имя сейф в Лионском кредите и положить туда все, что им было заработано:

— Предосторожность никогда не мешает, — говорил он. — *L'amour fail danser les apes*, и я чувствую себя так, точно мне двадцать лет. Но мало ли что может быть...

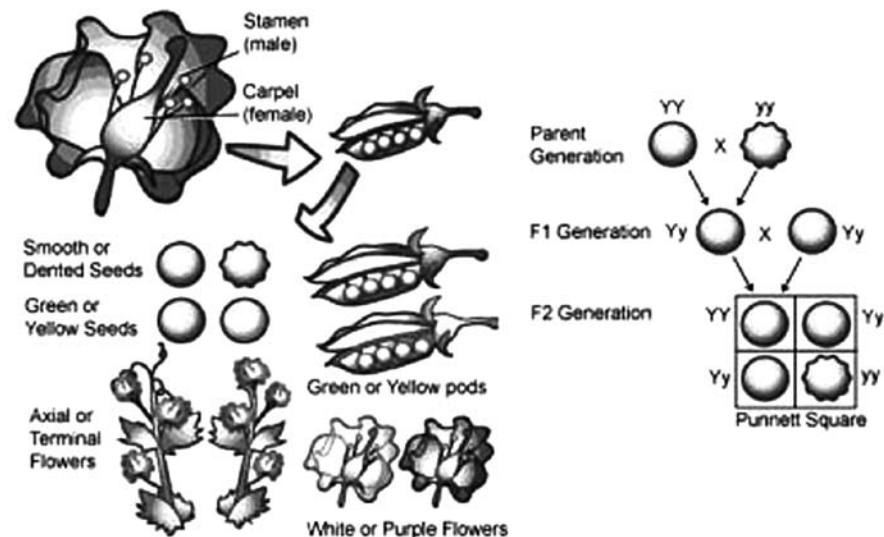
На третий день Пасхи он умер в вагоне метро, — читая газету, вдруг откинул к спинке сиденья голову, завел глаза...

Когда она, в трауре, возвращалась с кладбища, был милый весенний день, кое-где плыли в мягком парижском небе весенние облака, и все говорило о жизни юной, вечной — и о ее, конченной.

Дома она стала убирать квартиру. В коридоре, в плакаре, увидала его давнюю летнюю шинель, серую, на красной подкладке. Она сняла ее с вешалки, прижала к лицу и, прижимая, села на пол, вся дергаясь от рыданий и вскрикивая, моля кого-то о пощаде.

26 октября 1940 □

Гэвин Де Бир, выдающийся английский биолог говорил, что значение гения определяется тем, насколько он обогнал свое время. Так вот, Грегор Мендель, по праву считающийся основателем генетики, обогнал свое время на сорок лет! Его эпохальная статья появилась в 1865 году, а ее смысл, ее значение было понято и оценено лишь в начале XX века!

Грегор Мендель

Иоганн Мендель родился 22 июля 1822 года в австрийской деревне Хайцендорфе (ныне — Хинчице в Чехии), в крестьянской семье среднего достатка. Родители, Антон и Розина Мендель, заметив у сына явные способности, отдали его учиться в гимназию в близлежащий городок Троппау (ныне Опава). В 1840 году, отучившись там шесть лет, юный Иоганн поступил в философские классы при университете

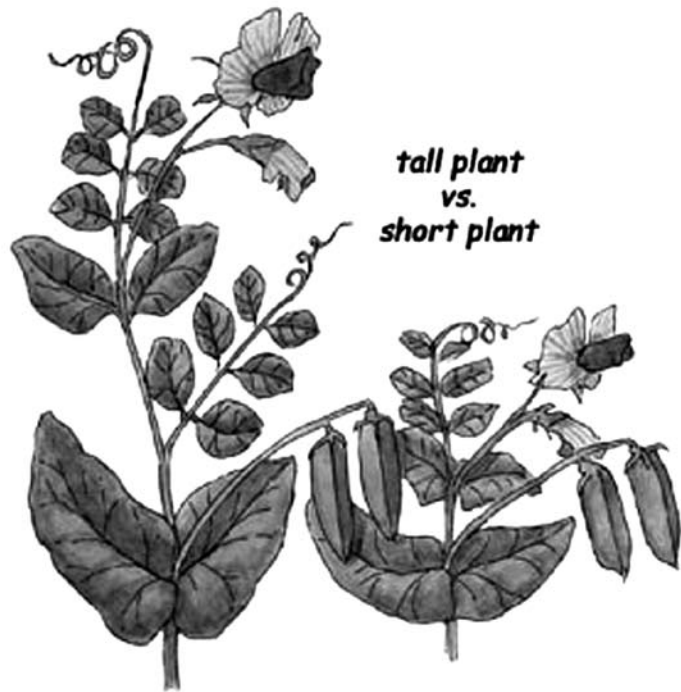
в городе Ольмюце (ныне Оломоуц). Однако материальное положение семьи в эти годы ухудшилось — отцу на грудь упало бревно, и он стал калекой. Хозяйством стал управлять муж старшей сестры Иоганна, который не считал необходимым оплачивать учение шурина. В это трудное время Иоганна очень поддерживала младшая сестра Терезия — она отказалась от части своего приданого, чтобы хоть как-то помочь

брату закончить курс. Несмотря на помощь сестры, Менделю пришлось самому заботиться о своем пропитании, и он пытался это делать, продолжая учиться и подрабатывая, но денег все равно не хватало. И тогда его преподаватель, профессор Франц, дал способному студенту замечательный совет. «Вам нужно стать монахом, — сказал он изумленному юноше, отнюдь не отличавшемуся религиозностью. — Монастырь не только избавит вас от финансовых проблем, но и даст возможность усовершенствоваться в науках. Августинский монастырь в Брюнне — вот то, что вам нужно. Я хорошо знаю настоятеля этого мо-

настыря Кирилла Наппа — он человек добрейшей души и, к тому же, прекрасно образованный. Он вам поможет...»

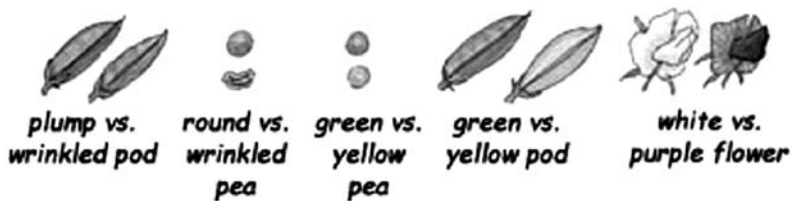
Физик и, по совместительству, священник, Франц написал письмо аббату Наппу, где рассказал о своем замечательном ученике и его блестящих успехах в науках, а также о его финансовых затруднениях, и тот принял Менделя под свое крыло. Так крестьянский отпрыск, страстно желавший быть учителем или ученым, стал послушником августинского монастыря святого Фомы в Брюнне, а в октябре 1843 уже был пострижен в монахи. Именно там он и получил имя Грегор, с которым вошел в историю.

**tall plant
vs.
short plant**

Traits that Mendel observed:

Надо сказать, что Менделю действительно повезло — он попал, как сейчас говорят, в правильное место. Кирилл Напп, настоятель монастыря в Брюнне, был удивительным человеком. Он, как и Мендель, не отличался высоким проис-

хождением — родился в семье сапожника. В восемнадцать лет поступил в монастырь, где получил возможность погрузиться в книги, не думая о куске хлеба, а в 32 уже стал доктором богословия. В 34 года его избрали настоятелем мона-

стыря, и это значило, что Наппу пришлось не только возглавить монастырский капитул, но и управлять крупным хозяйством и финансовыми потоками. Что он и сделал: к примеру, развернул на монастырских землях мелиоративные работы, основал Моравский ипотечный банк, сберегательную кассу и страховое общество. Далее последовал новый скачок в карьере: Наппа ввели в Моравский ландтаг, в комиссию по исправлению земельного кадастра и в учреждение, ведавшие просвещением — аббат стал директором гимназий и училищ Моравско-Силезской земли. Напп был широко мыслящим просветителем и инициативным менеджером, но при этом, несмотря на свой либерализм, всегда оставался еще и высокопоставленным церковным функционером. Он считал, что возглавляемая им монастырская братия должна действовать на благо просвещения паствы. Неудивительно, что монахи монастыря святого Фомы были филологами, ботаниками, музыкантами и математиками. Конечно, первой их обязанностью было служение Господу, но, помимо этого, они служили еще и Просвещению, преподавая в местных гимназиях, и занимались науками.

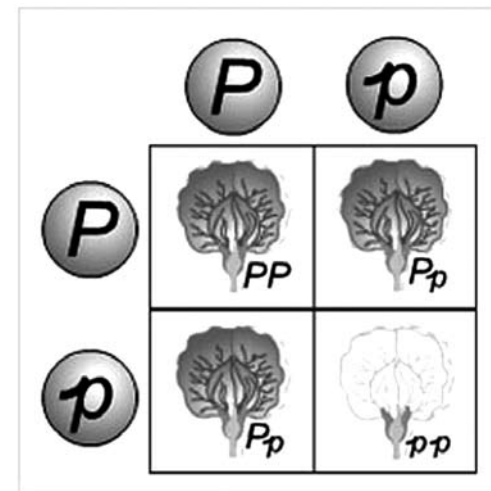
Менделю крупно повезло, что он попал в этот монастырь. Неизвестно, как бы сложилась его жизнь в науке, если бы однажды аббат Напп не взял бы его под свою опеку...

То время было поистине временем перемен. В Европе строились все новые и новые железные дороги. Телеграф резко сократил расстояния, и о новостях люди узнавали почти сразу же, как только в мире что-то случалось. Физики уже имели некоторые понятия об электричестве, биологи рассматривали в микроскопы клетки самых разных организмов, а Чарлз Дарвин, совершивший плавание на «Бигле» под командованием капитана Фиц-Роя», в своем имени систематизировал факты, которые легли в основу знаменитой теории происхождения видов путем естественного отбора.

Монахи монастыря святого Фомы чутко реагировали и откликались на все новейшие веяния в политической и интеллектуальной жизни Европы. Как и его собратья, Мендель много времени отдавал наукам. В монастырском училище он изучал богословие и древние языки, а, кроме того, слушал лекции по естествознанию в Брюннском университете. Когда в 1847 году его возвели в сан каноника, одной из его обязанностей стало исповедование больных и умирающих в больнице Святой Анны. Общение со страждущими, вид человеческих страданий — все это произвело столь сильное впечатление на чувствительную душу отца Грегора, что он даже заболел нервным расстройством, после чего его избавили от должности исповедника, а вместо

этого предложили преподавать. Мендель, еще в детстве мечтавший стать учителем, с жаром взялся за дело — вел уроки по математике, преподавал языки и стал одним из самых любимых учителей в городе! Однако формально он не имел права преподавать, и в 1850 году Мендель решил сдать экзамены на диплом учителя. Сдавал он их в Венском университете, и, к своему большому удивлению, провалился, получив «два» по биологии и геологии. (Причина была, видимо, в том, что в одном из своих ответов он подробно изложил теорию образования Земли Канта и Лапласа, что никак не вязалось с его духовным саном). Монастырское начальство явно благоволило к канонику Менделю, и в 1851–1853 годы он провёл в столице Австро-Венгерской империи, изучая в тамошнем университете физику, химию, зоологию, ботанику и математику. В Венском университете тогда работали замечательные ученые — так, например, физику преподавал Х. Дюплер, которого все знают по «доплеровскому эффекту». По возвращении в Брюнн отец Грегор вернулся к преподаванию, на сей раз в реальном училище. (Кстати, он так и не сдал экзамены на учительский диплом — видно, все-таки сказавшись недостаток систематического образования). Он учил своих питомцев физике и природоведению. Именно тогда каноник Мендель и начал свои опыты с горохом — их

подробное описание сегодня присутствует в любом учебнике общей биологии. Эксперименты, которые, в конце концов, привели к сенсационному открытию законов наследственности, Мендель проводил на своем маленьком монастырском огороде с 1856 года. До сих пор в монастырском дворе оберегаются эти 35,7 квадратных метров земли, на которых он в течение 10 — 10! — лет сам, своими руками, высевал горох — с красными и белыми цветками, с гладкими и морщинистыми горошинами... Это была адская работа, требующая невероятного терпения, аккуратности, точности. Надо сказать, Мендель блестяще справился с выбором объекта исследований и признаков, за которыми собирался следить, — тут ему просто повезло, на горохе удобно проводить подобные эксперименты. Отец Грегор начал с того, что заказал в разных семенных фирмах 34 сорта гороха, в течение двух лет проверял их на чистоту и, лишь убедившись, что они дают однородное потомство, приступил к скрещиванию. А задача у него была такая — он хотел доказать, что с помощью гибридизации можно получить новые сорта. В то время многие ученые, как и преподаватель Менделя в Венском университете Франц Унгер, были убеждены, что гибридизация может стать источником новых видов, и что именно она движет эволюцией. Однако

у Менделя ничего не получалось! Вот, например, что выходило в опытах с растениями, отличавшимися гладкостью семян. (Гладкие семена — доминантный признак, морщинистые — рецессивный). Итак, в первом поколении все семена были гладкими. Но во втором поколении вдруг появлялись растения с морщинистыми семенами. Правда, гладких семян все-таки было в три раза больше, соотношение между ними составляло 3:1. Часть гибридных растений словно вспоминали о том, какими были их «бабушки — дедушки»! Все эти закономерности сохранялись и с другими наборами признаков. Вот и все — Мендель, неожиданно для себя, вывел законы наследственности! Первый закон гласит, что первое гибридное поколение полностью однородно, второй закон говорит о том, что во

втором поколении признаки расщепляются, а третий закон утверждает, что признаки наследуются, независимо друг от друга. Попытавшись объяснить полученные соотношения, Мендель предположил, что в половых клетках существуют какие-то материальные структуры (теперь мы называем их генами), ответственные за формирование признаков, и они ведут себя одинаково и в мужских, и в женских половых клетках, которые, сливаясь, отдадут новой клетке половинный набор своих генов.

Надо сказать, что полученные Менделем закономерности наблюдали до него и другие ученые, но никто из них не проводил эксперименты столь грамотно, столь чисто, столь доказательно! Кроме того, Мендель разработал специальный язык для описания наблюдаемых

им явлений, применил математические методы, и этого до него тоже никто не делал. Работы Менделя были организованы совсем на ином уровне, а потому их результаты оказались столь неопровержимы. Более того — он выдвинул гипотезу о материальных носителях наследственности, которые в двойном комплекте находятся в половых клетках, и которые зародыш — по половине набора — получает от родителей. Эта идея — поистине того же ранга, что и идеи Ньютона или Эйнштейна, а потому Мендель — несомненно, гений.

Отец Грегор долго не осмеливался обнародовать полученные результаты. Он снова и снова проверял себя, повторяя опыты, и получал то же самое. И вот, наконец, он решился — 8 февраля и 8 марта 1865 году каноник Грегор Мендель выступил на заседаниях Брюннского общества естествоиспытателей (кстати, он был одним из его основателей). Его доклад назывался «Versuche über Pflanzenghybriden» («Опыты над растительными гибридами»). Сохранились протоколы этих заседаний, из которых явствует, что докладчику не было задано ни одного вопроса. Никто просто ничего не понял — слишком уж новыми, поистине пионерскими, были прозвучавшие идеи. Мендель говорил о наследственности в терминах, не принятых в то время, кроме того, в работе широко использовалась статистика, что

было вообще неслыханно для биологических исследований.

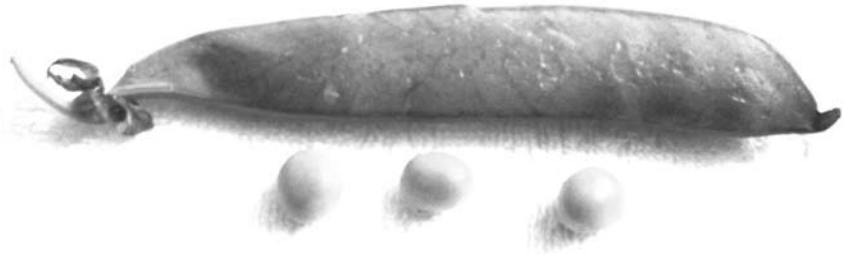
Мендель не питал иллюзий по поводу своих коллег по Брюннскому обществу, а потому не ограничился докладом, а написал статью и опубликовал ее в печатных трудах Общества. Журнал со статьей поступил в 120 научных библиотек, дополнительно, Мендель разослал 40 оттисков своего исследования крупным ботаникам того времени, которых считал способными разобраться в его работе, и, в первую очередь, — профессору Мюнхенского университета Карлу фон Негели, известному ботанику, авторитетному специалисту по проблемам наследственности. Однако и Негели в полной мере не сумел оценить ее значения. Очень вежливо, ободряя молодого и начинающего естествоиспытателя (он же не знал, что Мендель десять лет занимается горохом и множество раз проверял свои результаты!), он порекомендовал коллеге продолжить опыты и поэкспериментировать с другими растениями, например, с ястребинками, изблуженным объектом исследований самого профессора, — чтобы доказать всеобщий характер обнаруженных соотношений. Это был роковой совет. Ястребинка — довольно коварное растение. Ее уже тогда называли «крестом ботаников», ибо, по сравнению с другими растениями, процесс передачи признаков у нее весьма

необычен — она размножалась не только половым путем, но и партеногенезом! Не удивительно, что с ястребинками у Менделя ничего не получилось. Объяснить это Мендель не мог, а потому, в конце концов, тоже засомневал-

ся в своих выводах и — забросил опыты с наследственностью. Да и вообще, видно, он не считал свою работу уж очень удачной — ведь вывести новые сорта с помощью гибридизации ему так и не удалось...

В начале 1868 года умер прелат Напп, и уже весной капитул монастыря избрал на этот пост Грегора Менделя. Свалившиеся на него обязанности (и, кстати, 5 тысяч флоринов жалования, что были очень немалые деньги), не давали возможности много времени уделять научным изысканиям. Но он все-таки много путешествовал по Европе, участвовал в заседаниях Австрийского метеорологического общества, Сельскохозяйственного общества Моравии и Силезии, Венского общества садоводов. Он стал очень известным и уважаемым человеком. По-видимому, Мендель, несмотря на то, что его открытие законов наследования признаков постигла столь трагическая судьба непризнания, особой драмы, не испытывал. Бывает так, что судьба открытия не определяет судьбу человека, его совершившего. Ведь Мендель мог бы написать книгу о своих исследованиях, послать статью в другие журналы, а не ограничиться краткой публикацией в трудах Брюннского Общества естествоиспытателей. Но, видно, это не

было главным в его жизни. Да и увлекало его в жизни многое — к примеру, метеорология (ей он, кстати, посвятил целых пять статей!). Он наблюдал за атмосферным давлением, строил графики колебания температур, изучал смерч, который 13 октября 1870 года прокатился по окрестностям Брюнна. Еще одним его увлечением стало пчеловодство. В первые годы своего аббатства Мендель расширил монастырский сад, где по его проекту оборудовали пасеку и построили каменный пчельник — там обитали, кроме местных пчел, еще и кипрские, египетские и даже «нежалящие» американские пчелы. Кроме того, он очень любил преподавать и учительствовал почти всю свою жизнь. Пост настоятеля монастыря неизбежно включал его в общественную жизнь — ему даже пришлось стать депутатом Моравского ландтага. И, насколько известно, всем этим он занимался с большим энтузиазмом. А еще он очень заботился о своих родственниках, — о матери, о сестре Терезии, когда-то отказавшейся от ча-

сти своего приданого, чтобы помочь ему учиться, о ее отпрысках, племянниках. Когда в его родной деревне случился пожар, Мендель пожертвовал большую сумму на постройку там пожарной станции.

Были ли в его жизни женщины? Вообще-то монахам не разрешались плотские радости, но... Говорили, что он испытывал нежную привязанность к некоей фрау Анне Ротванг и частенько навещал ее, однако так это было, или все это лишь досужие вымыслы, точно не знает никто. Зато совершенно точно известно, что Грегор Мендель прожил свою жизнь в высшей степени достойно, посвятив годы служению науке и людям.

Летом 1883 года прелату Менделю был поставлен диагноз: нефрит, сердечная слабость, водянка... — и предписан полный покой. Ему уже не под силу было заниматься ни своими растениями, ни пчелами, ни измерять температуру воздуха... Но просто так прозябать, лежа в постели, он не мог, и последним его увлечением стала лингвистика. В монастырском архиве были найдены листки со столбцами фамилий, оканчивающихся на «тапп», «бауер», «тауер», с какими-то дробями и вычислениями. Пытаясь понять, как появляются фамилии, Мендель производил сложнейшие расчеты, в которых фигурировали количество гласных и согласных в немецком языке, общее число рассматриваемых слов, количество

фамилий и так далее. Он был верен себе и подошел к анализу лингвистических процессов как истинный ученый — в лингвистику, как ранее в биологию, он внес статистический метод анализа. В 90-е годы XIX века необходимость применения математических методов в биологии и лингвистике понимали лишь единицы!

6 января 1884 года отца Грегора Менделя не стало. На похоронах за его гробом шла большая процессия — в городе его любили и уважали. Много добрых слов было сказано о настоятеле Менделе в тот день, но, по иронии судьбы, никому и в голову не пришло сказать о нем как о великом ученом, открывшем законы наследственности и положившем начало современной генетики.

Понимал ли сам Мендель, что он сделал для науки? Наверное, в какой-то степени, да. За три месяца до своей смерти, за пятнадцать лет до того, как почти одновременно австриец Эрих Чермак, немец Карл Корренс и голландец Гуго де Фриз заново открыли основные законы наследственности, Грегор Мендель писал: «Если мне и пришлось переживать горькие часы, то я должен признаться с благодарностью, что хороших часов мне выпало гораздо больше. Мои научные труды доставили мне много удовлетворения, и я убежден, что не пройдет много времени — и весь мир признает результаты этих трудов». □

РОДОВОЕ ИМЯ

Когда Коле было пять лет, он занимался в детской студии. Однажды учительница говорила с ребятами о фамильных именах, и Коля думал до самого вечера:

— Я — Коля, мой папа — Коля, и папин дедушка тоже был Коля. Так?
— Так, — согласилась мама.

Коля посмотрел на нее с прищуром:

— Так, так... А ты, мама, Алёнка... А кто еще у нас Алёнка?
— Никто, — растерянно ответила мама.

Коля нахмурился. Подумал. И вдруг улыбнулся широкой улыбкой:

— Меня назвали Колей в честь папы и дедушки. А тебя, мама, назвали Алёнкой... в честь шоколадки!!!

ЗАГАДКА

Однажды Коля с мамой и папой проходил мимо здания медицинского института. У подъезда курили иностранные студенты — темнокожие. Они были в белых халатах, и потому их лица казались

особенно черными. Коля заинтересовался:

— Мама, папа, а почему эти люди такие загорелые? Ведь уже не лето, а осень!

— Они не загорелые, они такими родились, — объяснила мама. — В Африке, откуда эти люди приехали, почти все темнокожие.

— Это негры! — добавил папа.

А два дня спустя на уроке в Колином первом «В» учительница задала детям загадку:

— Ребята, что это такое: «Зимой и летом — одним цветом!»?

Коля поднял руку выше других и закричал громче всех:

— Это негры!!!

— Я просто не знала, как мне реагировать! — после урока пожаловалась учительница Колиным родителям. — Понимаете, в учебнике только один ответ: «ёлка»! Но «негры», получается, тоже правильно: они зимой и летом одного цвета — черные...

— И еще китайцы, — выслушав и кивнув, сказала Колина мама. — Они круглый год жёлтые.

— И еще индейцы! — живо добавил Колин папа. — Они всегда красные!

Учительница закашлялась, а потом покачала головой и строго сказала папе, маме и Коле:

— Идите уже, идите! Вам еще домашнее задание делать. Одно стихотворение выучить и две загадки разгадать... О, Господи...

ПОДУШКА

Однажды вечером мальчик долго не мог уснуть. Он ворочался в постели и что-то бормотал.

— В чем дело, Коля? — заглянув в детскую, строго спросил папа. — Ты почему сам не спишь, и нам мешаешь?

— Я, папа, думаю! Вот почему подушка так называется? Потому что ее ПОД УШКО кладут, да? — вместо ответа спросил его сын, сев в кровати.

— Правильно, — кивнул папа. — Давай, сунь ее под ухо, ляг и спи!

— А если я лицом вниз лягу, то это уже не ПОДУШКА будет, а ПОДНОС, да? — не унимался Коля. — А если я на спину перевернусь, то ПОДУШКА превратится в ПОДЗАТЫЛЬНИК?

— Вижу, без подзатыльника сегодня кто-то точно не обойдется! — вздохнул папа. — Интересно, кто? — Он поднял брови и вопросительно посмотрел на сына.

— Не знаю, — ответил мальчик, прячась под одеяло. — Устал я думать! Буду спать. Пап, иди уже, иди...

ШИШКИ-ЖЁЛУДИ

Однажды Коля и мама гуляли в Городском саду.

Коля глядел под ноги, потому что в школе всему первому «В» ве-

лели собирать шишки, желуди и каштаны для поделок. А мама глядела на Колю, потому что за детьми надо смотреть очень внимательно. Особенно за мальчиками. Особенно за Колей!

И вот мама глядела на Колю, а Коля на траву под деревьями. Они еще и половину парка не прошли, а у мальчика в карманах уже совсем места не осталось — всё заполнили каштаны, желуди и шишки. Тогда мама с Колей сели на лавочку и стали беседовать.

— Мама! Как называется дерево, на котором каштаны растут? — спросил мальчик.

— Каштан, — ответила мама.

— А как называется дерево, на котором растут груши?

— Груша.

— А на котором яблоки?

— Яблоня.

— А сливы?

— Слива!

— Так почему же желуди растут не на Желудевом Дереве, а на дубе?! — немного рассерженно спросил Коля. — На яблоне — яблоки, на груше — груши, на орехе — орехи, на персике — персики! Дерево и то, что на нем растет, должны называться одинаково! Поэтому на дубе должны расти не желуди, а дубинки!

— А на сосне — сосиски? — мама сначала засмеялась, а потом задумалась.

Так они сидели на лавочке и думали, потом Коля улыбнулся и сказал:

— Мама, я понял! Если то, что растет на дереве, съедобно для человека, то названия совпадают. Это сами люди так придумали — для понятности и чтобы легче искать было: яблоки — под яблоней, груши — под грушей! А шишки и желуди — они для людей несъедобные, вот их и назвали, как попало!

— Действительно, — удивилась мама. — Шишки и желуди только свинкам и белкам годятся...

— И еще нам, для поделок, — пробормотал Коля, пощупав свои карманы.

Он посмотрел на столетний дуб, помолчал немного и вздохнул с обидой:

— Белки, свинки, птицы, и мы в первом «В»... Эх! Выходит, первоклассники за людей не считаются!!!

СТАРЫЕ ШТАНЫ

Последний урок, по Колиному мнению, был очень скучный. Учительница Анастасия Евгеньевна велела первоклассникам заполнить маленькими крючочками четыре строчки в тетрадке. Коля заполнил две строчки, а потом заскучал. Зачем учительнице столько одинаковых бессмысленных крючочков, было совершенно непонятно.

Тогда Коля вывел рядом с маленькими крючочками одну большую, а к нему пририсовал червяка и

рыбу. Рыба получилась замечательная, а вот червяк вышел немножко слишком длинный. Коля взял ластик и укоротил его, но чуть-чуть перестарался, и на бумаге образовалась

дырка. Сквозь нее, если поднять тетрадку, можно было видеть Анастасию Евгеньевну. Правда, она тоже увидела мальчика с тетрадной ма-ской на лице и строго сказала:

Ирина Опимах

«КРИК»

Эдварда Мунка

Эта картина — одна из самых известных и узнаваемых в мировой живописи

— Коля! Немедленно прекрати! Чтобы я больше не видела, что ты балуешься!

— Не увидите, — пообещал Коля и честно сдержал свое слово, спрятавшись под столом.

Там, оставаясь невидимым, он баловался до конца урока, а потом пришла уборщица тетя Клава и сообщила, что шваброй полы протирать гораздо лучше, чем штанами. А Анастасия Евгеньевна сказала, что Коле придется доделывать классную работу дома. Дописать два ряда бессмысленных крючочков, без всяких червячков и рыб, и выучить стихотворение на сорок восьмой странице. Крючки Коля дописал после обеда с няней, а за стихотворение взялся уже с мамой, вечером, после ужина.

Стихотворение оказалось очень трудное.

— Ой, ты, гой еси, Русь великая! — по слогам прочитал мальчик первую строчку и тяжело вздохнул. — Мамочка, я ничего не понял! Что такое «гой»?

— Это примерно как «эгегей», — без уверенности ответила мама.

— А «еси»?

— Это значит «есть», — подумав, сказала мама. — Но всё вместе, мне кажется, означает что-то вроде «пусть будет» или «да здравствует».

— Ой, ты, эгегей есть, Русь великая? — по-новому прочитал Коля. — Или — ой, ты, да здравствует

Русь великая? А кто это — ты? И почему — ой? Ему — что, больно?

— Кому? — не поняла мама.

— Ну, этому? Которому сказали «ты»?

— «Ты» — это Русь! — еще раз подумав, сказала мама. — Русь Великая!

— Если она великая, ей надо говорить не «ты», а «вы!» — возразил мальчик. — Это маленьким можно «тыкать», а взрослым людям никак нельзя!

— Но Русь — это не человек! — мама потеряла виски, как будто у нее голова заболела.

— А кто же? — не отставал ребенок.

— Русь — это старое название России. А что такое Россия, ты уже знаешь — это наша страна! — быстро ответила мама, обрадовавшись, что на этот раз ей не пришлось долго думать.

— Все равно, ничего не понимаю! — помолчав, признался Коля. — Зачем стране носить старое имя, если у нее есть новое? Ведь, если у меня есть новые штаны, я старые выбрасываю!

— Кстати, о штанах! — вспомнила мама. — Что случилось с твоими форменными брюками? Они грязные, как половая тряпка! Хоть выбрасывай их!

— Ой, ты, гой еси, брюки школьные! — быстро проговорил Коля. — Не надо их выбрасывать, мамочка! Просто постирай их, они мне еще не раз пригодятся... □

Вот что писал о ней писатель, поэт и друг Эдварда Мунка Станислав Пшибышевский: «Невозможно даже дать представление об этой картине — все ее неслыханное могущество в колорите. Небо взбесилось от крика бедного сына Евы. Каждое страдание — это бездна затхлой крови, каждый протяженный вой страдания — клубы полос, нервных, грубо перемешанных, кипящие атомы рождающихся миров... И небо кричит — вся природа сосредоточилась в страшном урагане крика, а впереди, на помосте, стоит человек и кричит, сжимая обеими руками голову, ибо от таких криков лопаются жилы и седеют волосы»

Созданный Мунком образ кричащего от невыразимого кошмара человека — одинокого и беззащитного — оказался невероятно востребованным в современной культуре. Вновь и вновь он появляется на книжных обложках, на афишах новых спектаклей и фильмов, в коллажах и даже в рекламе — социальной, политической и коммерческой. Использовался кричащий человек и в политической борьбе — в 1988 году во время предвыборной кампании противники кандидата в президенты Джеймаса Куэйла выпустили майки с изображением героя картины и надписью «President Quayle». Спустя несколько лет, в 2004 году, он уже «кричал» против Буша-младшего — в некоторых штатах появились на машинах наклейки с тем же рисунком, но с подписью «Four more years?» («Еще четыре года?»)

Эдвард Мунк

А создана была эта одна из самых знаменитых картин в мире в 1893 году. Эдварду Мунку было тогда всего лишь тридцать, но художнику уже многое пришлось пережить, многое узнать о природе человека, о тех страстях, которые рвут душу на части, делая жизнь порой прекрасной, но чаще — невыносимой. Он уже хорошо понимал, что существование человека — это цепь потерь и разочарований...

В шесть лет он потерял мать, умершую от чахотки, потом смерть

унесла двух его сестер. Отца спасала вера, а Эдварда — сестра матери Карен. Именно она, ставшая для него самым близким и дорогим человеком, впервые дала ему краски и уговорила отца позволить мальчику учиться рисованию. Эдварду так и не удалось оправиться от страшных потерь, сопровождавших его детство, от горя, пропитавшего все его юные годы. Да и потом жизнь его не особенно баловала. Он был хорош собой — высокий, изящный и, вместе с тем, вполне мужественный. Женщинам он всегда нравился, но ни в одной

из них Эдвард не находил чистоты, преданности, искренности, которые так любил в своей тетке Карен. Может, поэтому так трагично его искусство, и так много страданий на его картинах...

В 1881 году Мунк поступил в Государственную академию искусств и художественных ремесел и сразу оказался в кругу молодых художников и литераторов, писателей и поэтов, завсегдатаев ресторана «Гран». Признанный лидер компании Ханс Йегер, будущий известный писатель, автор «Библии анархиста», видел корень зла всех общественных проблем в христианстве, его лживости и лицемерии. Главное в жизни, считал он, — это половое влечение, источник высшего наслаждения, делающий человека чище и духовнее, а буржуазный брак — оплот ханжества. Нельзя сказать, что Мунк стал ярым приверженцем этой идеологии, в которой сифилис считали испытанием зрелости, а самоубийство рассматривалось как социальный протест. Но ему было интересно среди этих людей, говоривших о философии и искусстве, политике и поэзии. Конечно, здесь были и девушки, пылко ратовавшие за свободу в отношениях полов. Строгая красота и некоторая застенчивость начинающего художника пользовалась немалым успехом у них. В него была сильно влюблена дочь одного богатого коммерсанта, которой художники нравились гораздо больше их произведений. Как-то он уехал от нее, чтобы спокойно порисовать, а страстная влюбленная послала за ним их общего друга, сообщившего Мунку, что она пыталась покончить с собой, лежит при смерти и зовет Эдварда. Но не успел он войти в комнату, как она вскочила с постели и закричала: «О, Эдвард, ты любишь меня!» Эдвард бы возмущен — его обманули! Тогда она вытащила из ящика стола пистолет и заявила, что застрелится, раз он все равно хочет ее покинуть. Он этому, конечно, не поверил и, пытаясь успокоить девушку, положил свою руку на ее. А она взяла, да и нажала на курок, прострелив Эдварду палец...

Эдвард навсегда запомнил этот день. Он и так с трудом сходил с людьми, но после этого случая

Мадонна, 1895 г.

стал еще более нелюдимым и замкнутым. Если даже те, кто утверждает, что любит тебя, способны прострелить тебе палец, тогда он

выбирает одиночество, и не желает иметь с ними ничего общего. Лучше уж сидеть дома, никого не видеть и писать картины. С того дня

на его руке всегда была перчатка, скрывавшая изуродованный палец.

Первые значительные работы Мунка вызвали целую бурю в стане критиков. Конечно же, пуританское, зажатое условностями и приличиями, норвежское общество не могло воспринять такое откровенное, яростное, эмоционально насыщенное и новаторское по форме искусство. Пресса обрушилась всей своей мощью на молодого художника. «Лучшая услуга, которую можно оказать Мунку, — это молча пройти мимо его картин». Но прошло тридцать лет, и одну из его ранних работ, «Большую девочку», купили за 50 тысяч франко, а в 1908 году Национальная галерея Осло приобрела другую его картину тех лет — «На следующий день».

В 1889 году двадцатилетний Эдвард получил государственную стипендию, и уехал в Париж. Учась у французских художников, Мунк постепенно вырабатывает свой, яркий и глубоко индивидуальный, стиль. Главным для него стало не как писать, а что писать. «На картине должны быть живые существа, которые дышат, чувствуют, страдают и любят. Я буду писать такие картины. Люди осознают свою святость; как в церкви, в них обнажается главное», говорил он.

Самую свою известную картину Мунк написал в Берлине, куда приехал в 1892 году. Позднее он с некоторой горечью замечал, что слава пришла к нему не в Париже, этом мировом центре искусства, а в Берлине. В Германии гораздо лучше знали и ценили скандинавское искусство, правда, литература и драматургия пользовались большей популярностью, чем живопись. Норвежские художники, среди которых был и Мунк, спровоцировали громкий скандал, показав свои работы на выставке «Объединения берлинских художников». Нападки прессы были столь злы, а недовольство публики столь велико, что выставку пришлось закрыть через неделю после вернисажа.

Еще в 1890 году Мунк познакомился Альбертом Кольманом, богатым ценителем искусства, который много сделал для Эдварда. Он представил художни-

Большая девочка, 1885–1886 гг.

ка своим друзьям, доктору Макс Линде, графу Харри Кесслеру и Бруно и Паулю Кассирер. Здесь же, в Берлине, Мунк познакомился и с Элизабет Ферстер-Ницше, сестрой Фридриха Ницше. Некоторое время даже жил в ее доме, писал ее портреты и по фотографиям — портреты ее великого брата. Для Кольмана Мунк начинает работу

над огромным фризом, который он потом считал своим наиболее значительным произведением. «Фриз жизни» был задуман как «поэма о жизни, любви и смерти», как серия картин, посвященных человеку, его страстям и грехам, его взлетам и падениям. Части композиции носят соответствующие названия — «Рождение любви», «Расцвет и гибель

любви», «Страх жизни», «Смерть». Над этим фризом Мунк работал более тридцати лет, но так и не закончил его. Основное полотно цикла — «Танец жизни». Люди, окруженные сиянием, в полнолуние танцуют на берегу моря. Светит луна, мягко набегают волны, все как будто излучает легкий свет. Но, если взглядеться, видно, что танцует-то одна и та же женщина, только художник словно показывает ее в разные моменты жизни — вот она юная, полная надежд, в белом платье, а вот уже прошедшая жизненный круг — одинокая, непричесанная, во всем черном, а впереди пустота и смерть...

В то время еще никто не говорил об экспрессионизме, но идеи, которыми будет вдохновляться и наполняться это движение несколькими годами позже, своеобразная смесь гуманизма, мировой боли, поэзии, острых эмоций, трагизма, мистики, болезненного эротизма — уже с восторгом обсуждались среди берлинских литераторов и художников. Мунк остро воспринимал утонченную, декадентскую, лихорадочную атмосферу Берлина конца 1890-х годов. Он тесно дружил с поэтом Рихардом Демелем, выдающимся шведским писателем Августом Стриндбергом, Юлиусом Мейер-Грефе, автором первой монографии о Мунке, вышедшей в Берлине в 1899 году, польским поэтом Станиславом Пшебышевским, привлечшим Мунка своими странными поэмами, наполненными мистическими, порой даже сатанинскими настроениями. Женой Пшебышевского была норвежка Даньи Жюэль, или Душа, как ее звали друзья. О ее смехе ходили легенды — говорили, что он просто сводит мужчин с ума. Мунк и Стриндберг входили в число поклонников этой яркой женщины. Они оба проводили много времени в обществе Души, слушали ее волнуемый смех и гасили возбуждение бокалами абсента, большой почитательницей которого была и сама Душа. В этом доме, в его напряженной атмосфере, среди этих мужчин, влюбленных в одну женщину, Мунк узнал, что такое ревность — жгучая, злая, лишающая разума. «Я не понимал, как мои нервы выдержали эту

Девушки на мосту, 1902 г.

пытку. Я сидел у них за столом и не мог сказать ни слова. Зато Стриндберг много говорил. А я все время думал: неужели ее муж ни о чем не догадывается? Наверное, зеленеет от злости». Тема ревности прозвучала в написанной в 1894–95 годах картине, которая так и называется — «Ревность». Это портрет Пшебышевского, его зеленое лицо искажено от ощущения бессилия и всепоглощающей ревности, а в сознании возникают мучительные картины измены. Мунк написал и портрет Души, ставший попыткой запечатлеть на полотне образ дьявола в женском обличье.

Тогда же появился и живописный портрет Стриндберга. Но писателю он не понравился — Мунк сделал какую-то странную рамку к картине: с одной стороны — ломаные, прямые линии, а с другой — волнистые, переходящие в женскую фигуру. Мунк сказал, что он хотел окружить Стриндберга мужскими и женскими линиями. Но Стриндбергу совсем не хотелось на своем портрете, на портрете серьезного большого мастера, как он о себе думал, и что вполне соответствовало истине, видеть столь легкомысленный мотив — силуэт обнаженной женщины. Позируя Мунку в

следующий раз, он перед началом работы вытащил из кармана револьвер, положил его на стол и сказал: «Пожалуйста, попрошу без вольностей!». А жизнь Даны Жюэль закончилась трагически — она уехала из Берлина в Тифлис, где должна была встретиться с одним молодым русским, который, как уверяет своих читателей Мейер-Грефе, не мог перенести ее смеха и пустил ей пулю в лоб, а потом застрелился сам. Смерть Даны Жюэль сказалась на всем дальнейшем творчестве Мунка.

В такой вот атмосфере и создавал он картину, принесшую ему впоследствии мировую славу. «Крик» тоже входил во «Фриз жизни». По мосту навстречу зрителю движется объятый ужасом человек; руками сжав голову, он кричит, и этот страшный крик заполняет все пространство. Ужас рвется из глаз, из открытого рта, Пятна желтого, синего и красного цвета, прямые и волнообразные, прерывистые линии создают насыщенную безумным страхом атмосферу, ощущение волнообразного движения материи. Лицо кричащего — один сплошной отверстый рот. Человек на мосту страшно одинок в своем отчаянии, ведь двое прохожих, мирно беседуя, даже не замечают его! Это полотно (кстати, первый рисунок так и назывался — «Отчаяние») считается началом экспрессионизма в европейском искусстве XX века.

Историю рождения этой картины Мунк запечатлел в нескольких строках на обороте литографии 1895 года, в которой он вновь обратился к тому же сюжету: «Я прогуливался с двумя друзьями по улице — солнце зашло, небо окрасилось в кроваво-красные тона — и меня охватило острое чувство меланхолии, грызущей боли в сердце. Остановился, обессиленный до смерти, и оперся на парапет; над городом и над черно-голубым фьордом, как кровь и языки пламени, висят тучи; мои друзья продолжали свой путь, а я стоял, словно пригвожденный, дрожа от страха. Я услышал ужасающий, нескончаемый крик природы».

Эта тема не оставляла Мунка — он несколько раз возвращался к ней, так как она была невероятно

Вампир, 1897 г.

близка его внутреннему миру, состоянию его больной, страдающей души.

Эдвард Мунк прожил большую долгую жизнь, в которой были потери, разочарования, депрессии, слепота, психиатрические клиники и две мировые войны. Отшельник и мизантроп, он, вместе с тем, всегда следил за событиями, происходившими в мире. Его очень пугало триумфальное шествие нацизма по Европе. В 1937 году в фашистской Германии 82 его произведения были причислены к «дегенеративному искусству» и арестованы. 9 апреля 1940 года немцы напали на Норвегию и заняли Осло. 76-летний Мунк в это время был в своем доме в Экелю, местечке под Осло. В первые недели немецкие самолеты не-

престанно кружили над городом. «Видите, это чтобы не давать мне работать», — уверенно заявлял Мунк. Он боялся, что немцы придут в дом и заберут его картины. 1 февраля 1942 года лидер норвежских фашистов Видкун Квислинг стал премьер-министром марионеточного правительства Норвегии. Нацисты Мунка не трогали, зато возникли конфликты с квислинговскими властями. Они очень хотели, чтобы всемирно известный художник вошел в организованный ими «Почетный совет по искусству», где бы заседал рядом с Кнудом Гамсуном, композитором Христианом Синдингом и скульптором Густавом Вигелланном. Когда Мунку исполнилось 80 лет, квислинговцы захотели устроить его большую

выставку, но Мунк категорически отказался. Он не хотел иметь ничего общего ни с немцами, ни с коллаборационистами. Художник верил, что скоро Норвегия очистится от фашистской скверны и станет свободной, однако увидеть этот день ему не довелось.

Перед рождеством 1943 года в Осло произошел целый ряд мощных взрывов. Сначала взлетело на воздух немецкое судно, стоявшее в порту на разгрузке, потом вспыхнул склад взрывчатых веществ на пристани. В Экелю из окон вылетали стекла. Экономка решила, что скоро взорвется весь город, и увела старого художника в погреб. Он просидел там несколько часов, что оказалось для Мунка слишком суровым испытанием. Начался тяжелейший бронхит. Лежа в постели, больной Мунк перечитывал письма своей тетки Карен, той, которая была так добра к нему в детстве и никогда не посягала на его свободу. 23 января утром он проснулся, немного прошелся по дому, в два часа почувствовал себя плохо, лег, а в шесть часов тихо скончался. Эдвард Мунк умер от паралича сердца — ничем не запятнав себя и оставив своему народу и всему человечеству более тысячи работ маслом, почти 4500 рисунков и акварелей. И среди них — «Крик», ставший самой известной его работой.

У этой картины оказалась бурная судьба. Несколько раз с ней были связаны невероятные истории ограблений. В феврале 1994 года, во время проведения Олимпийских игр в Лилиенхаммере, воры проникли в Национальную галерею Осло и похитили одну из четырех версий «Крика». На месте преступления полиция нашла записку, в которой воры благодарили музейщиков за «плохую организацию охраны экспонатов». К счастью, через три месяца картина была найдена и возвращена в галерею. Один из похитителей, бывший футболист Пал Энгер, в 1988 году участвовал в похищении другой картины Мунка — «Вампир». Тогда его поймали, он отсидел свой срок, а потом принял участие в нападении на Национальную галерею Осло. Снова по-

пав в тюрьму, он пробыл положенное время в камере, а, освободившись, решил стать художником, и вскоре в небольшой галерее Осло открылась его выставка! Правда, особого успеха работы арт-вора не имели.

В 2004 году о «Крике» снова заговорили все газеты мира: 22 августа группа вооруженных грабителей при свете дня проникла в музей Мунка в Осло. Угрожая охранникам пистолетами, они сняли со стен несколько полотен, в том числе, и мунковские «Крик» и «Мадонну», и скрылись, уехав на поджидавшем их «ауди». К счастью, никто из посетителей музея, служащих и охраны не пострадал. Камеры, установленные в музее, запечатлели момент ограбления, однако преступники были в масках, поэтому полиция с трудом вышла на их след. Эта история стала такой громкой, что музей даже решил подзаработать на ней — галерейщики выпустили детскую настольную игру по ее мотивам, которая так и называлась — «Загадка КРИКА». Игрокам предлагалось играть либо на стороне похитителей, либо на стороне полиции. А следовательно, тем временем, не дремали, и вскоре им удалось найти людей, связанных с ограблением. В 2005 году шесть человек были арестованы, затем поймали и главных грабителей (все они получили сроки от четырех до девяти с половиной лет), но заказчики кражи и ме-

стоположение картины оставались неизвестными. И только 31 августа 2006 года «Крик», а также «Мадонна», были найдены. Надо сказать, что в это время рыночная стоимость «Крика» достигала величины, равной 100 млн. долларов! Украденные шедевры вернулись в музей Мунка в 2008 году — хоть и изрядно пострадавшие (у полотна «Крик» был поврежден угол, а у «Мадонны» появилась дырка размером 2,5 см). Но после реставрационных работ они снова находятся в экспозиции галереи.

Каждый гениальный художник, — а Эдвард Мунк был, несомненно, гениальным художником, — провидец. Трудно представить, что он мог отдавать себе отчет, что ждет человечество в новом, XX веке. Но как художник, Мунк почувствовал и словно предсказал ужас, который будут испытывать люди, задыхаясь в дыме иприта, переживая атомные взрывы, сгорая в печах Освенцима. Да и сегодня, уже в XXI веке, зла в мире меньше не стало... Наверное, поэтому так востребовано сегодня пронизанное трагизмом и отчаянием творчество Мунка, а крик героя его самой знаменитой картины по-прежнему столь невыносим и оглушительен — ведь он кричит, чтобы мы увидели, что творится вокруг нас, чтобы пробудились в душах людских чувства, совесть, сострадание и милосердие... □

НЕЧАЯННАЯ ВСТРЕЧА

С ЮНОСТЬЮ

Они правили отчёт, и делать это на пляже, куда Алекс неожиданно вытащил его, было намного приятнее, чем в пропахшей химикатами лаборатории или в номере гостиницы. Вокруг — песок, море, солнце, ласковый ветерок и обнажённые женские фигуры, на которые они, время от времени, направляли свои солнцезащитные очки. Недельная командировка заканчивалась, все дела, насколько возможно, были завершены, через день — домой.

С Алексом он работал уже больше трёх лет, часто бывал у него и с удовольствием принимал у себя. Их отношения давно вышли за рамки чисто деловых. Отец Алекса был эстонец, а мать русская, сын говорил по-русски чисто, без того акцента, который так любят пародировать наши юмористы, его рабочими языками были английский, эстонский и русский. Нацелившись слинять в Штаты, он аккуратно, с завидной пунктуальностью, закрывал незавершённые проекты на родине.

Алекс — очень красивый парень, высокий, отлично сложенный, холостой, известный в своём кругу герой-любовник. Неоднократно, вполне серьёзно, но в шутовском тоне, он предлагал прибывавшему в его расположение приятелю доступ в круг своих сексуально раскрепощённых подруг. Но тот каждый раз, постояв на краю, все-таки не решался переступить черту.

— Всё! Давай закончим с этими чёртовыми бумагами, — сказал Алекс, посмотрев на часы. — Скоро придёт Лина.

Он сделал вид, что имя Лина ему ни о чём не говорит, хотя хорошо помнил случай, поведанный ему Алексом больше года назад за бутылкой коньяка.

— Забыл? Это та, которой я сделал ребёнка!

— Теперь вспомнил. И чего хочет от тебя счастливая мать?

— Пока не знаю, свалилась, как снег на голову, прилетела вместе с мужем из Нью-Йорка. Он у неё модный художник или дизайнер, богат. По-

звонила вчера вечером, сказала, что я ей нужен, и назначила встречу на этом самом месте. Не мог же я отказать такой Женщине, Женщине с большой буквы. Хочешь, я вас познакомлю?

— А я вам не помешаю?

— Там видно будет.

Романтическая история, рассказанная в своё время Алексом, выбивалась из общего ряда пережитых им сексуальных приключений и, вероятно, оставила заметный след в его памяти а, может быть, и в его душе.

Замужняя многолетняя подруга Алекса обратилась к нему с предложением сделать ребёнка её знакомой. Брак этой дамы оказался бездетным по вине мужа, и тот, по старинке, разрешил супруге подобрать себе биологически привлекательного и здорового «самца» для будущего зачатия, с соблюдением необременительной конфиденциальности и без посягательств на отцовские права законного супруга. И Алекс, скорее всего, по причине своей надёжности и порядочности, известной в относительно узких кругах, оказался первым подходящим кандидатом.

После непродолжительных колебаний он согласился, но решил для себя, что, если партнёрша ему не понравится, то, чтобы хоть как-то сохранить самоуважение, проделает свою работу с предельной степенью цинизма. Однако, когда, открыв дверь, впервые увидел на пороге красивую, совсем молодую элегантную женщину, в глазах которой играли весёлые чёртики, мгновенно забыл и о своих колебаниях, и о негалантных намерениях.

Лучшего секса ни до, ни после неё он не испытывал. Она всё умела, в смысле техники, но не техника была её коньком. Она так тонко чувствовала себя и партнёра, что, казалось, могла подарить блаженство, не прилагая никаких усилий, просто наслаждалась сама, закрыв глаза и будто насколько не заботясь ни о чём, но это только казалось.

Их связь продолжалась почти до самых родов. А потом Лина с мужем и сыном остались в Штатах, а Алекс уехал...

— А вот и она! — воскликнул Алекс, выпрямляясь во весь рост и поднимая над головой, заранее приготовленный букет, который достал из пляжной сумки.

Его приятель остался лежать на песке, внимательно глядя на приближающуюся женщину. Ни один мускул не дрогнул на его лице, не выдал ни жест, ни взгляд. С годами он научился казаться спокойным в неожиданных, иногда по-настоящему сложных ситуациях. Она шла в лучах солнца, в стрингах, с обнаженной грудью, притягивая к себе оценивающие взгляды. Он залюбовался её красивым, покрытым ровным загаром телом, которое в последний раз видел, не будем уточнять, сколько лет назад.

Это была Леся, его первая истинная любовь. Только теперь под её ногами лежала не серая крымская галька, а желтый песок Пириты.

— Привет, Лина! Рад тебя видеть! — произнёс Алекс, протягивая ей цветы.

— Здравствуй, Алекс, и я очень. — Она прикоснулась губами к его щеке. — И у меня к тебе дело... — Опустила глаза на его спутника и, после короткой паузы, негромко проговорила: — Здравствуй... Да, это я... А это — ты... Сбылась несбыточная надежда встретиться снова. Когда-нибудь. Как-нибудь!.. — дрогнул, сорвался её голос.

— Здравствуй... Леся.

— Так вы знакомы!! Лина, прости, я ему всё рассказал про нас с тобой!

— Ему можно. А вообще-то, ты, Алекс, подлый болтун. У меня к тебе срочное дело, и пока ты отправишься заглаживать свою вину, я с радостью побуду со своим старинным знакомым, если он не возражает... Может, переберёмся в мой отель? Муж в Риге, вернётся через день.

— Нет, — сказал Алекс, — поехали лучше ко мне. По пути купим чего-нибудь к обеду.

— Времени у нас мало, — не согласилась Лина-Леся, — лучше оставь нам свои ключи от квартиры, а сам — на задание... Давай, отойдём на минутку...

Алекс уехал, а Лина с его приятелем отправились к нему домой на такси.

— Ты теперь Лина, — говорил он в машине, стараясь отыскать на её носике знакомые милые веснушки.

— Да, Алёна, Леся, Елена, Лина — это всё мои псевдонимы. Обо мне ты, наверное, многое знаешь от этого обормота. Расскажи о себе. Женат? Дети?

— Женат на двоих. Сын. Все остальное — быт и работа. Ты похорошела, выглядишь замечательно.

— Наконец-то, дождалась от тебя комплимента. Ты тоже неплохо сохранился, возмужал. Что значит, на двоих? Один раз пришлось разводиться?

— Нет, после того, как ты исчезла, одной жены мне оказалось мало.

— Говоришь загадками. Ладно, потом расскажешь подробнее, если захочешь. Я очень виновата перед тобой и не знаю, с чего начать... как просить прощения... Приехали! Давай зайдём в этот магазинчик, потом поднимемся в квартиру.

Они сразу направились в кухню. И вдруг оба ощутили, как неслышно зазвучали в них отголоски «дежавю». Ну, конечно, ведь и в тот раз они также начали с приготовления еды в пустой квартире...

За столом обменялись сведениями о себе нынешних. Она с мужем и сыном жила в Нью-Йорке. Муж неплохо зарабатывал, она — знакомые те-

перь называли её Линой — самостоятельно не работала, а преимущественно занималась делами мужа, ну, и в последние годы, сыном, конечно. Её стало беспокоить состояние здоровья супруга. Про связь с фактическим отцом своего ребёнка она упомянула лишь вскользь.

— Прости меня. Я сделала тебе очень больно, я знаю. Горечь горькая, и стыдно... Тогда я ухватилась за тебя, как за спасительную соломинку. Ты был такой хороший, такой неопытный. Но сердцу не прикажешь. Что можно было объяснить? Что до тебя встретила талантливого человека... художника... женатого?.. Он заинтересовался мной, пригласил позировать. Потом между нами было все — он зацеловывал меня от ресниц до пальцев на ногах, а когда уходил, я целовала подушки, на которых он лежал. Он был искушённым мужчиной и, в моём представлении, гением, не унижал, старался сохранить во мне веру в собственные способности — я ведь мечтала, пройдя школу мастерства, получить признание, известность... Когда же понял, что может меня потерять, ему не стоило большого труда всё переменить по-своему. Что ты молчишь? Все эти годы, вспоминая о тебе, я так хотела, чтобы ты смог меня простить. Что же ты молчишь?

— Молчу, потому что ты всё сказала за меня. Мне было очень больно, даже не думал, что может быть такая боль, которая переносится тяжелее физической, правда, настоящей физической боли я, к счастью, не испытал. Но, как ни банально звучит, время лечит. Всё, что у нас было, навсегда останется с нами. «Что пройдет, то будет мило»...

— Спасибо тебе, милый, милый, хороший... — Лина подошла к нему, обхватила его шею руками и потянулась губами к его губам.

Они, ещё молодые, но уже достаточно опытные мужчина и женщина, целовались так, как и должны целоваться взрослые мужчина и женщина, но в памяти у них жил образ застенчивого юноши и ещё не полностью расцветшей девушки с крохотными веснушками на носу, потому так кружилась голова от желания и нежности. И были только они двое в целом мире, созданном для них. И, как тогда, она, глядя глаза в глаза, проговорила:

— Ты же хочешь меня!.. — Отступила на шаг и, одним движением сбросив с себя одежду, перешагнула через неё...

Когда волны наслаждения утихли, он спросил:

— Тебе было больно?

— Нисколько, — расслабленным голосом протянула она.

— Значит, тебе было хорошо?

— Я же обещала, что в следующий раз будет лучше. Признайся, лучше?

Он кивнул — столько лет прошло, и действительно сейчас лучше... физически... Они посмотрели в глаза друг другу и поняли, что не забыли ничего, что случилось тогда, и что сегодня, наконец, получили то, что должны были получить в том далеком прошлом... И им стало грустно...

— Сейчас мне кажется, что ты меня, в самом деле, немного простил, — тихо проговорила Лина.

Однако пора было приводить в порядок и себя, и квартиру. Хозяин мог вернуться в любой момент. Она объяснила, что хочет завести второго ребёнка, который родился бы в Штатах, для этого и решила снова использовать Алекса, а отослала его по срочному важному для неё делу, потому что... потому что... сама не понимает почему... Или понимает... Ах, не всё ли равно! Времени до возвращения в Штаты оставалось мало. Правда, она рассчитывала повторить встречу с Алексом в Нью-Йорке, и не один раз...

Вдруг Лина задумалась.

— Слушай, а ты не хочешь подарить мне малыша? Я бы очень хотела...

Он улыбнулся и покачал головой:

— Нет, я не готов. Для меня это целый лес проблем с непредсказуемым исходом.

Она обиженно надула губы, потом в глазах ее запрыгали знакомые чёртики:

— Ладно, не принимай мои слова слишком близко к сердцу. Когда отправляется твой поезд? Хорошо, запомнила, и буду ждать тебя завтра с утра у себя в номере. А в день отъезда приходи в любое время к Алексу попрощаться. Мы с ним будем рады. Сейчас мне пора отправляться к себе, важная встреча. Вероятно, Алекс задержится допоздна. Проводишь?

При расставании она, заглядывая в глаза, попросила обязательно встретиться с ней завтра и послезавтра, и они обменялись телефонами.

Утром созвонились и снова остались вдвоём. И снова у них был яркий, нежный и беспредельный секс. Но теперь они были ближе к себе сегодняшним, стало меньше нетерпеливого юношеского, они вели себя спокойнее, потому что узнали друг друга за вчерашний день. И их любовь была более изощрённой, но от этого не менее счастливой...

Вспомните, сколько всего счастливых дней было у вас во взрослой жизни? Он же мог сходу назвать счастливым день, когда Леся впервые отдалась ему, — это был день надежды на счастье. Ещё он помнил тот миг, когда, коснувшись ладонью скобы на заднем борту «Урала», спрыгнул в гражданскую жизнь после тяжёлых армейских лет, — это был день избавления от неволи и опасности. И помнил ту ночь, которую провёл со своей будущей женой, и рождение сына, и потом, через несколько лет, новую близость с другой женщиной... Так вот, и вчерашний, и сегодняшний день, без сомнения, вошли в этот короткий список счастливых дней взрослого человека.

В день отъезда он, вопреки обещанию, решил не заходить к Алексу и уехать, не попрощавшись. Но желание ещё раз увидеть её пересилило. По пути купил

бутылку коньяка и прямо на улице, открыв ее, сделал большой глоток прямо из горлышка, пытаясь вернуть себе уверенность в правильности своих поступков.

Поднявшись по лестнице, позвонил в дверь... Алекс и Лина уже ждали его, выглядели очень веселыми и довольными и, быстро сообразив закуску к его коньяку, усадили его за стол. Он уже не помнит, о чем они разговаривали, так как опьянел почти мгновенно, но помнит, что ему становилось все грустнее и грустнее. Словно сквозь сиреневый туман, проступали очертания того пути, который с неизбежностью привёл к их расставанию тогда и к невозможности украсть сегодня у беспощадного времени хоть капельку того, чего не случилось много лет назад. Он в тот момент вдруг отчетливо понял, что никогда, ни при каких обстоятельствах они не могли бы быть счастливы вместе...

Пора было отправляться на вокзал, вызвали такси. Лина оделась, чтобы проводить его, и твёрдо отклонила предложение Алекса поехать вместе с ними.

А на перроне, прижавшись к нему всем телом, прошептала:

— Прости за Алекса, нам обоим было больно, и я хотела вызвать у тебя ревность — обиделась на твоё «что пройдет, то будет мило».

— Не моё — Пушкинское. Что касается ревности, у тебя получилось.

Потом, желая сказать, что-нибудь хорошее на прощанье, вспомнил и как-то по-детски, с пропусками, почти продекламировал те слова, которые впервые пришли ему в голову после того, как, потеряв её, набрёл на старые цветущие яблони и с тех пор повторял про себя: «Поздней весной, даже в начале лета на островах вблизи старинного дворца расцветают яблони. Большие деревья становятся необычно розовыми, листьев не видно — одни цветы. Тёплый ветерок с залива слегка раскачивает ветки и начинает осыпать крупные лепестки. Но пока они ещё не осыпались, пока можно подставить лицо навстречу тёплым солнечным лучам и голубому небу, щемит сердце, и, сознавая краткость пролетающих мгновений, надеешься, что и через год, и через два, много раз после тёмной зимы, придешь сюда и непременно увидишь цветущие яблони надежды...»

Он вошёл в вагон, а она медленно пошла по перрону. Вспомнив приметку, остановилась, дождалась, пока состав, плавно дёрнувшись, стал удаляться, махнула несколько раз рукой вслед подрагивающим рубиновым огонькам и направилась к стоянке такси. Перебирая в уме всё, что ещё предстояло сделать до отлета в Нью-Йорк, Лина вдруг отчетливо ощутила исчезновение того неопределённого чувства вины, которое беспокоило её все эти годы при воспоминании о нём. С ним бы она никогда не достигла того, что имела сегодня, и они никогда не были бы счастливы вместе. Надо было помочь Алексу устроиться в Штатах. Здоровье мужа беспокоило всё больше, а Алекс, как-никак, был отцом её сына и, возможно, будущего второго ребёнка, который должен был родиться полноправным гражданином США.

Он же, стоя в темноте пустого купе, долго, не отрываясь, смотрел на огни, проплывавшие за оконным стеклом... Щёлкнув выключателем, взглянул на обложку тонкой книжонки, оставленной на нижней полке, куда поставил багажную сумку: «Нечаянная встреча с юностью».

— Вот уж, в самом деле, нечаянная встреча с юностью. Так что же все-таки произошло?» И наугад открыл страницу...

Он не успел ничего прочитать. Ему помешала ввалившаяся в купе шумная компания слегка подвыпивших молодых людей, которая, опаздывая, успела вскочить в последний вагон, и теперь добралась до своих мест.

Он не успел...

А потом так никогда и не узнал, что муж Леси был давно болен, подцепив вирус иммунодефицита ещё до того, как она сошлась с Алексом и родила от него сына. Специалисты обнаружили впоследствии редкую аномалию: обычные тесты тогда не показывали наличие ВИЧ в крови немногочисленной особой группы обследуемых. Для диагностики заболевания это наблюдение было шагом вперёд, для инфицированных — практически ничего не меняло. Второго ребёнка ей родить не удалось. Сначала умер её муж, потом сын. Долше всех боролся за свою жизнь Алекс, но последней умерла она. Раздавленная горем, истратившая на лечение своих близких все сбережения, она не боролась за свою жизнь, потому что не хотела жить. За неделю до смерти, в полусне-полубреду, произнесла по-русски, обращаясь непонятно к кому: «Бедный, он не знает, что мы никогда не могли быть счастливы вместе. Завтра непременно скажу...» Но на следующий день сознание не вернулось к ней и не возвращалось уже до самого конца. Среди её бумаг оказался рисунок, на котором была изображена цветущая яблоневая ветка и рядом та же ветка, но уже согнутая под тяжестью плодов. На обороте по-английски было написано примерно следующее: «На побережье, около развалин старинного замка колышутся на ветру ветви яблони, цветы которой дарят надежду, а плоды — счастье». Слово «счастье» было зачёркнуто и изменено на «несчастье».

Сквозь цветочный чертог проступила судьбы неизбежность...

Ткнула в сердце игла — наперёд про потери забудь.

Безрассудно сберечь бесконечную мне к тебе нежность,

Нам с попутным теченьем придётся отправиться в путь.

Мы расстались. Но яблони те, не молясь, вспоминали,

Повзрослевшие лица от внутренней боли кривя.

Не понять было слов – ветру ветви неслышно шептали:

Красота – цвет надежды. Плодов дожидаться нельзя... □

Джек Ричи

СО СТАТИСТИКОЙ НЕ ПОСПОРИШЬ

— В конце концов, я гражданин этой страны и плачу налоги! — прорычал я. — Поэтому требую, чтобы вы восстановили все в прежнем виде!

— Не волнуйтесь, мистер Уоррен, — с усмешкой кивнул сержант Литтлер. — Восстановим. Независимо от того, найдем мы что-нибудь или нет.

Под словом "что-нибудь" он подразумевал труп моей жены, который полиция искала уже два часа.

— Тяжко вам придется! — буркнул я. — Только гляньте, во что вы превратили мой участок! Ваши люди перерыли весь сад! И газон перед домом! А теперь еще и отбойный молоток в подвал потащили!

Однако Литтлер, с комфортом устроившись на моей кухне, лишь снисходительно хмыкнул и сказал:

— Территория Соединенных Штатов составляет три миллиона двадцать шесть тысяч семьсот восемьдесят девять квадратных миль. — Судя по его тону, он заучил эту цифру наизусть как раз для подобных случаев.

— Считаю Гавайи и Аляску? — ядовито спросил я.

— Думаю, их можно исключить, — небрежно махнул рукой сержант. — Сюда входят горы и равнины, города и пустыни, реки с озерами... И, тем не менее, факт остается фактом — по статистике, женоубийцы чаще всего прячут труп в непосредственной близости от своего дома.

Еще бы, подумал я. Самое надежное место. Закопай ее, к примеру, в лесу, и на нее, рано или поздно, наверняка наткнется какой-нибудь бойскаут. Да, со статистикой не поспоришь.

— А каковы размеры вашего участка? — с гадкой улыбочкой осведомился Литтлер.

— Шестьдесят на сто пятьдесят футов. Вы хоть представляете, сколько мне пришлось вкалывать, чтобы в саду был нормальный перегой? Ваши люди срыли весь почвенный слой, и теперь повсюду глина!

— Мистер Уоррен, боюсь, что скоро у вас будет куда более серьезный повод для беспокойства, чем состояние вашего сада.

Я посмотрел в окно. Стараниями бригады рабочих, под предводительством детектива Чилтона, задний двор постепенно превращался в траншею.

Проследив за моим взглядом, Литтлер кивнул:

— Поверьте, мы ребята дотошные. Мы перекопаем весь ваш сад, возьмем на анализ пепел из камина...

— У нас масляный обогреватель, — перебил я. — Послушайте, я не убивал свою жену и не имею ни малейшего понятия, где она может быть.

— А как вы объясните ее отсутствие?

— Никак. Собрала ночью вещички, и поминай, как звали. Вы заметили, что большая часть ее одежды исчезла?

— Откуда мне знать, какой у нее был гардероб? — Литтлер покосился на фотографию Эмили и едва заметно поморщился. — Мистер Уоррен, только честно — почему вы на ней женились?

— Естественно, по любви!

Если бы вы хоть раз видели мою жену, то сразу бы поняли, почему сержант мне не поверил.

— Насколько мне известно, она была застрахована на сто тысяч. В вашу пользу.

— Ну, и что с того? — Страховка, конечно, тоже сыграла свою роль, но от Эмили я избавился главным образом потому, что больше не мог выносить ее бесконечное брюзжанье.

Впрочем, когда я делал ей предложение, то тоже, прямо скажем, не сгорал от страсти. Вы спросите, на кой черт я вообще в это ввязался? Сам не знаю. Наверное, поддался всеобщему заблуждению — дескать, когда мужчине уже под сорок, с холостяцкой жизнью пора завязывать. Мы работали в одной фирме: я — старшим бухгалтером, Эмили — машинисткой. Скромная, даже застенчивая, она совершенно не умела одеваться, не могла связать и двух слов, а ее интеллектуальные запросы ограничивались чтением женских журналов, да и то лишь от случая к случаю. Короче, идеальная жена для человека, относящегося к браку как к взаимовыгодной сделке.

Каково же было мое удивление, когда это тихое забитое существо, почувствовав себя законной супругой, буквально за полгода превратилось в отъявленную стерву — крикливую и вечно всем недовольную. Никакого чувства благодарности!

— Как вы ладили между собой? — прищурился Литтлер.

С трудом, подумал я, но вслух сказал:

— У нас бывали ссоры. Как и в любой другой семье.

— А вот ваши соседи говорят, что вы скандалили почти непрерывно.

Соседи — это Фред и Вильма Триберы. Причем единственные, поскольку наш дом стоит на углу. Участок Моррисов слишком далеко, чтобы отвратный визг Эмили доносился еще и до них. Впрочем, как знать? Чем больше она набирала вес, тем луженее становилась у нее глотка.

— Триберы слышали, как вы бранитесь чуть ли не каждый вечер.

На себя бы лучше посмотрели. А слышать они могли только ее — я никогда не повышал голоса.

— Последний раз вашу жену видели в пятницу вечером около половины седьмого.

Да, она вернулась из магазина с мороженым цыпленком, которого оставалось только разогреть в духовке. Поскольку этим ее познания в кулинарии и исчерпывались, завтрак и ужин я готовил себе сам, а обедал на работе, в кафетерии.

— Лично я в последний раз видел Эмили, когда ложился спать. А утром обнаружил, что ее нет. — В подвале загрохотал отбойный молоток, и я поспешно захлопнул дверь. — Кстати, если не секрет, кто ваш свидетель?

— Миссис Трибер.

Что Вильма, что моя Эмили — никакой разницы. Обе — жирные тетки с темпераментом амазонок и куриными мозгами. А вот Фред, грустный коротышка со слезящимися то ли от природы, то ли от жизни с такой мегерой глазками, мужик неплохой. К тому же, он вполне сносно играет в шахматы и уважает меня за твердость характера, которой у него нет и в помине.

— Той же ночью, — продолжал Литтлер, — мистер Трибер услышал душераздирающий вопль, донесшийся из вашего дома.

— Душераздирающий?

— Он описал его именно так.

— М-да? Надо полагать, Вильма тоже его слышала?

— Нет, она спала. Но он проснулся.

— А Моррисов этот «душераздирающий» вопль, случайно, не разбудил?

— Нет. Они тоже спали, кроме того, их дом довольно далеко от вашего. — Литтлер достал кисет и трубку. — Трибер хотел разбудить жену, но не решился — дама, что и говорить, с характером, однако сам заснуть так и не смог. А часа в два ночи, услышав странные звуки, подошел к окну и увидел, что вы копаете яму в саду. Тут уж он не выдержал и разбудил жену, так что у нас есть целых два свидетеля.

— Ах, так вот кто вам на меня настучал?!

— Да. Зачем вам понадобилась такая большая коробка?

— Другой не нашлось. В любом случае, по размерам на гроб она не тянет.
— Эта мысль не оставляла миссис Трибер всю субботу. А когда вы сказали, что ваша жена «ненадолго уехала», решила, что вы... расчленили ее и закопали.

— И что же вы нашли вместо Эмили?

— Дохлую кошку, — смущенно пробормотал Литтлер.

— Понятно, — кивнул я. — Стало быть, меня подозревают в убийстве лишь на основании того, что я закопал дохлую кошку в собственном саду.

— Мистер Уоррен, сначала вы вообще отрицали, что закапывали что-либо.

— Кто бы мог подумать, что какая-то кошка...

— А когда мы ее нашли, вы заявили, что она умерла по естественным причинам.

— А разве нет?

— Это была кошка вашей жены. Кто-то свернул ей шею. Это же видно невооруженным глазом!

— Знаете, у меня нет привычки разглядывать дохлых кошек.

— Я полагаю, что, расправившись с женой, вы затем убили и кошку, — проворчал Литтлер, попыхивая трубкой. — Скорее всего, она напоминала вам о жене. А может быть, кошка видела, как вы закапываете труп, и впоследствии могла навести нас...

— Сержант, вам самому-то не смешно?

От возмущения он стал пунцовым.

— Ничуть! Известны случаи, когда животное начинало рыть землю в том месте, где был похоронен его хозяин. Насчет собак — это точно. А чем кошки хуже?

Я рассуждал точно так же. Действительно, чем?

Литтлер с явным удовольствием прислушался к грохоту отбойного молотка.

— Когда нам сообщают о пропаже человека, мы рассылаем «летучки» по всей стране и ждем. Как правило, через неделю-другую у пропавшего кончаются деньги, и он возвращается.

— Ну, так что же вам мешало немного подождать? Я уверен, что через несколько дней Эмили вернется. Она взяла с собой сто долларов, а самой ей и гроша ломаного не заработать.

Сержант отрицательно мотнул головой.

— Когда пропадает женщина, а ее муж той же ночью начинает что-то закапывать в саду, мы не можем позволить себе ждать.

Я тоже не мог. В конце концов, нельзя же труп Эмили хранить вечно. Пришлось разыграть перед Триберами этот дурацкий спектакль с похоронами кошки.

— И поэтому вы сразу взяли за лопаты?! Предупреждаю, вы мне ответите за каждый камешек, травинку, кирпич и так далее, если они не будут

возвращены на свое место!

— К тому же, на ковре в гостиной обнаружены следы крови, — невозможно пожал плечами Литтлер.

— Это моя кровь. — Я помахал у него перед носом забинтованным пальцем. — Случайно разбил стакан и порезался.

— Вы сделали это нарочно, чтобы оправдать наличие пятна.

Он был прав, хотя пятно мне было нужно лишь на тот случай, если свидетельских показаний окажется недостаточно, чтобы начать полномасштабный обыск.

Тут я заметил Трибера — облокотившись на ограду, он с любопытством наблюдал за рабочими, продолжавшими свою разрушительную деятельность. Я встал.

— Пойду, скажу этому вруну пару ласковых!

Спотыкаясь о кучи вывороченного дерна и перепрыгивая через траншеи, мы с Литтлером подошли к Триберу.

— И это называется — добрый сосед?! — процедил я сквозь зубы.

— Альберт, — нервно сглотнул тот, — поверьте, лично я вас ни в чем не подозреваю, но вы же знаете, какое воображение у Вильмы.

— Про шахматы с этой минуты можете забыть! — Я повернулся к Литтлеру: — С чего вы взяли, что я закопал жену именно на участке?

Сержант вынул трубку изо рта.

— В пятницу, около половины шестого, вы ездили на бензоколонку на Мюррей-стрит — менять масло в моторе. Механик записал в квитанции показания спидометра и время окончания работы. После этого вы проехали лишь одну восьмую мили. Это точное расстояние от бензоколонки до вашего гаража. Другими словами, оттуда вы отправились напрямик домой. По субботам вы не работаете. Сегодня воскресенье. Значит, с пятницы ваша машина не тронулась с места.

Все, как я и рассчитывал! Если бы полиция сама не додумалась проверить мой «шевроле», я бы нашел способ подкинуть им эту мысль.

— А вам не приходило в голову, что я мог ее закопать где-нибудь на соседском пустыре?

— Ближайший пустырь находится в четырех кварталах от вашего дома. Вряд ли вы потащили бы труп по главной улице. Слишком рискованно, да же ночью.

— Простите, Альберт, — осторожно откашлялся Трибер, — но раз уж они разорили вашу клумбу, может, дадите парочку отростков?

Окинув его испепеляющим взглядом, я повернулся на каблуках и направился в дом.

По мере того, как солнце клонилось к закату, самоуверенность Литтлера таяла на глазах. К половине седьмого отбойный молоток в подвале смолк, и на кухне появился перепачканный глиной детектив Чилтон. Вид у него был измученный и голодный.

— Ничего! Абсолютно ничего.

Литтлер стиснул зубами мундштук трубки.

— Вы уверены? Хорошо искали?

— Все прочесали, — прохрипел Чилтон. — Если бы там был труп, мы бы его уже давно нашли.

— Но я же знаю, что вы убили свою жену!!! Нюхом чую! — сверкнул на меня глазами Литтлер.

Хотя в данном случае чутье его не подводило, мне всегда было жаль людей, склонных слепо полагаться на инстинкты.

— Сегодня на ужин у меня печенка с луком, — весело сообщил я ему. — Надеюсь, вы со мной закончили?

В комнату торопливо вошел детектив Смит.

— Сержант, я тут побеседовал с его соседом, Трибером...

— Ну, и?! — нетерпеливо выдохнул Литтлер.

— Оказывается, у мистера Уоррена есть летний коттедж на озере.

Я чуть не выронил пакет с печенкой. Какой же идиот этот Трибер! Вечно болтает, когда его не просят!

— Ага! — радостно воскликнул Литтлер. — Что я говорил?! Они всегда прячут свои жертвы поблизости! Против статистики не попрешь!

— Не смей!!! — взорвался я. — Я потратил на обустройство дачи две тысячи и не позволю вашим вандалам все изгадить еще и там!

Литтлер злорадно рассмеялся.

— Чилтон, распорядитесь насчет прожекторов и скажите людям, чтобы перебирались... э-э... — Он повернулся ко мне. — Где находится ваше гнездышко?

— Вы прекрасно знаете, что меня там не было! Вы же проверили показания спидометра!

— Вы могли перекрутить его назад. Адрес?

— Так я вам и сказал!

— Что, горячо? Или вы как раз сегодня собирались туда наведаться, откопать ее и перезахоронить где-нибудь в другом месте?

— Чушь! И вообще, согласно Конституции Соединенных Штатов, я имею полное право хранить молчание.

Литтлер насмешливо фыркнул, взялся за телефон и уже через полчаса знал точный адрес моего коттеджа.

— Слушайте, вы! — рявкнул я, когда он положил трубку. — Имейте в виду, я этого так не оставлю! Я... я дойду до мэра!

Литтлер, довольно потирая руки, подмигнул мне.

— Чилтон, позаботьтесь, чтобы завтра здесь навели порядок.

— Каждый цветок, каждую травинку, или я подам на полицию в суд! И на вас лично! До конца жизни со мной не расплатитесь!

Вскоре они ушли, но мое настроение было испорчено настолько, что его не смогла исправить даже печенка с луком.

Ровно в полночь в дверь черного хода тихо постучали. Я открыл. На пороге с понурым видом стоял Трибер.

— Альберт, старина, я...

— Какого черта ты сказал им про коттедж?!

— Извини. Случайно вырвалось.

— Они же там камня на камне не оставят. И это после стольких трудов... Ну да ладно, после драки кулаками не машут. Вильма спит?

— Из пушки не разбудишь, — кивнул Фред.

Я надел пальто, и мы спустились к нему в подвал. Труп Эмили лежал там же, где мы его и оставили, — в леднике под куском старого брезента.

Мы перетащили ее в мой подвал, выглядевший как поле боя после артобстрела, и, опустив в самую глубокую «воронку», забросали комьями глины.

— Ты уверен, что они ее не найдут? — обеспокоенно спросил Фред.

— На все сто. Здесь-то они уже искали.

Он тоскливо посмотрел на меня.

— Господи, неужели мне ждать целый год?

— Ничего не поделаешь. Зато, когда ты пристукнешь свою Вильму, она спокойно полежит в моем подвале, пока страсти не улягутся. Ко мне полиция больше не сунется, но, боюсь, твоему участку не поздоровится. Со статистикой не поспоришь.

— Черт бы подрал эту статистику! Какой от нее толк, если... Но как же еще долго! — Фред сокрушенно покачал головой. — Что ж, в конце концов, мы подбросили монетку, и ты выиграл. Все по-честному. — Он тяжело вздохнул. — Альберт, а ты это серьезно?

— Насчет чего?

— Да насчет шахмат. Ты сказал, что больше не будешь со мной играть. Неужели это правда?

Когда я представил, во что к утру превратится моя дача, у меня появилось сильное желание ответить утвердительно. Но он стоял передо мной такой расстроенный, маленький и жалкий...

— Ну, что ты! Конечно, нет.

Фред просиял.

— Тогда я сбегаю за доской?

Перевод с английского Дмитрия Павленко. □

Андрей Дышев

ПРИВИЛЕГИЯ БОГА

Журнальный вариант

ГЛАВА 1

До полного солнечного затмения оставалось четыре дня.

Технический персонал обсерватории АРЕХ, принадлежащей десяти странам Евросоюза и Швейцарии, приступил к завершающей стадии подготовки уникального устройства с 12-метровой антенной. Южноафриканские астрономы, в ожидании события, сделали пробные снимки нескольких галактик и диффузных туманностей, используя самый большой телескоп в Южном полушарии SALT, с диаметром главного зеркала 11 метров. Особый ажиотаж творился на профессиональной обсерватории в Крыму, над которой должна будет пройти так называемая «центральная линия затмения». Внимание астрономов всей планеты было привлечено к галактике NGC 4622, расположенной в созвездии Центавра на удалении 111 миллионов световых лет. Ее странную непохожесть на другие звездные скопления впервые зафиксировали астрономы из Алабамского университета с помощью орбитального телескопа Хаббл. Науке был подброшен совершенно необъяснимый, парадоксаль-

ный факт: эта галактика вращается не в том направлении. Механизм аномального вращения до сих пор не был объясним. Некоторые астрономы высказывали весьма шаткие гипотезы, объясняя феномен тем, что NGC 4622 поглотила другую галактику, которая вращалась в противоположном направлении...

Мать Анисья мысленно повторила изречение Марка Аврелия, которое помогало ей в те минуты, когда надо было решиться на ответственное и мучительное действие, — делай, что должен, и будь, что будет. Она щелкнула зажигалкой и поднесла пламя к фитилю спиртовой горелки.

Леонтий вышел на балкон, он не переносил запаха паленой кожи. Тихо шелестел дождь. Влажный воздух был мутным, как запотевшее стекло, и очертания привокзальной башни с часами утратили прежнюю суровую стройность. «Она торопится сделать это, — подумал Леонтий. — Она не доверяет мне».

Они только что вернулись из Италии, и еще не успели разобрать вещи. Посреди комнаты стояли две дорожные сумки с болтающимися на кожаных ручках самоклеющимися багажными ярлыками. Каждый вынул из сумок лишь то, что, на его взгляд, достать следовало немедленно. Леонтий взял в руки сувенирную икону Апостола Петра, отогнул мельхиоровые уголки, отсоединил серебряную подложку. Внутри деревянного корпуса иконы было выдолблено углубление, в котором лежал пистолет. Мать Анисья выбрала из своей сумки камень и горелку от ароматической лампы, купленной в сувенирной лавке.

Из комнаты донесся скрип стула, и Леонтий обернулся. Мать Анисья закончила, но горелку не загасила, и пламя продолжало трепыхаться на сквозняке. Женщина ходила по комнате, поднимая и опускающая руки.

— Свершилось, — бормотала она. — Свершилось...

«Свершилось ли?» — подумал Леонтий и заметил, что камня на столе уже нет. Мать Анисья села в кресло, зажгла бра и стала рассматривать, что получилось. Леонтий все же уловил отвратительный запах, и тошнота подкатила к горлу. Он раздавил пламя маленьким зеркальцем женщины, отчего на его поверхности осталось черное пятно, устроился напротив нее, вынул из кармана и вытряхнул на ладонь две белые подушечки мятной жвачки и сказал:

— У тебя изо рта трупный запах.

— Я знаю... А глаза? Может, мне надеть очки?

— В очках ты будешь выглядеть нелепо. Хотя...

Она изменилась. Леонтий это почувствовал сразу. Ее взгляд стало трудно выдерживать. Казалось, что ледяной ветер бьет в лицо, отчего сразу накатываются слезы. Да, лучше, чтобы она надела темные очки. В Венеции Анисья одевалась вольно — бриджи, кроссовки, широченная футболка, выпрошенная наружу, из-под которой едва выпирала обвисшая грудь. Лишь однажды она надела длинное шерстяное платье, когда спускалась в катакомбы. Но не потому, что там было холодно.

— Подай мне бинт!

Ого! В ее голосе уже проскальзывают начальственные нотки. Леонтий вышел в другую комнату. Она старается властвовать, изо всех сил напрягается, чтобы повелевать. Это не власть. Истинная власть исходит из человека независимо от его воли. Даже когда он спит... Леонтий раскрыл створку шкафа, где висел его черный кожаный плащ. На нем еще не просохли капли дождя. В петле, пришитой на внутренней подкладке, стволом вниз лежал пистолет. Леонтий зачем-то тронул его, испытывая необъяснимую потребность прикоснуться к металлу. Пистолет опасен, даже если не вложен в ладонь человека. Он источает власть бесконечно. Черное холодное божество...

— Ты куда пропал?

Ей не терпится, она разучилась ждать. Вожденная цель казалась ей слишком близкой. Но в запасе есть еще четыре дня. Целая вечность!

Леонтий вернулся, на ходу вскрывая упаковку с бинтом, и протянул ей тугий белый валик. Мать Анисья ожидала, что Леонтий ей поможет, поэтому усмехнулась и ухватила за кончик бинта зубами. У них никогда не возникал разговор о том, кому быть. Она всячески давала понять, что эта тема обсуждению не подлежит. Она так решила, и ни у кого на земле не может быть аргумента против ее решения.

Леонтий отвернулся, чтобы не видеть того, что она с собой сделала. Его взгляд нечаянно упал на трюмо, стоящее напротив кресла, в кото-

ром сидела мать Анисья. То, что он увидел в зеркале, заставило его скорчить гадливую гримасу. Это все-таки омерзительно!

Она поймала его взгляд, тотчас вскочила с кресла.

— Я его разобью! Он больше не нужен! — Вышла на балкон и закрыла за собой дверь.

Леонтий слышал, как она долбит по камню ручкоявкой отвертки. «Больше не нужен... Конечно, двух Богов быть не может. История достигла апогея, выше уже некуда и некому...»

— Подай мне молоток! — крикнула она с балкона.

— Откуда у меня молоток?

Мать Анисья тяжело задышала, сверкнула воспаленными глазами и вернулась в комнату. Схватила с тумбочки настольную лампу с тяжелой подставкой, затем снова вышла на балкон. Бум, бум, бум, — раздавалось оттуда.

«Она крушит за собой лестницу...»

— Звони ему, — сказала мать Анисья, появившись на высоком, как пьедестал, пороге балкона. Ее руки, сжатые в кулаки, дрожали от напряжения. — Иначе я сейчас закричу.

ГЛАВА 2

Влад Уваров чувствовал себя скверно и второй день не выходил из дома. Температура его тела не поднималась выше тридцати восьми, но это, может быть, только растягивало процесс болезни на неопределенный срок. Из носа текло, в горле першило. Если бы не диссертация, которую надо было завершить к Новому году, Влад лежал бы в постели и выполнял весь комплекс медицинских рекомендаций при ОРЗ. Он почувствовал себя плохо вчера, на шестом уроке, и у него едва хватило сил

завершить рассказ о восстании Спартака. Директор отшатнулась от него, как от прокаженного.

— Идите с глаз моих долой и лечитесь! Вас подменит учитель литературы.

Он пришел домой, лег и закутался в одеяло. Его трясло, приступы кашля вырывали из сна на протяжении всей ночи, и к утру Влад чувствовал себя совершенно разбитым. Все же он нашел в себе силы сменить насквозь пропотевшее белье и приготовить чай с медом.

Его жена, учитель пения в той же школе, трагически погибла несколько лет назад: переходила рельсы и остановилась на межпутье, пропуская товарный состав. В это же время за ее спиной промчался пассажирский экспресс. Воздушный вихрь сбил ее с ног и затащил под колеса товарняка. Второй раз Уваров не женился. Детей завести они не успели. Минувшим летом ему исполнилось тридцать.

Влад сделал несколько глотков и, отставив чашку в сторону, придвинул к себе стопку исписанных листов. Диссертация, которую он писал, была посвящена преемственности политических учений, начиная с античных времен и заканчивая эпохой Возрождения. Сейчас Влад штудировал дигесты Юстиниана. Материал перегонял по электронной почте из Рима его товарищ, сотрудник Национальной галереи античного искусства Адриано Вариани, с которым Влад познакомился во время обмена школьными делегациями в рамках компании «История без границ». А его научным руководителем был Сидорский Артем Савельевич, крупный специалист в области кратологии, науки о власти.

Не успел Влад погрузиться в чтение, как раздался телефонный звонок. «Это директриса. Сначала спросит о здоровье, а потом намекнет, что было бы неплохо, если бы я провел запланированный семинар в десятом «а».

Он еще не решил, поднимать трубку или нет, а телефон уже замолчал. Наступившая тишина показалась Владу глухой, словно его поместили в глубокий погреб, да закрыли сверху бетонной плитой. Давящее чувство заставило его обернуться и посмотреть в запотевшее окно, за которым на мокром ветру раскачивался растрепанный тополь. Новый звонок заставил его вздрогнуть. Влад вскочил, но телефон вновь замолчал. «Что за шутки? Нет, это не директриса... Кто-то пытается дозвониться? Или балуется?»

После третьего звонка он кинулся в прихожую, где стоял аппарат, но не успел. Тишина, царившая в квартире, стала нервировать. «Кто-то хочет со мной поговорить, но колеблется и всякий раз кладет трубку,

потому как чувствует, что еще не готов, не все продумал...»

Теперь он ходил рядом с телефоном, поглядывая на него с нетерпением.

И вдруг понял, что смущало человека, который трижды названивал ему. Определитель номера! Владу не полагалось знать номер телефона, с которого производился набор, и потому человек бросал трубку. А он не успевал засечь комбинацию цифр.

ГЛАВА 3

Профессор Артем Савельевич Сидорский был маленького роста, вряд ли выше полутора метров, и горбатый, его позвоночник изогнулся внутри тела, словно корчащийся от боли удав. Так обозначил себя туберкулез костей, перенесенный в детстве. Позже он тяжело переболел гриппом, который дал осложнение на слух, и, общаясь с профессором, следовало говорить достаточно громко и при этом желательно не отворачивать лицо, чтобы Сидорский мог угадать отдельные слова по губам. Инвалидность, тем не менее, не только не мешала ему заниматься наукой, но, возможно, даже способствовала успешному продвижению по научной стезе. Лишенный возможности выступать с лекциями перед аудиторией (у Сидорского, помимо всего, была отвратительная дикция), профессор писал научные статьи, учебники и вел к сияющим вершинам ученых степеней огромное количество соискателей.

Познания его были обширны. О великих правителях всех времен и народов Сидорский знал все, что только можно было знать. Известность пришла к Артему Савельевичу после выхода в свет его книги «Формула власти». В ней ученый доход-

чиво объяснил, что власть, которая дается человеку, — не столько божий дар и счастливая комбинация звезд на небе, сколько особый свод законов и правил, которым обязан руководствоваться всякий правитель, желающий себе долголетия. Трактат вызвал бурю эмоций. О книге говорили и спорили политологи, имиджмейкеры, советники всех мастей.

Именно эта книга натолкнула Влада Уварова обратиться за помощью к Сидорскому и просить его стать научным руководителем. Влад прочитал «Формулу» за одну ночь, находя ответы на множество вопросов, которые были для него камнем преткновения. При первой встрече с профессором Влад признался, что более всего его впечатлила расшифровка механизма власти римских правителей в раннехристианскую эпоху.

— Но у меня сложилось впечатление, — умничал Влад, — что вы боялись открыто сказать о своем сенсационном открытии, потому изложили его эзоповым языком.

— По-моему, это ты сейчас говоришь со мной эзоповым языком, — сердито заметил профессор. — Ну-ка, выкладывайте, что за впечатление у вас сложилось?

— Вы как бы невзначай выделили Калигулу, Нерона, Кассия, Марка Аврелия как людей, связанных какой-то одной тайной, — сказал Влад. — Я понял так, что эта тайна переходила от императора к императору эстафетой и по необъяснимым причинам оборвалась в пятнадцатом веке.

— Чушь говорите. Какая эстафета? Этих людей разделяли годы, даже столетия, — возразил профессор.

— А ваш намек на существование некоего тайного противоборства между Калигулой и Сенекой...

— Какой еще намек?! — сердито прервал его Сидорский.

— Намек на то, что начало этой «эстафете» положил Понтий Пилат, только вернувшийся из Иудеи...

— Вы переучились, юноша, — сердито нахмурил брови профессор. — Ничего подобного я не утверждал... Антинаучный бред... Гм, Понтий Пилат! Вы докатились до того, что смешали библейский персонаж с научной историей!

Как бы не сблизил совместная работа Уварова и Сидорского, профессор оставался человеком замкнутым, а порой даже нелюдимым. Но один эпизод из жизни ученого просто отравил Уварову впечатление о своем кураторе. Открытие было сколь неожиданным, столь же и отталкивающим.

Жил профессор в старом доме, когда-то давно построенном Академией наук. Влад довольно часто приходил к нему, и это было необъяс-

нимым исключением из правил: обычно Сидорский никого у себя не принимал. Как-то он назначил Владу встречу на поздний вечер, но попросил обязательно созвониться с ним заранее. Влад целый час накручивал диск телефона, но у профессора все время было занято. «Должно быть, у него что-то с телефоном».

Стояла ранняя весна, на улице была отвратительная погода. Влад направился к академическому дому пешком, так было удобнее, чем дожидаться на продуваемой всеми ветрами остановке троллейбуса. Он зашел через арку во двор и увидел роскошную черную машину — кажется, это был джип «лексус», впрочем, в марках автомобилей Уваров разбирался плохо. Необычным было то, что подобные автомобили никогда не появлялись в этом бедном районе. Влад зашел в подъезд, обратив внимание на двух крепких мужчин, которые курили на входе и проводили его пристальными взглядами, поднялся на третий этаж, тщательно вытер подошвы ботинок о замусоленный половичок и вдруг услышал за дверью профессора такое, что заставило его тотчас усомниться: а не ошибся ли он квартирой? Его рука повисла в воздухе, не достигнув кнопки звонка. Он невольно попятился, ухватился рукой за поручень и стал спиной подниматься вверх, на пролет четвертого этажа. «Этого не может быть!». Темнота надежно скрыла его, и вскоре он увидел, как дверь медленно, словно с опаской, отворилась... «А мне-то что? Какое мне дело до этого?»... Влад позвонил в квартиру профессора минут через двадцать. Сидорский выглядел растерянным, машинально протянул ему руку и зашаркал в глубь гостиной, почти не отрывая ступней от пола. Влад последовал за ним, разглядывая его горбатую спину, словно в первый раз и с ужасом понимая, что ему трудно сосредоточиться на истории, что в его воображении появляются назойливые картины того, как это могло происходить.

— Садись, — произнес Сидорский, думая, между тем, о чем-то своем.

На круглом столе лежал какой-то сверток. Сидорский встрепенулся, вспомнив о нем, обхватил своими непропорционально большими руками и попытался затолкать куда-то между книг. Обертка надорвалась, и к ногам Сидорского упала пачка денег, перетянутая резинкой.

— Каждый зарабатывает, как может, — проговорил Сидорский, изо всех сил пытаюсь скрыть смущение. Он склонился, кряхтя, поднял деньги и некоторое время в нерешительности мял пачку в руке. — А ты не нуждаешься? Я могу дать...

Влад почувствовал, как горячая волна стыда пробежала по его телу и выплеснулась через лицо и глаза. Он уже не мог думать ни о чем другом, и эти мысли стали болезненно-навязчивыми, от них хотелось побежать куда-то в сырую ночь, сломя голову, и прыгнуть в черную стылую воду какого-нибудь заброшенного пруда.

— Я тебе расскажу... потом... — пробормотал профессор. — Дай Бог, я не ошибся...

ГЛАВА 4

Звонки прекратились, и Влад с опозданием отключил определитель. Он предоставил возможность абоненту оставаться инкогнито, но абонент этой возможностью не воспользовался. «Может, это был профессор?»

Работу пришлось отложить, эти звонки выбили его из рабочего состояния, и он включил телевизор. В новостях выступал бородатый астролог, перечисляя известные в истории катаклизмы и прочие драматические события, предвестником которых было полное солнечное затмение. «Никто не знает, что нас ждет на этот раз!» — страдал выстулавший.

Звонок, опять звонок! Влад вышел в прихожую, снял трубку.

— Алло! Это Влад Уваров? — услышал он незнакомый женский голос. — Вас беспокоит представитель церкви «Наследники Христа» мать Анисья... Алло! Вы меня слышите?

— Да.

— Вы не могли бы говорить громче?

«Наследники Христа», — вспоминал Влад. Сектанты часто подходили к нему на улице, предлагали брошюры, давали адреса молитвенных

домов, приветливо улыбались и обещали полное и быстрое спасение души. Влад побаивался этих преимущественно молодых, приятной внешности людей, так же, как и цыган с их способностью зомбировать психику, и никогда не вступал с ними в беседы. Теперь, выходит, сектанты надумали обзванивать квартиры по телефону.

— Нет-нет, только не кладите трубку! — поторопилась предупредить мать Анисья, почувствовав настроение Влада. — Я вовсе не собираюсь прочищать вам мозги! Я знаю, что вы историк, и хочу предложить вам работу как историку. — Ее голос был дружелюбным, даже веселым и не оставлял тягостного впечатления.

— И чем же я могу быть полезен вашей церкви? — спросил Влад. Он был несколько обескуражен предложением незнакомой женщины. Может, она хочет, чтобы он занимался агитацией? Выступал перед прихожанами?

— Вы могли бы принять нас сейчас с отцом Леонтием? Мы только что приехали из Киева и находимся на вокзале.

— Вы уже звонили мне сегодня?

— Да, извините! Этот безобразный телефон-автомат! Он считывал с карточки единицы, а связь всякий раз срывалась.

Влад глянул на часы. Восемь пятнадцать. За окном стемнело, голова просто раскалывается, горло болит так, словно он выпил расплавленно-го свинца.

— Я себя плохо чувствую, — признался он. Если бы позвонил профессор и предложил встретиться, Влад, не раздумывая, тотчас бы оделся и вышел на улицу. А эта мать... Как же ее? Мать Анисья? Знает он, что ему хотят предложить! Сейчас начнут подсовывать брошюры с лощеными страничками и яркими, как в детских книжках, картинками, да, как бы между делом, втягивать в дискуссию. Это они умеют.

— Вы, наверное, неправильно меня поняли, — продолжала женщина. — Я вам предлагаю очень приличные деньги. Три тысячи долларов.

Деньги, действительно, приличные. Трех тысяч хватило бы на две поездки в Рим.

— И что я должен сделать? — осторожно поинтересовался Влад.

— Написать предисловие к книге.

— Предисловие к книге? Странно. Почему именно я?

— Это ваша тема.

Ничего подобного Влад не ожидал. Мошенники обычно предлагают другое: изучить технологию изготовления пуговиц в домашних условиях или сыграть в беспроигрышную лотерею. Разговор его заинтересовал. «Втянули все-таки!»

— А с чего вы взяли, что это моя тема? — спросил он, почти уверенный в том, что согласится принять представителей церкви у себя дома.

— Мы нашли в Интернете вашу статью о генуэзских колониях в Крыму.

Это правда, такая статья есть. Что ж, гости, так гости. Влад оглядел комнату — беспорядок еще тот, но можно оправдаться тем, что неважно себя чувствует, да и вообще не ожидал гостей в столь поздний час. Кофе есть. В кухонном шкафу где-то завалилась коробка конфет, которую ему подарили на день учителя.

— Хорошо, — согласился Влад. — Приходите. Записывайте адрес...

Положив трубку, он вдруг замер посреди прихожей... Чепуха какая-то получается. Не могли они прочитать его статью в Интернете. Не могли!

ГЛАВА 5

Свет прихожей осветил бледные лица гостей. Влад сделал шаг назад и широким жестом пригласил зайти. Мужчина проследовал в прихожую первым. Влад пожал его тонкую холодную руку. Мужчина загораживал вход, и матери Анисье пришлось дожидаться на темной лестничной площадке.

— Что ж мы даме не даем войти! — попытался пошутить Влад.

Мать Анисья отрицательно покачала головой, продолжая стоять на прежнем месте, опустив руки в карманы черного плаща.

— Вы на меня не обращайтесь внимания, — сказала она. — Не беспокойтесь... Сама разберусь...

«Наверное, она тоже болеет... Прячет глаза... Носовой платок...»

Леонтий снял черный, блестящий от дождя плащ, повесил его на крючок и скользнул взглядом по стенам прихожей.

— У вас здесь уютно. Можно пройти в комнату?

Он был сухощав, даже мелок. Лицо бледное, несвежее, словно нарисованное одним мазком. «Неудивительно. Человек только с поезда». Леонтий прошествовал в гостиную, бегло оглядел ее и сел на диван. Узкий «дипломат» он поставил на пол между ног.

— Нет-нет, не надо! — сказала мать Анисья, когда Влад попытался помочь ей снять плащ. — Я сама... И вообще, держитесь от меня подальше. Я не совсем здорова.

Что ж, как ей будет угодно. Влад прошел в комнату и сел напротив Леонтия.

— Хотите кофе?

— С удовольствием.

— В поезде, наверное, было очень душно?

— Простите, где?

Тут в комнату вошла мать Анисья. В длинном, почти до пола, темно-коричневом платье она казалась маленькой, по-домашнему уютной. Правая рука ее скрывалась в кармане. Темные волосы, расчесанные на пробор, были сплетены в кучую косичку. Глаза женщины слезились, кайма век воспалилась. «Наверное, у нее конъюнктивит. Это бывает при ОРЗ. Падение иммунитета».

Она остановилась посреди комнаты и неожиданно сказала:

— Вы такой молодой, а уже зарекомендовали себя как противник ортодоксов в науке. Вам нравится опровергать общепризнанные догмы?

— Почему нравится? — возразил Влад. — Просто я привык лично перепроверять каждый факт... Хотите помыть руки?

«Странно, что ее правая рука все время находится в кармане. Как будто она прячет там оружие».

Он проводил женщину в ванную, показал, где висит свежее полотенце. Мать Анисья поблагодарила, закрыла дверь и щелкнула изнутри замком.

Влад вернулся в комнату и с ходу — так было легче — спросил у Леонтия:

— Вы знакомы с профессором Жерардо Бамонте?

— Нет, не имею чести, — немного подумав, ответил Леонтий.

— Удивительно! — усмехнулся Влад. — Как же вы смогли зайти на внутренний сайт римского университета «Sapienza»? Моя статья была опубликована именно там, что потребовало личного разрешения профессора Жерардо Бамонте. Без его визы никто не может не то, что поместить статью на сайте, но даже просто зайти туда.

— Вы правы, — ничуть не смутившись, ответил Леонтий. — Но Жерардо Бамонте был слишком занят и недоступен, и мы не стали беспокоить его своей пустячной просьбой. Студенты стали нашей палочкой-выручалочкой! Вы же сами еще недавно пели «Gaudeamus» и знаете, как хронически студентам не хватает денег.

«Достаточно убедительно. Не бог весть, какое преступление — провести постороннего в аудиторию, посадить за компьютер и позволить войти на внутренний сайт», подумал Влад и сказал вслух:

— Что ж, давайте поговорим о вашей книге.

— О книге вам лучше расскажет мать Анисья.

Воцарилось неловкое молчание. Леонтий делал вид, что с интересом рассматривает картины и всякие безделушки на полках.

Наконец щелкнул шпингалет, и женщина вошла в комнату. Влад обратил внимание, что мать Анисья уже не держит руку в кармане платья, но рука была туго забинтована.

— Что ж, — сказала она с таким видом, словно никуда не отлучалась и все время присутствовала при разговоре мужчин. — Теперь самое время поговорить о книге.

Но Влад никак не отреагировал на ее слова, он размышлял над странным, необычным поведением женщины. Рукав ее платья чуть выпачкан в чем-то белом, возможно, в побелке. До того, как она вошла в ванную, этого не было. Выходит, она выпачкалась там? Но где же там побелка? Стены ванной выложены кафелем.

Мать Анисья поставила на колени тонкий кожаный портфель, пальцы ее коснулись замка.

— Прежде, чем передать рукопись, — сказала она, — я бы хотела напомнить о том, что мы обратились к вам как к историку, исследователю, перспективному ученому... У простого обывателя эта книга, возможно, вызовет чувство возмущения, недоумения или раздражения. В вашем лице мы видим иного человека.

— И кого же вы видите в моем лице?

— Оппонента. Серьезного ученого, который всякий свой довод будет подкреплять обоснованными фактами. Мы ждем от вас беспощадной критики в тех местах, где вы с нами не согласитесь. И, конечно же, мы с благодарностью примем вашу поддержку... — Она не договорила, так как в прихожей зазвонил телефон. Владу показалось, что в воспаленных глазах матери Анисьи отразилась искра тревоги.

Он извинился и вышел.

— У тебя все в порядке? — Это звонил профессор Сидорский. Речь Артема Савельича была невнятной, будто профессор зажал пальцами нос, да еще сунул за обе щеки по грецкому ореху.

— Приболел немного, — признался Влад.

— Я не о том... Тебе никто не звонил? Никаких странных предложений не было?

Не отрывая трубку от уха, Влад кинул взгляд на распахнутую дверь в комнату, тотчас встретился взглядом с матерью Анисьей и пробормотал:

— Как сказать...

— Ага! — догадался профессор. — Они уже у тебя. Так вот, слушай меня. Гони их из дома поганой метлой. Это сектанты и мошенники. Полнейшие дилетанты не только в теологии, но и в философии и истории! Они мне звонили сегодня, и я имел несчастье беседовать... как она там представлялась? Мать Анисья?

— Но... пока еще... — произнес Влад, мучительно подбирая слова.

— Ты пока еще не раскусил их? — пришел на помощь профессор. — Так я расскажу тебе, что будет дальше. Они предложат тебе отрецензировать некую рукопись... Что? Уже предложили?

— В общем-то, да.

— И ты согласился?

К Владу неожиданно подошел Леонтий и, натянуто улыбаясь, встал рядом, поэтому ему пришлось ответить расплывчато:

— Я еще не принял окончательного решения.

— Ты слышал, что я тебе сказал? Гони их немедленно!

— Извините... Я перезвоню вам позже.

— Что?! — гневно выкрикнул профессор. — Ну, знаешь...

Влад никогда раньше не разговаривал с профессором в таком тоне, тем более, первым завершать разговор с ним. Но профессор зашел слишком далеко. Он, по сути, внедрялся в личную жизнь Влада. В конце концов, Влад имеет право сам решать, как ему зарабатывать на хлеб.

Он опустил трубку, чувствуя, что теперь на душе будут скрести кошки. Так всегда с ним: сначала сделает, потом мучается от осознания своей вины. Ладно, «наследники Христа» уйдут, и он сразу же перезвонит профессору и извинится перед ним.

Влад вернулся в комнату и сразу с порога спросил:

— Вы деньги принесли?

— Конечно, — ответил Леонтий. — Мы готовы заплатить вам аванс. — Он вынул из кармана пиджака портмоне и стал отсчитывать доллары.

— А вдруг вы откажетесь? — неожиданно заинтересовалась мать Анисья.

— Не откажусь.

— Я хочу убедиться, что вы хорошо понимаете, что от вас требуется.

— Я прекрасно все понимаю. Выражу свое самое субъективное отношение к рукописи. Камня на камне не оставлю на том, что покажется мне вздорным. Такой ответ вас устраивает?

— Вполне, — сказал Леонтий, придвигая Владу стопку денег. — Сколько вам понадобится дней, чтобы изучить рукопись и написать рецензию?

— Три дня.

— Два, — поправил Леонтий. — Два дня. Потому как «ложка дорога к обеду». — И он кивнул своей спутнице.

Мать Анисья щелкнула замочком на портфеле и вынула рукопись в зеленой папке.

— Это всего лишь гипотеза, — предупредил Леонтий, мягко опуская ладонь на рукопись.

— Я разберусь, — заверил Влад и встал, давая понять, что визит подошел к концу. — Не исключено, что я сделаю работу раньше срока. Как мне вас найти? Вы где остановились?

— Нигде, — ответил Леонтий и улыбнулся. — Мы сами вам позвоним.

Проводив гостей, Влад первым делом сгрел со стола деньги и пересчитал. Тысяча долларов! Ого! Вот так дела! «Это мошенники», вспомнил он слова профессора. Погорячился Артем Савельич. Что ж это за мошенники, которые оставили аванс в твердой валюте и обещают заплатить еще вдвое больше за какую-то рецензию? Это не мошенники. Это чудаки.

Влад открыл папку с рукописью, достал предпоследнюю страницу, ибо основная часть любой научной работы — это только преамбула, а суть — в конце, в выводах, и начал читать. Вдруг он почувствовал, что его внимание к тексту пропадает. Отведя взгляд от страницы, посмотрел на пол и увидел едва заметное белое пятно. Опустился на корточки, тронул пятно пальцем, растер. «Ах, ванная!» Ему надо было сразу зайти туда, прежде чем пересчитывать деньги!

Открыв дверь, Влад заглянул в ванную. Воздух сухой, пахнет мылом, раковина усыпана мутными каплями... Из корзины для грязного белья выудил влажное полотенце, расправил его и поднес к свету. Зачем он копается в грязном белье? Почему ему тревожно?

Влад различил смазанные белые пятна, как если бы мать Анисья чистила зубы, перемазалась пастой и вытерлась полотенцем. «Это похоже на известку». Он поднял голову, взглянул на идеально оштукатуренный потолок, на облицованные плиткой стены, на штангу лейки и карниз «мойдодыра» с подсветкой... Странная женщина.

Витторио не помнил, чтобы в этот день на кладбище собралось такое количество народа. По старинной итальянской традиции, жители города оказывали почести своим предкам и посещали кладбища с многоярусными могилами. Случалось, что в этот день водители нарушали правила парковки и заезжали передними колесами на газон перед главными кладбищенскими воротами. Или, допустим, в арке, которую венчал крест из черного мрамора, образовывалась толчея, и тогда Витторио вооружался громкоговорителем и в течение нескольких минут наводил порядок. Но в этот раз словно весь город хлынул на кладбище! Для поддержания порядка прибыла дюжина полицейских. Народ валил по центральной аллее плотным строем, напоминая поток бурной горной реки. Навстречу плыл такой же поток тех, кто уже отдал дань памяти усопшим.

Как назло, трудный день тянулся необыкновенно долго. К вечеру, когда посетителей почти не осталось, пошел мелкий морозящий дождик, и Витторио накинул синий форменный плащ. Перешагивая через разбросанные повсюду поминальные пластиковые стаканчики, раздавленные цветы и бумажные обертки, он время от времени кидал взгляд на темные окна колумбария, любуясь собственным отражением. Как всякий уважающий себя итальянец, Витторио обожал свою форму, а точнее, себя в ней. А как же иначе должен относиться к своему имиджу охранник старейшего венецианского кладбища! Главное в его жизни — подчеркнутое уважением к усопшим. Какие великие личности здесь покоятся!

Витторио свернул на аллею номер сорок шесть, по которой проходил маршрут его каждодневного обхода, и дошел до самой глухой части кладбища. С этого места, собственно, и начались захоронения. Никто не знает, когда был предан земле первый венецианец, ибо на многих могильных плитах уже невозможно разобрать ни имени усопшего, ни даты рождения и смерти... Постоял немного, обводя взглядом серые плиты, кресты и каменные фигуры святых и скорбящих матерей, и поднял воротник плаща. Сейчас он пройдет по шестому сектору, оттуда выйдет на двадцать третью аллею и вернется к колумбарии.

Он уже собрался продолжить обход, как вдруг что-то привлекло его внимание.

— Что за ерунда, — негромко произнес Витторио.

Ему показалось, что в строгом порядке склепов и надгробий появилась некая лишняя деталь, ускользающий от внимания элемент неаккуратности. Он медленно двинулся по узкой дорожке к старинному склепу, не сводя глаз с тяжелых каменных створок, похожих на две огромные книги, поставленные торцом. Он не смотрел под ноги и потому нечаянно наступил на что-то твердое. Остановившись, Витторио увидел под ногами небольшой белый предмет размером с кулак ребенка и, подняв его, поднес к глазам.

— Первый раз вижу такое, — пробормотал он и невольно оглянулся, словно хотел увидеть того, кто потерял этот предмет.

Можно было предположить, что этот небольшой кусочек мрамора отвалился от какой-нибудь надгробной скульптуры, но края камня были гладкими, отшлифованными, а одна из его сторон напоминала миниатюрный барельеф с выпуклым замысловатым узором. Витторио покачал головой. Скорее всего, камень был украшением какой-нибудь могилы, деталью композиции. Затолкав камень в просторный карман плаща, Витторио двинулся дальше, но, сделав всего несколько шагов, невольно воскликнул:

— Мать честная!

Одна из створок старинного склепа оказалась открытой. Образовавшаяся щель была узкой, но вполне достаточной для того, чтобы в нее мог протиснуться худощавый человек. Витторио поднял глаза. На мраморной табличке было выбито: «Кондотьер Бартоломео Коллеоне, 1400–1475».

Такого безобразия Витторио давно не видел. Последний случай произошел лет пять назад, когда группа сатанистов вскрыла и осквернила несколько склепов. Охранник стоял напротив открытой двери и не знал, что делать. Он готов был поклясться, что еще утром здесь было все в порядке. Кому понадобилось нарушать покой про-

славленного кондотьера? Витторио прокашлялся и сделал шаг по ступеням вниз, к створкам. А вдруг внутри кто-то есть? Может, какой-нибудь бродяга устроился на ночлег? Предположение, конечно, нелепое. Там холодно и мрачно, разве что острое любопытство может заставить нормального человека зайти внутрь склепа. Но чтобы там ночевать!

— Кто здесь? — спросил он грозным голосом и, не получив ответа, осторожно заглянул внутрь склепа.

Полный мрак, ничего не видать. Как хорошо, что он прихватил с собой фонарик! Витторио откинул длинные полы плаща и отстегнул висевший на поясе тонкий полицейский фонарик размером не больше сигары. Бледный лучик пронзил темное пространство склепа. Витторио рассматривал низкий замшелый свод, суровые стены и присыпанный крупным щебнем земляной пол. По центру из земли выступала верхняя грань гробницы. Едва луч света упал на плиту, которая служила крыш-кой, как ледяная волна пробежалась по груди Витторио.

— Бог мой... — прошептал он.

Крышка была чуть-чуть сдвинута в сторону. Рядом лежала короткая монтировка. Снова вандалы? Но когда же это произошло?

Перебарывая страх, Витторио зашел внутрь. Мертвецкий холод обжег его лицо. Надо навести порядок, вернуть все в первоначальное состояние, иначе не миновать серьезного скандала... Ноги с трудом слушались его, фонарик дрожал в руке, и белый лучик прыгал по углам гробницы. Дурные предчувствия заполнили его сознание. А вдруг створки склепа сейчас захлопнутся? При этой мысли его охватил ужас. Преодолевая себя, охранник приблизился к гробнице и подобрал с земли монтировку. Просунул инструмент под плиту и попытался поставить ее на место. Но она даже не дрогнула. «Надо встать над гробницей, — подумал Витторио, — и взяться за монтировку обеими руками». Ему пришлось взять фонарик губами, чтобы освободить вторую руку. Упираясь каблучками в каменную крошку, он загнал конец монтировки под плиту, изготовился... «Только не надо смотреть туда...» Но голубоватый кружок света, скользя по плите, будто нарочно привлекал его внимание к щели. Витторио почувствовал, как капелька холодного пота побежала по его лбу, затем упала на нос и повисла на самом кончике. Он потряс головой, пытаясь сдуть ее. Луч света заплясал по крышке гробницы и вдруг провалился в черную щель. Витторио замер и даже дышать перестал. Сначала он увидел нечто темно-коричневое, рельефное, похожее на сложенное крыло гигантской ле-

тучей мыши. Затем, слабая от страха, угадал плечо мумифицированного человека, предплечье, локоть, похожий на шишку, обтянутую коричневым пергаментом, а ниже — запястье с глубокой колеей посередине, образованной лучевой костью. Он чуть склонил голову, направляя луч еще ниже, и увидел, что правая рука мумии согнута и приподнята, словно труп, лежа на спине, пытался приподнять крышку гробницы. Но... что-то в этой ребристой от продольных сухожилий руке было неестественным. Охранник наклонился, чтобы лучше рассмотреть руку. Зрелище, открывшееся ему всего на мгновение, потрясло его. Фонарик выпал изо рта, ударился о каменную плиту, отскочил и тотчас погас.

— Господи!.. — сдавленно пробормотал охранник и попятился назад.

ГЛАВА 7

Приблизительно в это же время, не далее, чем в полутора километрах, двое бродяг готовились к ночи. В крошечной тьме навеса, где днем торговали цветочницы, они соорудили нары из картонных коробок. Бродяги запросто могли переночевать в социальной гостинице, но до нее было далеко, а они боялись опоздать к утренней записи в кладбищенские уборщики.

Фабио ползал вокруг столба, поддерживающего навес, и приминал коленями расплюснутую картонную коробку от холодильника, которую выудил из мусорного контейнера. Его товарищ Рики, недавно вышедший на свободу мелкий и неумелый воришка, предпочитал спать на ворохе старой одежды.

Первым разобрался со своим ложем Фабио. Используя в качестве подушки тугий пакет с мя-

той макулатурой, он принял горизонтальное положение и сладко потянулся.

— Ты зря подбираешь объедки в баках, — сказал он, поглаживая сумку с трофеями, которая лежала на его груди. — Не советую. Лично я всегда питаюсь в ресторане.

— Ты хотел сказать «около ресторана», — поправил его Рики, расправляя рукава и воротник куртки пожарного. Хорошая куртка. Немного прогорела на спине, а во всем остальном — почти новенькая.

— Не велика разница, — отпаривал Фабио. — Я имею в виду качество пищи. — Он развернул полиэтиленовый пакет с рыбными котлетами. — Не блевотиной ли?

— Тьфу, дурак! — глухо выкрикнул Фабио, но к котлетам, тем не менее, принялся. — Свежайшие! Просто они очень дорого стоят, и клиенты пожалели денег, чтобы их заказать.

— А у меня копченые свиные ребрышки, — похвастал Рики, довольный тем, что все-таки испортил товарищу настроение.

Он пошарил рукой в мешке и вынул аппетитную находку. Ну и что с того, что он нашел ее в мусорном контейнере? Деликатес был упакован в полиэтиленовый мешочек и завален сверху вялыми кладбищенскими цветами. Тухлятиной он не пах, у него вообще не было никакого запаха. Фабио покосился на своего товарища и уточнил:

— Свинина?

Рики кивнул и подумал, что Фабио обязательно начнет выпрашивать кусочек.

— А выглядит, как акулий плавник, — продолжал высказывать мнение Фабио.

— А если даже рыба, то тебе чего? — равнодушно ответил Рики.

— Смотри, не отравись...

— Ладно, отрывай кусочек, — миролюбиво позволил Рики и протянул ребрышки Фабио, чтобы он смог ухватиться за край.

— Странная рыба... Что это за шипы на плавнике? — удивился Фабио.

— Не хочешь есть, так и скажи, — рассердился Рики.

— Ну вот, пощупай здесь, где моя рука... А? Что это? Это же коготь какой-то...

— Сам ты коготь...

— Постой, я зажигалку достану!

Фабио открыл молнию на сумке, пошуршал в накладном кармане и вынул квадратную зажигалку «Zippo» в металлическом корпусе. Оран-

жевое пламя мгновенно раздвинуло темноту, осветило одежду, разложенную на асфальте, столбы, подпирающие навес, и бледное изможденное лицо Рики.

Некоторое время бродяги внимательно смотрели на ребрышки. Слабое пламя не позволяло увидеть, как у обоих бродяг в ужасе расширились зрачки. Рики держал навесу высохшую, с проступившими черными сухожилиями и обтянутую коричневой глянцевою кожей человеческую руку. Они одновременно издали дикий вопль. Отшвырнув от себя «деликатес», Рики кинулся прочь, а Фабио, неумело и суетно крестясь, побежал в другую сторону.

ГЛАВА 8

— Пока у нас есть время, неплохо бы рассчитаться.

Борис Калевал, редактор местного телевидения, с недавних пор перестал верить клиентам на слово. После того, как его крупно обманули, журналист стал требовать деньги вперед. Сначала деньги, потом запись. Половину клиентов сразу как ветром сдуло. Оставшиеся рекламодатели стали торговаться, просили снизить расценки за минуту телевизионного времени. Леонтий был первым и пока что последним клиентом, который не торговался и деньги выложил по первому требованию. Глядя на то, как Леонтий отсчитывает бледно-зеленые купюры, Калевал пытался угадать, у какой персоны ему предстоит взять интервью.

Сначала он полагал, что это будет директор какого-нибудь нового магазина, скажем, обувного или парфюмерного. Когда же Леонтий, размышляя вслух по телефону, сказал, что интервью по продолжительности должно быть не менее пятнадцати

минут, опешивший Калевал подумал: «Кандидат в депутаты, никак не ниже». Но, придя в студию, Леонтий просто убил журналиста наповал. «Пятьдесят минут, — сказал он. — Я заплачу всю сумму до записи».

Пятьдесят минут вечернего, самого дорогого телевизионного времени не могли себе позволить ни политики-кандидаты, ни воры в законе, ни начинающие эстрадные звезды, ни банкиры. Калевал, пряча толстую пачку долларов в сейф, терзался догадками: кто же его гостья, с которой ему предстоит беседовать перед телекамерами пятьдесят минут?

«Тут пахнет большой политикой и бизнесом. И уж, конечно, криминалом». Он попытался осторожно уточнить у Леонтия, велик ли моральный груз ответственности, который лежит на плечах героя интервью?

— Груз колоссальный, — немногословно ответил Леонтий и попросил понапрасну не болтать, а терпеливо ждать.

Прошло еще минут десять. Гость не приходил. Журналист начал нервничать. Сумма, которую он получил от Леонтия, была настолько велика, что с лихвой покрывала не только эфирное время, но и вынужденный простой. Впрочем, рабочий день в студии давно закончился, и теперь Калевал расходовал личное время.

Они ждали молча. Напряжение все возрастало.

— Мне надо подготовить вопросы, — наконец не выдержал журналист. — Вы должны хоть в общих чертах рассказать мне о нашем герое.

— Не надо ничего готовить, — сухо отрезал Леонтий. — Я вам ручаюсь, что вы не будете испытывать никаких проблем с вопросами.

— Но я совершенно не представляю, с кем буду беседовать!

— Вы все поймете, как только увидите этого человека.

Калевал почувствовал, как его прошиб пот. «А ты думал, что мне заплатили большие деньги просто так? — спросил он сам себя. — Туману нагоняет...»

Прошло еще неизвестно сколько времени. Ожидание превратилось в настоящую пытку. Пот градом катился по лбу журналиста. Его пальцы дрожали, ему не хватало воздуха.

— Сейчас он придет, — прошептал Леонтий. — Я чувствую это...

Это «сейчас» продлилось еще минут десять. Калевал уже не мог отвести взгляд от входной двери, вздрагивая от малейшего шороха.

И вдруг дверь распахнулась. Леонтий немедленно вскочил со стула. Журналисту показалось, что сердце его разорвалось, подобно гранате. В студию стремительно вошла женщина. Она двигалась напористо и целеустремленно, полы ее черного плаща развевались, каблук стуча-

ли, словно молоточки по наковальне. Она держала голову высоко, глядя прямо в глаза Калевалу, и вместе с ней в студию ворвались нестерпимо яркий свет и свежий воздух, пахнувший дождем и прелыми листьями. Калевал едва устоял на ногах. Силы чуть было не покинули его, и он ухватился за спинку стула. Женщина улыбалась только губами, глаза оставались холодными. Она протянула левую руку, и Калевал, низко склонив голову, помимо своей воли прикоснулся к ней губами. Ему показалось, что рука у женщины необыкновенно теплая, почти горячая. И запах... странный запах.

Он поднял взгляд. Женщина разомкнула губы и негромко, но внятно произнесла свое имя.

Калевал подумал, что наверняка ослышался, что этого не может быть, ибо это несурезица, выдумка... Нет, нет, об этом даже не надо думать, потому как стыдно, смешно и вообще нехорошо... И все же ему стало не по себе. Настолько не по себе, что даже потемнело в глазах.

— Приступим, — сказал Леонтий. — Интервью должно выйти в эфир в день затмения. Ни раньше, ни позже.

ГЛАВА 9

Когда незваные гости ушли, Влад позвонил профессору.

— Артем Савельич! Простите меня за то, что я говорил с вами грубо.

— Ты им отказал? — после недолгой паузы спросил профессор.

— Они уже заплатили мне за работу.

— Сколько?

— Тысячу долларов авансом.

— Я заплачу тебе две тысячи только за то, чтобы ты не открывал рукопись.

— Но этим предложением вы только разжигаете мое любопытство.

Он не стал говорить профессору, что уже открывал рукопись и прочитал абзац на последней странице. Загадка с завещанием кондотьера Бартоломео Коллеоне. Никакой крамолы или лженаучных версий.

— К чему любопытство?! — воскликнул профессор, и Влад подумал, что никогда прежде не слышал от Сидорского столь гневного тона. — Это абсолютный вымысел от начала и до конца, не имеющий ничего общего с настоящей наукой! Жалкая попытка переосмыслить теорию параллелизма в истории римских правителей! Умышленная, коварная, подлая подмена истинных утверждений ложными! Ты, здоровый ученый, не можешь испытывать тягу к патологии!

Любопытство у Влада вызывала уже не столько рукопись, сколько реакция профессора на нее.

— Для чего, в таком случае, автор писал заведомую ложь? — спросил он.

— Каждая фальсификация, молодой человек, преследует некие ненаучные цели! — безапелляционно заявил профессор.

— Какие, например?

Профессор осекся. Похоже, что он сказал лишнее, и интерес к рукописи у Влада возрос еще больше.

— В общем, вот мое последнее слово, — жестко произнес Сидорский. — Я запрещаю тебе читать эту ересь. Ни под каким предлогом ты не должен открывать рукопись. Мало того, ты просто обязан сжечь ее! Ежели ты все-таки не послушаешь меня, то безнадежно упадешь в моих глазах как ученый, и я буду вынужден отказаться от тебя. Решай сам...

На этот раз первым закончил разговор профессор.

Влад еще некоторое время постоял в прихожей, держа у лица трубку, издающую нудные сигналы, затем прошел в комнату. Из открытой форточки веяло ночной прохладой, по подоконнику стучал дождь. Рукопись притягивала взгляд. Влад ходил вокруг стола, чувствуя, что не в силах бороться со своим желанием. Если бы профессор отреагировал иначе, если бы он просто сказал: «Ерунда! Можешь читать, а можешь, и нет. Лично мне не понравилась», то Влад, скорее всего, закинул бы рукопись на книжную полку и преспокойно лег бы спать. Но ультимативность профессора была необыкновенной. Казалось, он чего-то боится. Может быть, рукопись опровергает все научные выводы, которые сделал профессор? Может, она хоронит Сидорского как научного светила, в пух и прах разносит выстроенную им теорию происхождения и передачи власти?

Влад подошел к столу, раскрыл папку, посмотрел на титульный лист, перевернул страничку. Первый абзац: «Периоды правления римских императоров, несмотря на острый дефицит новых источников информации, мы рассмотрим при помощи метода количественного анализа, с целью разобраться в сути династического параллелизма...»

И что? Светопреставления не произошло. Стены не рухнули. Профессор не упал в глазах Влада... Он сел за стол, склонил коленчатый держатель настольной лампы.

Первая половина книги Влада разочаровала. Муссировалась ставшая в последнее время модной тема небожественного происхождения человека, известного под именем Иисус Христос. Автор рукописи предлагал христианам всей планеты отказаться от заскорузлых догм о земной жизни Христа, взятых из четырех Евангелий, как от абсолютной и бесспорной истины, ибо в реальности Сын Бога мог выглядеть совсем по-другому, говорить иные слова и даже проповедовать в другой стране. Тысячелетия истории человечества, по мнению автора, обязательно исказят образ любой харизматичной личности до неузнаваемости, вплоть до полной его противоположности. Всякий авторитетный образ, обладающий властью и магической силой воздействия на людей, будет обязательно переписываться всевозможными летописцами, переводчиками, богомазами и прочими «журналистами», в угоду церкви и царям.

Следовательно, подводит к выводу автор, мы не знаем и не можем знать, как на самом деле выглядел Иисус Христос, действительно ли был рожден Марией без участия Иосифа, действительно ли лечил незрячих, оживлял умерших. «Но я ни в коем случае не ставлю под сомнение само существование человека, называвшего себя Иисусом Христом, — говорилось в рукописи, — поскольку

в Палестине того времени подобного рода бродячие проповедники, пророки и мессии были обыденным явлением».

Вторая часть рукописи, как показалось Владу, была написана то ли другим человеком, то ли в спешке. Она представляла собой обрывочные сведения о некоторых правителях Древнего Рима, которые, словно эстафету, несли из поколения в поколение некую Тайну Власти, первоисточником которой на итальянской земле был Понтий Пилат.

«Вот это да! — подумал Влад, от волнения потирая затылок. — На это же призрачно намекал Сидорский в своей книге «Формула Власти»! И к этому же выводу пришел автор этой рукописи».

«О Тайне Власти упоминается также в нехристианских источниках II века, — читал он дальше. — Там же мы находим подтверждение того, что Понтий Пилат был посвящен в нее самим Иисусом Христом. Проповедник, объявивший себя Сыном Божиим, был не только гениальным психологом, но и носителем некоей Тайны, при помощи которой воздействовал на людей на уровне подсознания и покорял их волю в абсолютной степени. В поиски Тайны были вовлечены многие великие люди, жаждущие власти, на протяжении столетий они искали ее содержание, дающее исключительное право объявить себя Посланцем Бога на Земле...»

«Нет, это не моя тема, — решил Влад, отрываясь от чтения. Вдруг очень захотелось кофе. Он вышел на кухню, распахнул окно настежь. — Я ничего об этом не знаю. Это тема профессора. Теперь мне понятно, почему «наследники Христа» сначала пришли к нему, а уж потом — ко мне. Они решили, что, коль я ученик Сидорского, то хорошо разбираюсь в этом вопросе и смогу написать грамотный отзыв».

Профессор лукавил, называя эту рукопись антинаучным бредом. Судя по едва заметным следам карандаша на полях, он ее прочитал от начала и до конца, причем прочитал весьма внимательно. Профессорские условные знаки Влад знал очень хорошо, ими были испещрены все его работы, которые рецензировал Сидорский. «Почему же он не хотел, чтобы я читал эту работу? Может быть, профессору было стыдно, что его выводы, о которых он лишь намекнул в «Формуле власти», четко и лаконично изложены в рукописи никому не известного историка? И свое поражение профессор попытался скрыть от меня?»

Влад еще раз прошелся по тексту, отыскивая едва различимые пометки профессора. С чем согласился Сидорский, а что отмел напрочь?

Стоп, а это еще что такое? Влад взял лист, поднес его к настольной лампе и глянул через него на свет. Да, это что-то новое. Напротив стро-

чек «...Тайны, при помощи которой воздействовал на людей на уровне подсознания и покорял их волю в абсолютной степени» была сделана какая-то нестандартная пометка. Профессор старательно затер ее ластиком, но на плотной лощеной бумаге для принтера сохранилась вмятина... Что-то похожее Влад уже где-то видел... Кружочек с хвостиком... Или это буква «ю»?

Он перевернул страницу, посмотрел на нее с обратной стороны. Похоже на «ю», написанную торопливо и размашисто, что красноречиво говорило об эмоциях и переживаниях профессора. Но что может означать одна буква? Должно быть, профессор намеревался написать чье-то имя, начинающееся на «Ю». Но какое тут может быть имя, если речь идет об одном-единственном человеке — Иисусе Христе?

ГЛАВА 10

Угадал! Зацепился!

Профессор Сидорский, несмотря на поздний час, не спал. Он в волнении ходил по огромной «академической» комнате, где запросто можно было бы разместить три рояля да еще оркестр Луи Армстронга. Мял сухие тонкие ладони, щелкал шишковатыми пальцами, качал головой. «Старый дурак! Если я хотел сохранить это в тайне, то нельзя было упоминать ни намеком, ни полунамеком, ни четвертинкой намека. На что понадеялся? Кто меня за язык тянул?»

Он взял всю вину на себя, посыпал голову пеплом и каялся, каялся. Время пришло. Монстр проснулся, зашевелился, возжелал вырваться наружу, подобно вулкану, много веков проспавшему и не нарушившему покоя. А коль время пришло, то достаточно искры, достаточно отмашки, доста-

точно одного слова, чтобы песчинка за песчинкой, камешек за камешком, булыжник за булыжником, и запустится механизм, ворочающий горы.

«У него светлая голова, у Влада Уварова, — думал профессор, вынимая из книжного шкафа телефонный справочник. — Он умнее, чем я думал. Он докопается до истины, даже не представляя, какого джина может выпустить из бутылки. Никто из живущих на земле не вправе обладать этой Тайной, ибо слишком велика сила, слишком велик риск допустить ошибку и вызвать катастрофу...»

Он вспомнил, какой ужас испытал, когда на пороге его квартиры появились «наследники Христа». Как ученый, профессор знал, что все величайшие открытия человечеству ниспосланы Богом, каждое открытие происходит строго на определенном этапе развития *homo sapiens*, его восхождения по лестнице совершенства. И к своему открытию он пришел не один. Гости подтвердили это. В рукописи, которую они принесли, тоже был намек, но более агрессивный, оформленный, требующий немедленного развития и прояснения деталей.

Сидорский читал рукопись, и руки его дрожали. Какое мужество понадобилось, чтобы вести себя с гостями естественно и ничем не выдать своего беспокойства. Он, в конце концов, выдворил гостей из квартиры, но они не успокоились и пошли к Владу. Это сильный и точный ход! Кто еще им нужен, как не лучший ученик профессора Сидорского! Лучший, но Влад не посвящен. Он не знает, насколько это опасно. Атомная бомба в сравнении с этим — детская забава. Надо успокоиться, взять себя в руки, надо сосредоточиться и убедить Влада в том, что тот ошибается. Профессор должен найти неоспоримые доводы. Не просто сильные, но могущественные аргументы!

Он вынул из шкафа теплую и немного колючую кофту, стал надевать ее. Во-первых, изъять у Влада рукопись, эту отраву. Убедить его по телефону не удалось. Не дай Бог, Влад прочитает рукопись. Наивно полагать, что молодой и горячий ученый послушает невнятные просьбы старого учителя. Сидорский не привел ни одного веского аргумента против рукописи. Его мольбы напоминали старческое брюзжание и немотивированное упрямство. Изъять рукопись надо просто силой. Не станет же Влад драться со стариком? А Сидорский изрубит топором все листочки, сожжет, и пепел развеет с вершины Чатыр-Дага, чтобы никому не досталось ни одной крошечки, ни одной буковки. Но этого мало. Надо срочно лететь в Италию. Срочно! Сию же минуту! Если, конечно, еще не поздно.

Он так и не смог справиться с охватившим его волнением, и потому движения его были хаотичны. Подошел к книжной полке, достал справочник по Италии. Тотчас кинул его и продолжил застегивать большие зеленые пуговицы на кофте. И снова взялся за справочник. «Что мне известно доподлинно? Что одна из двух ветвей эстафеты состояла из римских императоров и военачальников. Если не принимать во внимание малолетнего Августа, то все остальные собирали Тайну по фрагментам, отнимая, выкупая или выкрадывая их...». Пол жизни профессор соединял воедино звенья огромной исторической цепочки. Он вычислил почти всех, кто был посвящен в Тайну. Но цепочка оборвалась. Когда-то, где-то, на ком-то. Последние два обладателя Тайны унесли ее с собой в могилу. И все же имя одного из них профессор почти готов был назвать. Это... это... Тайна была столь страшна, что Сидорский невольно оглянулся, дабы убедиться, что в комнате нет никого, кто бы мог подслушать его мысли... Так на ком сделать выбор? Венеция или Рим? Рим или Венеция?

Он бегло полистал справочник, нашел главу, посвященную катакомбам. «Рим стоит на множестве катакомб, многие из них со временем обрушились. Лучше иных сохранились катакомбы св. Каллиста. Именно там находится знаменитая Папская пещера, в которой покоятся останки пап и мощи святых. Этот уникальный исторический памятник, названный в честь Папы Каллиста, был построен в 217 г...» Нет, нет, там пусто. Все произошло намного позже, когда катакомбы Каллисто были уже заполнены.

«Я могу опоздать, если уже не опоздал. Венеция, вот это место. Конечно, Венеция. Последнее пристанище... Но сначала надо отыскать домашний адрес Влада. Где-то я его записывал. И никаких телефонных звонков! Свалюсь ему, как снег на голову. Отниму у него рукопись и сожгу ее!»

Отыскивая записную книжку, профессор задел антикварный столик, на котором стоял телефон. Очень кстати он попался ему под руку! Сидорский стал набирать номер справочной аэропорта.

— Девушка, доброй ночи! Мне нужно срочно в Венецию... В Венецию! Вы тоже плохо слышите? Нет, это не в Луганской области, это город в Италии... Об этом не беспокойтесь, у меня полугодовая виза... По вторникам и четвергам? То есть, завтра утром? А раньше?.. Раньше — это значит прямо сейчас... Чартерный, с пересадками — что угодно... Жаль... Ну, ладно... Запишите мою фамилию...

Профессор положил трубку и вышел в прихожую. Он уже сунул руку в рукав плаща, как вспомнил, что все еще не нашел записную книжку с адресом Влада. Пришлось возвращаться. И не лишним будет взять с собой деньги. Грязные деньги! Ибо то, что хотела от профессора та женщина с длинной косой, — грязное желание. Грязнее не бывает. Почему же Сидорский понял это только сейчас?.

ГЛАВА 11

Влад прочитал рукопись, и ему захотелось выйти на балкон, вдохнуть влажного ночного воздуха. «Что я должен написать? Они пришли ко мне не ради рецензии. Они хотят, чтобы я помог им найти концы той ниточки, по которой веками струилась некая Тайна Власти».

Он едва сдержался, чтобы не позвонить Сидорскому. Уже поздно, профессор наверняка спит. Но завтра утром обязательно надо поговорить с ним. Если профессор уверен, что рукопись — антинаучный бред, то пусть убедит в этом и Влада, разложит все по полочкам, с аргументами, выкладками и доказательствами. Пусть прокомментирует свои пометки на полях, и что означает буква «ю»... Пусть все объяснит...

И тут по квартире разнеслась трель звонка. Влад вздрогнул и невольно кинул взгляд на часы. В такое время к нему никто и никогда не приходил. Неужели, это снова мать Анисья и Леонтий? Но ведь он обо всем с ними договорился. Определил срок — два дня...

Влад приблизился к двери, посмотрел в глазок. На лестничной площадке, поправляя на голове промокшую фуражку, стоял милиционер. Рядом с ним — молодой мужчина в демисезонной куртке. Оба смотрели себе под ноги, словно провинившиеся школьники.

Когда дверь открылась, милиционер взглянул на мятую бумажку, которую держал в руке, как на шаргалку.

— Влад Уваров здесь живет?

— Да, здесь. Это я.

— Вы один? — спросил мужчина в куртке. — Мы можем зайти?

Влад пожал плечами и отступил в сторону. Милиционер символически вытер ноги о половичок и зашел в прихожую первым. Мужчина в штатском за ним. Они без спроса осмотрели комнаты, заглянули на кухню и в ванную.

— Следователь прокуратуры Герасимов, — представился мужчина в штатском. — Насколько я понял, вы кого-то ждете?

— Нет, — ответил Влад, не до конца уверенный в том, что сказал правду. Разговор был очень неприятным. На Влада обрушилось унижительное чувство, что его вынуждают оправдываться. — Кого я могу ждать глубокой ночью?

— А почему... — следователь не договорил, посмотрел на люстру и сделал движение рукой, словно очертил круг. Его интересовало, почему, в таком случае, во всей квартире горит свет.

— Я часто работаю по ночам...

— А кем вы работаете?

— Учителем истории в тридцать шестой школе.

И следователь, и милиционер тянули время, переглядывались, переступали с ноги на ногу, терли носы.

— Значит, вы никого не ждете? — еще раз уточнил следователь. — К вам никто не должен прийти?

Влад не стал повторять, лишь отрицательно покачал головой.

— Вы не могли бы пройти с нами? — вежливо и даже заискивающе предложил следователь.

По спине у Влада побежали мурашки. Ночь. Люди из прокуратуры. Дождь за окном...

— Пройти? — переспросил он. — А куда?

— Здесь недалеко, — обнадеживающе улыбнулся милиционер. — Только зонтик прихватите, там льет как из ведра!

Влад кивнул и стал одеваться. Натягивая свитер, он заметил, что у него дрожат пальцы.

Выйдя на улицу, они пересекли сквер и оказались на бульваре. И тут Влад увидел впереди, у троллейбусной остановки, милицейский «УАЗ» с включенными проблесковыми маячками. Машина стояла на поперек дороги, перегораживая проезжую часть. Рядом, наехав боковыми колесами на тротуар, припарковалась «Скорая помощь». Несколько темных фигур в полной неподвижности замерли у фонарного столба.

Они подошли к группе мужчин. Круг разомкнулся, подобно черному занавесу в сюрреалистическом театре. Милиционер и следователь остановились и сделали шаг назад, пропуская Влада вперед.

С затаенным дыханием, чувствуя, как стремительно слабеют ноги, он медленно вошел в круг и остановился.

Наверное, он бы крикнул, если бы горло не свело судорогой от безграничного ужаса.

ГЛАВА 12

На боку, поджав ноги к животу, лежал профессор. Труп иного человека мог бы вызвать у Влада сомнение, мало ли что в плотных сумерках покажется. Но Сидорского нельзя было спутать ни с кем. Профессор был мертв. Вокруг шеи расплзлось темное пятно; кровяной ручей, разбавленный дождем, стекал по бордюру.

Зрелище было мучительным. Старый инвалид, который восхищал Влада силой воли и могуществом мысли, лежал сейчас на мокром асфальте, и его скомканное тело, как бы завернутое в натуральное кашемировое пальто, выражало покорность и бесконечно глубокое несчастье. Человек, который как никто другой знал механизм власти до мельчайших деталей, оказался жертвой чьей-то недоброй воли.

Влад приложил ладонь к своему лбу и, не смея отвести глаза от профессора, медленно качал головой. Мужчины, обступившие его, не без интереса наблюдали за ним.

— Вам знаком этот человек? — спросил следователь.

— Да... Это профессор Сидорский Артем Савельевич.

- Вы в этом уверены?
- Уверен.
- Вы знаете, где он живет?
- Знаю... Рядом...

Влад поднял голову, посмотрел на темные дома, мерцающие желтыми огнями перекрестки, залитые лужами. Да, профессор живет рядом. Вот там, за круглым дорожным знаком, темнеет вход в арку. Если зайти в нее, как раз окажешься напротив академического дома.

Кто-то из группы мужчин сфотографировал Влада. Вспышка ослепила его, и некоторое время перед глазами стояло зеленое пятно.

— Я хочу еще раз задать вам вопрос, который уже задавал, — произнес следователь. — Вы ждали профессора? Вы должны были сегодня встретиться с ним?

Должен был? Влад хотел с ним встретиться, это правда. Но разве встреча была оговорена? Как понять вопрос следователя? Влад не ждал профессора, Влад собирался лечь спать!

— Я никого не ждал, — ответил Влад. — Я уже говорил.

Следователь достал какой-то клочок бумаги, бережно развернул его и показал Владу.

— Мы нашли это в кармане убитого... Вам знаком почерк?

Влад посмотрел на бумажку. В глазах двоилось, но почерк он сразу узнал. Сколько прочел рецензий, исполненных этими мелкими неряшливыми буквами!

— Это его почерк, — сказал он.

— Скорее всего, профессор шел к вам, — сделал вывод следователь, пряча бумажку в карман плаща. — Но вы даже не догадывались об этом?

Влад отрицательно покачал головой. Профессор шел к нему. Ночью! В дождь! Зачем? Не для того ли, чтобы убедить не читать рукопись?

Следователь задал тот же вопрос: что профессору было нужно от Влада?

«Если я скажу ему про рукопись, ее немедленно подошьют к уголовному делу! И у нее появится еще как минимум два десятка читателей. А профессор просил, умолял меня не читать ее и немедленно сжечь. Это его воля. Я не имею права...»

— Понятия не имею, что ему было надо, — произнес Влад.

— Понятия не имеете, — повторил следователь и посмотрел себе под ноги. — Плохо, что не имеете. А думаете как? Ведь должно же у вас быть какое-нибудь предположение?

— Ну... разве что... самое нелепое...

«Только бы не проговориться! Только бы не выболтать про рукопись!»

— Давайте нелепое!

— Например, потрепаться об истории.

— В два часа ночи?

— Профессор знал, что я на больничном, что мне завтра не идти в школу. Видимо, он решил, что я отосплюсь днем.

«Этот ответ устроил бы только идиота... Он мне не верит».

— Потрепаться об истории... — повторил следователь, будто прокрутил магнитофонную запись. — Скажите, а вы разговаривали с ним по телефону?

— Когда разговаривал? — машинально переспросил Влад, чувствуя, что его голос начинает слабеть.

— Ну, скажем, сегодня днем. Или вечером.

— Да, мы перезванивались вечером, — признался Влад.

— И о чем вы говорили?

— Об императорах Нероне, Марке Аврелии...

— И все? — спросил следователь, и голос его показался Владу веселым.

— Разве этого не достаточно? Только об одном Марке Аврелии мы могли говорить с профессором часами.

Следователь замолчал. То ли вопросы его иссякли, то ли он раздумывал над тем, что же такого представляли собой императоры, чтобы о них говорить часами. Пауза затянулась. Молчание следователя Влад расценил, как перешедшую к нему очередь задавать вопросы.

— Его убили? — спросил он, глядя, как санитары затаскивают носилки в машину.

— Убили, — нехотя и односложно ответил следователь, ослабил узел галстука, покрутил шеей, освобождая ее от гнета воротника, и добавил: — Но сначала он пытался кого-то убить.

Милиционер поехал сопровождать машину «Скорой помощи» в морг. Двое мужчин, по видимости, оперуполномоченные, включили фонарики и стали прочесывать сквер, освещая мокрую чахлую траву и кусты. Следователь, склонившись у горячего капота автомобиля, рассматривал в свете фар связку ключей. Влад сразу узнал брелок в виде креста со скошенными и заточенными концами. Ключи принадлежали профессору.

— Что это? — спросил следователь, поднося брелок к глазам Влада.

— Крест крампоне... Название происходит от слова «сгагрон», что переводится как «альпинистские кошки».

— Профессор был альпинистом? — хмыкнул следователь.

— Нет, он не был альпинистом, — сдержанно заметил Влад, холодным тоном показывая, что считает шутку следователя неуместной. — Брелок ему подарили в итальянском отеле «Сильвер Крампон» в Л'Акуиле, где он проводил семинар. Что вы на меня так смотрите? Это сувенир, безделушка, она никак не характеризует профессора!

Следователь держал ключи двумя пальцами, крест покачивался у самых глаз Влада.

— Вы уверены, что это всего лишь безделушка?

— Совершенно!

— Тогда, может быть, вы объясните, почему профессор пытался избавиться от креста?

— Что значит, избавиться?

— Сначала он пытался отцепить его от связки ключей, но спиральное кольцо оказалось пережатым цепочкой, и снять с него что-либо без помощи пассатижей невозможно. Тогда профессор просто закинул всю связку в кусты.

— Не понимаю, — произнес Влад. — Зачем он это сделал?

— Вот и я хотел бы это понять... Вот что, молодой человек. Ведите-ка вы нас в квартиру профессора.

— Я могу отказаться?

— Это не в ваших интересах. И вообще... Если не ошибаюсь, он был вашим учителем?

— Допустим.

— Неужели вы не хотите помочь следствию найти и наказать убийцу? «Прежде всего, я хочу, чтобы ты ничего не узнал о рукописи», — подумал Влад. Он колебался недолго. Все же стоило проводить сыскарей в квартиру Сидорского. Это не только поможет следствию. Это поможет Владу понять, с какой целью профессор ночью, без предупреждения, пошел к нему.

— Он живет... жил один? — спросил следователь, когда вся группа поднялась на третий этаж и остановилась перед темной дверью.

Влад кивнул, но следователь почему-то надавил на кнопку звонка, выждал некоторое время, и лишь потом вставил ключ в замочную скважину. Кто-то из штатских стал обзванивать соседние квартиры. Нужны были понятия.

— А что делал Сидорский в ... как вы сказали... в Курмайоре?

Следователь уже отпер замок, надавил на ручку, но не стал открывать дверь и вопросительно взглянул на Уварова.

— Читал лекции.

— Курмайор, если не ошибаюсь, это горнолыжный курорт?

— Да. Но в межсезонье там проводятся студенческие семинары.

Дверь медленно отворилась. В квартире горел свет.

ГЛАВА 14

Оттолкнув застрявшего на пороге Влада, следователь Герасимов вбежал в прихожую. Остановившись, посмотрел по сторонам и ринулся в гостиную. Полы его плаща шелестели, на полу отпечатались мокрые следы. Его помощники тоже поспешили осмотреть квартиру, хотя и не проявили столь завидное рвение.

Наконец вся оперативная группа собралась в холле. Мужчины отрицательно pokrутили головами. В квартире не было никого.

— Должно быть, профессор забыл погасить свет, — предположил следователь.

— Он боится темноты, — подсказал Влад, к месту вспомнив, что Сидорский всегда носил в кармане пиджака маленький сигарообразный фонарик, и включал его всякий раз, когда заходил с улицы в подъезд — независимо, днем это было или вечером.

Сыщики снова разбрелись по квартире, но на этот раз они осматривали все предметы более обстоятельно. Влад стоял в прихожей, глядя на покореженный кусок жести с отчеканенными на ней словами: "Величие Рима — это не мрамор сената, это песок Колизея". Невозможно было поверить в то, что профессор убит. Нелепица! Бред!

Следователь выглянул из гостиной, пощелкал пальцами и жестом пригласил Влада зайти.

— Вы часто бывали здесь? — спросил он.

— Не так, чтобы часто...

— Посмотрите, все ли здесь так, как прежде? Не бросается ли вам в глаза что-нибудь особенное?

За спиной Влада кто-то громко зевнул. Он обернулся. В дверях стояли две женщины в одинаковых махровых халатах. Лица обеих были подпухшими, бледными, лоснящимися от ночного крема. Понятые.

Влад зашел в гостиную. Комната казалась необыкновенно просторной из-за того, что через большой овальный проем в стене была видна профессорская спальня. Над круглым столом, который, как и положено, занимал центральную часть комнаты, низко нависал абажур лампы. На столе в беспорядке лежали бумаги, записные книжки и путеводитель по Италии. Влад обратил внимание, что записная книжка раскрыта на той странице, где среди неряшливых записей значился его домашний адрес и телефон.

— Ну? — поторопил его следователь.

— Во всяком случае, мебель на месте, — ответил Влад.

— Ничего необычного не замечаете?

— Адресная книжка открыта на моей фамилии.

— А что здесь необычного? — скривил губы следователь. — Помоему, как раз естественно... Посмотрите на буфет, на книжные полки. Все, как прежде?

Влад подошел к книжным стеллажам. Библиотека у профессора была огромной, и чтобы достать книгу с самой верхней полки, необходимо было воспользоваться трехметровой стремянкой. Некоторые книги из библиотеки профессора были хорошо знакомы Владу.

— Сумка! — донесся голос опера из спальни.

Следователь листал туристский справочник, лежащий на столе.

— Ну, сумка! — с легким раздражением отозвался он. — Дальше что? В ней пуд героина? Или расчлененный труп?

— Комплект белья, Игорь Васильевич, рубашки, спортивный костюм, домашние тапочки... Еще бритвенный прибор... Похоже, Сидорский собирался в дорогу.

— Куда он собирался? — вопросительно взглянул на Влада следователь.

— Не знаю, — пожал плечами Влад. — Насколько мне известно, в ближайшие месяцы профессор никуда не собирался. Недели не прошло, как он вернулся из Италии.

Следователь никак не отреагировал на слова Влада. Он снова заинтересовался справочником.

— Он всегда загибал страницы?

Влад подошел к следователю и через его плечо глянул на страницу справочника. Следователь вслух зачитал:

— «Рим стоит на множестве катакомб, многие из них со временем обрушились. Лучше иных сохранились катакомбы св. Каллиста...»

У меня складывается впечатление, дорогой мой Уваров, что профессор собирался в Рим. И вы об этом прекрасно знали.

— Поверьте мне, что ваше впечатление обманчиво, — ответил Влад.

— И еще вы прекрасно знали, — не обращая внимания на замечание Влада, добавил следователь, — что профессор должен был навестить вас сегодня ночью. Не мог старик отправиться глубокой ночью туда, где его никто не ждет. Понимаете? Не мог!

— Вы меня в чем-то подозреваете?

— Я вам скажу об этом, когда сочту нужным.

Влад снова повернулся к книжным стеллажам. Профессор ничего не говорил ему о том, что намерен срочно уехать. Мало того, вернувшись из Курмайора, он жаловался, что очень устал и ни в какую поездку его

теперь силой не отправишь. А тут вдруг стал собираться, как по тревоге.

«Рукопись! — подумал Влад. — То, что случилось с ним и со мной, — не заурядный случай, это чрезвычайное происшествие. И все вертится вокруг Тайны Власти, той самой Тайны, которую якобы передал Понтию Пилату Иисус Христос... Сказка?»

— Да выключите же, наконец, приемник! — крикнул следователь. — Все уши уже прожужжали этим затмением солнца!

«Я ведь знаю, кто его убил! — продолжал размышлять Влад. — Но молчу. А следователь видит меня насквозь, он все понимает...»

— Что они там тянут! — пробормотал следователь, взглянув на часы. Он нервничал. Он чего-то ждал.

Влад рассматривал ряды книг. «Профессор в пожарном порядке собирался в Рим. Его интересовали катакомбы Каллиста...»

— Катакомбы — это подземные кладбища? — спросил вдруг следователь, листая туристический справочник.

— Не только, — ответил Влад, не оборачиваясь. — Вдоль древней Аппиевой дороги, например, тянутся подземные тувовые галереи, которые еще иногда называют коеметериями. В них прятались и проводили тайные богослужения первые христиане. А что касается катакомб Каллиста, это был официальный некрополь римских епископов.

— Что-то вроде подземного кладбища? Пещера с покойниками?

— Не совсем пещера, — возразил Влад. — Первые катакомбы выглядели как узкие галереи с погребальными нишами в стенах. Их закрывали мраморными или терракотовыми плитам с надписями и рисунками. А позже появились сложные конструкции из нескольких этажей.

— Даже так? Из нескольких?

— Катакомбы Каллиста, например, имеют четыре этажа.

— И что профессор собирался там найти?

Вопрос был неожиданный, с подвохом. Простой следовательский трюк. Сначала расслабил Влада отвлеченными вопросами, а потом в этой же пачке подсунил молоток: колись, братец! «Если бы я знал ответ на этот вопрос!» — подумал Влад, и вдруг его взгляд упал на серый корешок тома Сенеки «Неистовый Геркулес».

Он тотчас вспомнил, что именно в этой книге как-то видел пометку, сделанную рукой профессора. На поле, рядом с текстом, стоял тот же символ, похожий на букву «ю». И запомнилось это Владу только потому, что значок был начертан в неожиданном месте, отчего показался Владу неуместным и случайным.

ГЛАВА 15

Телефонная трель пронзила тишину, царящую в квартире профессора. Следователь кинулся в прихожую, где на антикварном столике стоял аппарат, и поднял трубку.

— Ну?! — нетерпеливо крикнул он.

Слушал недолго, молча. Опустил трубку, вернулся в гостиную. Теперь он поглядывал на Влада исподлобья. Взгляд следователя был тяжелым и недружелюбным. Некоторое время Герасимов расхаживал по комнате, раздумывая, как бы короче и эффектней закончить эту партию. Влад с деланным вниманием смотрел на том Гайма «Вильгельм фон Гумбольдт», скрывая свой интерес к книге с пьесами Сенеки.

— Гражданин Уваров, — произнес, наконец, следователь. — Будьте так любезны, если это вас не слишком затруднит, повернитесь ко мне лицом. Вот, так, хорошо! Я вас спрашивал, с какой целью профессор мог прийти к вам ночью. И что вы мне ответили?

— Чтобы поговорить об истории.

— Чтобы потрепаться об истории! — повысив голос, поправил следователь. — Надо быть точным! И вы по-прежнему придерживаетесь этой версии?

— Да, — подтвердил Влад. — Я по-прежнему придерживаюсь этой версии.

— Отправляясь к вам поболтать об истории, — медленно, словно нехотя, сказал следователь, — профессор Сидорский прихватил с собой... пластиковую бутылку с бензином... зажигалку... и туристский

топорик... Поистине, необходимые вещи для полудночного разговора об истории! Без них никак! Ни в какую! Так, Влад Уваров?

Влад молчал. Томик Сенеки не выходил из его головы. «Я должен посмотреть, где, на какой странице, рядом с каким словом или фразой профессор поставил значок, похожий на букву «ю».

— И вот, — продолжал следователь, прохаживаясь по комнате и стреляя глазами в сторону Влада, — вооружившись этими предметами, профессор направился к вам. Шел он по прямой, через сквер, хотя там грязно, сыро и темно. Разумнее было бы пойти по улице Толстого, а затем свернуть на Цветочный бульвар — круг получился бы небольшой, зато шел бы по чистому и хорошо освещенному тротуару. Но старик направился сквозь заросли мокрых и колючих кустов, по раскисшим газонам...

— Профессор не любил окольных путей, — пояснил Влад. — Он в жизни, как и в науке, всегда шел кратчайшим путем.

— Красивые слова, — кивнул следователь. — Но только прямой путь здесь ни при чем. Профессор кого-то искал в сквере. И ради этой встречи он прихватил с собой топор и бензин.

— Вы думаете, что он собирался кого-то убить, а потом сжечь?

— Скорее всего.

— Если бы вы хорошо знали профессора, то, уверяю вас, подобные глупые мысли никогда не посетили бы вашу голову.

Следователь посуровел. Лицо его приобрело мстительное выражение.

— Я бы посоветовал вам следить за своей речью, молодой человек. Я получил заключение экспертов. В сквере профессор вел себя очень странно. Посреди газона он неожиданно остановился, словно увидел кого-то, после чего медленно пошел прямо к троллейбусной остановке.

— Где и был убит?

— Да, где был застрелен. Но прежде Сидорский с кем-то дрался.

— Тщедушный инвалид с большим позвоночником с кем-то дрался? — насмешливо спросил Влад.

— Под его ногтями была найдена запекшаяся кровь.

— Так, может быть, это его кровь? Когда в него выстрелили, он прижал руки к груди...

— Это не его кровь, — оборвал Влада следователь. — Группы и резус не совпадают.

— Значит, он защищался.

— Вы не шутите? Вы можете показать, как защититься от летящей в вас пули? Гражданин Уваров! Профессор напал первым! И человек, на которого он напал, вынужден был выстрелить. Вот из-за всего этого меня и интересует круг знакомств вашего профессора.

Влад снова кинул взгляд на Сенеку. Это надо делать сейчас. Сию же минуту. Это наиглавнейший вопрос. А топор, бензин — головоломка только для следователя. Влад сразу понял, для чего Сидорский готовил все эти предметы, — разумеется, для рукописи.

— Кажется, я знаю, что собирался сделать профессор, прежде чем пойти ко мне, — сказалон, поглядывая на Сенеку.

— Знаете?

— Но для этого мне надо заглянуть в одну книжечку... Позвольте передвинуть стремянку?

В глазах следователя загорелось любопытство. Он присел на край стола, скрестил на груди руки и насмешливо ответил:

— Окажите любезность, передвиньте.

Оперативные работники отвлеклись от обыска и тоже с интересом стали следить за Уваровым. Понятые, разинув рты, выглядывали из-за двери.

Влад переставил стремянку и поднялся по ней. Не колеблясь, он вытянул за корешок книгу с пьесами и тотчас раскрыл ее.

— Я так и думал, — пробормотал он, торопливо слянявя палец и листая страницы. — Так я и думал.

Следователь переглянулся с операми. Те пожали плечами.

— Что вы подумали, любезнейший? Осчастливьте нас своими светлыми мыслями!

Влад не спешил спуститься вниз. Пока он стоял на последней ступени стремянки, никто не мог увидеть, на какой именно странице замрет его взгляд.

— Деньги, — пробормотал Влад.
 — Какие деньги, пытливый вы наш?
 Влад скользил взглядом по строчкам...
 — Профессор хранил здесь крупные купюры...
 — И что же?
 И что же... Вот строки из «Медеи», на которые профессор обратил внимание:

*Я это девой делала; ужасней
 Теперь мой гнев, и большее злодейство
 Прилично мне, как матери детей.*

— Вы там не уснули? — напомнил о себе следователь.
 — Денег нет, — рассеянно произнес Влад. — Что и требовалось доказать...
 — Что? Что доказать, черт вас подери?!
 Вот она, пометка профессора! Тот же значок, напоминающий «ю»! Стоит как раз напротив строки:

Я это девой делала; ужасней

— Прежде чем идти ко мне, профессор...
 — Что, профессор? Вы говорить разучились?
 — ...профессор хотел зайти в авиакасса... — пробормотал Влад. — На вокзале она работает круглосуточно...

*«Я это девой делала...». И напротив буква «ю».
 «Я это девой...»*

У Влада вдруг потемнело в глазах. Боясь, что может упасть, он захлопнул том Сенеки, неточным движением воткнул его в книжный ряд и пробормотал, медленно спускаясь вниз:

— Что-то мне нехорошо...

Какая же это буква «ю»! Как же он сразу не догадался, что на самом деле означает этот символ!

— Что это на вас накатило? — с некоторым недоверием спросил следователь, позволяя Владу сесть в кресло. — Вы побледнели.

— Я болею, — ответил Влад. — У меня температура...

— Очень сожалею. Так что вы хотели нам сообщить?

— Сидорский взял деньги и пошел за билетом на вокзал. А это в двух шагах от меня. Должно быть, он собирался навестить меня перед отлетом.

— С топором и бутылкой бензина?

— Все объясняется очень просто. Он хотел вытащить меня в лесопарк, разжечь костер, подышать свежим воздухом... Мы часто ходили с ним в лес.

— Вытащить вас в лес? Ночью? Больного?

— Я ему не говорил, что болен. А что касается ночи, то профессор, как и я, — сова, и ночь для него — лучшее время для умственной работы. Это может подтвердить любой его студент.

Влад говорил убедительно. Подозрение в глазах следователя постепенно угасало, и он попытался добить его скептицизм окончательно.

— В сквере на него напал грабитель, — сказал он. — Вы же сами видели, что на профессоре было дорогое кашемировое пальто, и преступник вполне мог принять его за состоятельного господина.

— Лжете вы складно, — заметил Герасимов. — Кашемировое пальто. Прогулка по лесу. Костер... Может быть, я бы вам и поверил, но все дело в том, что Сидорский использовал топорик отнюдь не для подготовки хвороста. Он ударил им человека и ранил, о чем свидетельствуют следы крови на лезвии. И уже только после этого профессор был застрелен.

Влад воспринимал разговор со следователем, как некую утомительную повинность, досадный раздражитель, отвлекающий от волнительных размышлений. Он догадался, что означает значок, поставленный профессором на странице книги. Сидорский расшифровал скрытую двусмысленность, сохранившуюся в переводе стиха Сенеки. В словах Медеи он заключил Тайну, которой владел!

Я это девой делала; ужасней

Теперь мой гнев, и большее злодейство

Прилично мне, как матери детей.

«*Девой делала*». Оказывается, слово «девой» означает вовсе не возрастную категорию героини, а имя существительное в творительном падеже, которым героиня творила свое великое злодейство. Она убивала «девой», она властвовала с ее помощью! И эту субстанцию Сидорский поместил всем известным символом женского начала, только повернув его на 90 градусов: ♀. Потому Влад, увидев этот символ в рукописи, поначалу принял его за букву «ю»...

— Простите, вы что-то сказали? — спросил Влад, отвлекшись от размышлений.

Шлепком ладони следователь припечатал к журнальному столику, у которого сидел Влад, лист с отпечатанным текстом.

— Прочтите и распишитесь, — едва разжимая зубы, процедил он.

— Что это? — не понял Влад.

— Подписка о невыезде.

Влад нащупал в кармане шариковую ручку, с затуманенным сознанием придвинул лист к себе и попытался прочесть первую строку. «Что ж это мне так плохо... Голова кружится... Перед глазами туман...» Крупный озноб колотил его, текст подпски расплывался, и Влад не различал жестких слов, ограничивающих его свободу. Он вспоминал тот абзац в рукописи гостей, рядом с которым профессор поставил символ женского начала. О чем же там шла речь? «Проповедник, объявивший себя Сыном Божиим, был не только гениальным психологом, но и носителем некоей Тайны, при помощи которой воздействовал на людей на уровне подсознания и покорял их волю в абсолютной степени». Вот она, суть! Профессор считал, что человек, ходивший с учениками по земле Палестины, владел некой Тайной, каким-то образом связанной с незамысловатым знаком, где соединились окружность и крест. И эта Тайна, как утверждал автор рукописи, перешла от Иисуса Христа Пон-

тию Пилату, потом Сенеке, и через римских правителей, философов, святых — дальше, дальше, дальше...

Перед глазами снова потемнело, заволокло мутью контуры профессорской комнаты, и Влад задохнулся от ощущения громадной высоты, на которой оказался, и он падал, и душа его немела, и внизу, насколько хватало глаз, расстилалась выжженная солнцем каменистая пустыня, взбугрившаяся зелеными кочками оазисов и плодородных долин...

ГЛАВА 17

Он очнулся оттого, что следователь шлепал его мокрыми ладонями по щекам.

— Эй! Ты только не умирай! Слышишь, учитель!

Влад приоткрыл глаза и увидел склоненные над ним лица.

— Откройте окно! — распорядился следователь.

В комнату хлынул сырой холодный воздух. Влад сделал глубокий вздох, чувствуя, как его сознание проясняется. «Я должен немедленно лететь в Рим! Сидорскому не дали это сделать. Я узнаю то, что хотел узнать профессор».

Он поднялся на ноги. Его качало, в голове стоял гул.

— Вы, братец, совсем скверно выглядите, — заметил следователь. — До дома сами дойдете?

Нетвердо шагая по ночному кварталу, Влад, наконец, добрался домой, принял две таблетки аспирина и стал собирать сумку. «Хорошо, что они дали мне аванс, — подумал он, пересчитывая доллары. — Очень кстати. И я использую его по назначению. Докопаюсь до сути. Узнаю все...» Папку с рукописью, чтобы не помять, он положил на самое дно сумки. Сверху, прижимая обеими руками, положил свитер — сейчас ему трудно было поверить, что где-то может быть тепло. Подумал, и затолкал туда же шерстяной шарф.

Потом пролистал телефонную книжку. «Разница с Италией — один час. И все равно, там уже глубокая ночь. Адриано наверняка спит... Прости меня, Адриано!»

Прежде чем взяться за телефон, Влад подошел к черному запотевшему окну и долго всматривался в ночь.

Эта же непроглядная ночь черной шторой стояла за окнами номера «люкс» привокзальной гостиницы. Леонтий с оголенным торсом сидел

на краю дивана, чуть подавшись вперед, и молча покусывал губы. Дежурный хирург из городской больницы, приехавший сюда на оплаченном клиентом такси, уже закончил манипулировать над раной и теперь собирал в ладонь окровавленные тампоны, похожие на крупные красные ягоды.

— Через два дня можете снять пластырь, — сказал он. — И обязательно принимайте лекарство, которое я вам прописал.

Вся операция заняла не больше пятнадцати минут. Хирург стянул двумя швами края раны, которую, впрочем, можно было назвать глубокой царапиной, обработал антисептиком, приложил сухой стерильный тампон и закрепил его пластырем. Ерунда. Если бы не толстый наплечник, вшитый в кожаный плащ, могло быть намного хуже. Лезвие топора наверняка повредило бы плечевой сустав, и тогда не обошлось бы без серьезной операции в стационаре.

Врач пошел в ванную, и вскоре оттуда донесся звук льющейся воды. К Леонтию приблизилась мать Анисья. Все то время, пока в номере присутствовал врач, она просидела в соседнем номере.

— Ну, что? — спросил ее Леонтий, осторожно, чтобы не повредить повязку, надевая черную рубашку.

— Он звонил в консульство и оставил на автоответчике заявку на срочную визу в Италию.

— И все?

— И еще звонил в Рим, в квартиру Адриано Варриани.

— А это еще кто?

— Научный сотрудник Национальной галереи античного искусства.

— Хороший уровень.

— Он нам тоже не нужен. Лишний источник болтовни и сплетен. Но я хотела сказать о другом... — Мать Анисья улыбнулась и добавила: — Учитель обстоятельно взялся за дело. Он честно

отрабатывает деньги. Как, собственно, и телефонистка из местного узла связи. Ей надо хорошо заплатить, она нам еще понадобится.

Леонтий кивнул, поднял чемоданчик, который стоял за диваном, положил его себе на колени и открыл замки. Дно чемоданчика было плотно обложено пачками денег.

— Половину отдай доктору, — сказал Леонтий, протягивая пачку.

— Доктору? В таком случае, этого мало.

— А кому еще мы должны?

— Следователю Герасимову. Чтобы он позволил Уварову спокойно вылететь в Рим.

ГЛАВА 18

Самолет мчался с востока на запад, убегая от нового дня, и рассвет показался Владу особенно долгим и тяжелым. Его знобило, попросив стюардессу принести ему одеяло, он полностью погрузился в работу, не замечая насмешливых взглядов пассажиров. Составлял главные тезисы рукописи и переводил их на итальянский (Адриано русским не владел), стараясь при этом не упустить ни одной детали, ни одного географического названия или исторического имени. И вот тут-то выяснилось одно обстоятельство. В рукописи, оказывается, не хватало одной страницы. После страницы 44, где начинался рассказ о первом историческом памятнике, в котором упоминалась Тайна Власти, следовала 46, начинающаяся словами: «О Тайне Власти упоминается также в нехристианских источниках II века...». Вся информация о первом упоминании, надо полагать, находилась на странице 45. «Как же я не обратил на это внимание, когда читал рукопись первый раз?» — подумал Влад и по листочкам перебрал всю рукопись от начала и до конца. Сорок пятой страницы не оказалось. Влада стало разбирать любопытство. Это очень важно — первое упоминание о Тайне Власти! С чего начался весь сыр-бор? Первоисточник этой Тайны — Иисус Христос, либо она существовала до него?

Вопрос был принципиальным. Если автор рукописи убеждал в том, что Тайна снизошла на Землю вместе с Богочеловеком, то ее следы следовало искать исключительно в мифологии. Но если о Тайне упоминалось в каких-либо дохристианских источниках, тогда область поиска расширялась до бесконечности, охватывая не только историю всех религий

земли, но и всемирную историю от первобытного строя до сегодняшних дней.

Перетряхнув всю папку, Влад стал копаться в сумке, которая лежала у него под ногами, но страницы и там не оказалось. Собственно, Влад искал ее среди своих вещей лишь для очистки совести, так как был совершенно уверен, что выронить одну страничку из рукописи не мог ни при каких обстоятельствах. Зеленую папку с шелковыми тесемками он уложил в сумку очень бережно, отдавая полный отчет своим действиям. Значит, ее оттуда кто-то изъяс — либо умышленно, либо по неосторожности. В круг этих «кто-то» попадали лишь «наследники Христа» да Сидорский, который читал рукопись до Влада. Но разве стал бы профессор мелочиться и тайно вынимать одну страничку из рукописи, которую намеревался изрубить топором и сжечь всю целиком?

Выходит, 45 страницу вытащили сами «наследники Христа», авторы рукописи. Но зачем? Какая информация не предназначалась для пытливого ума Влада?

Он еще раз пробежал глазами последний абзац 44 страницы. Рассказ о первом в истории человечества упоминании Тайны Власти начинался с описания загадочного случая, произошедшего в бразильской усадьбе Поусо Альто в 1872 году. Этой датой страница заканчивалась.

Досадно! Влад очертил абзац карандашом и поставил несколько вопросительных знаков. Сидевшая рядом с ним дама громко хмыкнула, поправила шляпку и покачала головой, изо всех стараясь привлечь внимание Влада.

Он взглянул на нее. Взгляд женщины был обращен на страницу рукописи.

— Вы, как все скептики, считаете, что это всего лишь газетная «утка»? — спросила она как бы невзначай, показывая, что вовсе не желает навязаться в собеседницы.

— Что вы имеете в виду? — спросил Влад.

— Бразильский камень, конечно. Вы же по поводу него поставили вопросительные знаки?

— Ничего не слышал об этом камне, — признался Влад.

— Да что вы! — всплеснула дама, очень довольная тем, что может блеснуть интеллектом перед симпатичным молодым человеком. — О нем столько писали в свое время! Ну, может быть, вы слишком молоды, и не застали эту шумиху.

— А с чего вы взяли, что здесь речь идет о Бразильском камне?

— А о чем же еще? Бразильская усадьба Поусо Альто — с нее все началось.

— Очень досадно, что здесь не хватает одной страницы. Наверное, там как раз шла речь о камне.

— Не беда! — махнула полной рукой дама, усаживаясь удобнее. — Я вам сейчас обо всем расскажу. Как-то работники некоего плантатора да Косты приволокли в усадьбу каменную плиту, разбитую, по недоумию, на четыре куска. Когда да Коста приказал собрать все части воедино, выяснилось, что плита покрыта неизвестными иероглифами. Эксперты определили возраст камня — надпись была сделана в VI веке до нашей эры. Да Коста старательно срисовал надпись и отправил письмом председателю историко-географического общества Бразилии сеньору де Сапуахи. Тот не смог расшифровать надпись, переправил письмо специалисту по древним надписям Ладислау Нетто. Специалист тоже сдался. Загадочные иероглифы попали в Европу... Но перед загадочным текстом сдался и французский специалист по древним религиям Эрнест Ренан.

— Автор «Истории происхождения христианства»? — вспомнил Влад.

— Совершенно верно. Правда, вскоре выяснилось, что надпись на Бразильском камне была сделана на древне-финикийском языке. Единственный, кто нашел в себе смелость заявить о расшифровке надписи, был американский филолог Сайрус Гордон.

— И что же было написано на камне?

— Общий смысл надписи сводился к высадке финикийцев на берег Южной Америки. Надеюсь, вы знаете, где раньше находилась Финикия?

— Конечно. На том месте, где сейчас Ливан. Предлагаете задуматься над тем, кто на самом деле открыл Америку?

— И не только об этом. На Бразильском камне была высечена финикийская криптограмма с применением тайнописи, и смысл ее в том, что

один из финикийских путешественников, сошедших на бразильский берег, объявил себя Богом. Существует предположение, что этот человек до самой смерти обладал колоссальной властью, которая даже не снилась ни Фараону, ни Наполеону, ни Гитлеру. — Дама откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. — Представьте себе голубоглазого блондина двухметрового роста, — прошептала она, — который в среде низких и смуглых индейцев напоминал взошедшее на небо солнце...

— А с чего вы взяли, что это был голубоглазый блондин?

— Как с чего? Все финикийцы были такими! — с некоторой долей возмущения ответила дама.

— А что, вы лично встречались с кем-нибудь из них? — усмехнулся Влад.

ГЛАВА 19

Следователю Герасимову удалось поспать всего лишь часа два, причем, спал он в своем кабинете, на приставленных друг к другу креслах. Тяжелый сон не взбудрил и не придал сил. Герасимов долго приводил себя в чувство в умывальнике, пустив струю холодной воды на голову. Вытираясь полотенцем, он брел по сумрачному коридору и покачивался, будто накануне выпил изрядную дозу спиртного.

Вернувшись в кабинет, распахнул настесь окна, положил в чашку две ложки растворимого кофе и залил кипятком. Прихлебывая едкое, вяжущее пойло, он жадно и глубоко закурил, со сладким волнением думая о том, сколько дорогих и полезных вещей он теперь сможет купить.

Через четверть часа Герасимов почувствовал, что окончательно избавился от сна и тут же набрал телефонный номер:

— Доброе утро, Никифор Палыч! Я тебя разбудил? У меня для тебя срочное и важное сообщение...

Герасимова совсем не беспокоил тот факт, что он звонит заместителю руководителя Национального центрального бюро Интерпола Никифору Коломийцу домой и при этом говорит с ним открытым текстом. Даже если домашний телефон Коломийца прослушивался, разговор двух милицейских чиновников вполне выглядел, как обмен оперативной информацией.

Слова «для тебя» и «важное» стали своеобразным паролем в общении старых приятелей. Никто, кроме Коломийца, не знал, что они означают личную материальную выгоду.

— Час назад рейсом 1688 в Рим вылетел Уваров Владимир Николаевич, тысяча девятьсот семьдесят третьего года рождения... Записал? Пожалуйста, позвони своим коллегам в Рим и попроси, чтобы его не трогали ни при каких обстоятельствах, что бы вокруг него ни происходило... Нет, я не думаю, что его деятельность в Риме будет носить криминальный характер. Скорее всего, он будет копаться в архивах и библиотеках, да и виза у него всего на трое суток... Договорились? Премного благодарен!

Слова «премного благодарен», в переводе с эзопова языка, означали: «За это я тебе прилично заплачу». На том разговор и закончился.

Самолет приземлился в одном из главных аэропортов Рима Чампино. Адриано встречал Влада в конце эскалатора в зале прибытия. Толстоватый, неуклюжий, вечно растерянный сотрудник Национальной галереи античного искусства выглядел так, словно прибежал в больницу к умирающей тетушке. Несмотря на то, что в зале было прохладно от кондиционеров, Адриано вытирал платком взопревший лоб. Черты лица его были крупными, особенно нос, глаза близко посажены, полные губы почти всегда находились в движении, словно Адриано безостановочно разговаривал сам с собой. Темные глаза выражали неподдельную тревогу.

— А где дети? — страшным голосом спросил он, смешно дергая нижней губой. — Почему ты без детей?

Он думал, что Влад прилетел в Рим вместе со школьниками, но где-то по пути растерял их. Влад взял Адриано за локоть и отвел в сторону от эскалатора.

— Адриано, профессора Сидорского убили.

— Кажется, ты употребил не тот глагол. Ты хотел сказать, что профессору Сидорскому дали Нобелевскую премию? — Адриано прекрас-

но знал Артема Савельича, при любой возможности посещал его лекции и считал за честь быть его гидом, когда профессор приезжал в Рим.

— Ты хорошо меня понял! — сердито повторил Влад. — Его убили. Сегодня ночью. И я сам не могу понять, почему. Все очень сложно и запутанно, Адриано. Я должен тебе все рассказать...

— В голове не укладывается, — пробормотал Андриано, качая головой.. — Никогда не догадаешься, что в планах Бога.

— Боюсь, что Бог здесь ни при чем, — заметил Влад. — Ты на машине?

— А ты думал, что я пойду через весь Рим пешком?

Влад подхватил сумку, и они направились к выходу из терминала. Несколько раз Влад оглянулся, и ему показалось, что молодой, почти наголо бритый полицейский, стоящий у киоска с прессой, не спускает с него глаз, неумело прикрываясь газетой.

— Можно, я сяду за руль, — спросил Влад, когда они вышли на стоянку, и Адриано приветливо распахнул дверь старенького «пежо», — а ты пока почитай вот это. — И он протянул Адриано листочки, исписанные мелким почерком. Это были тезисы рукописи, которые он составил в самолете.

Влад неплохо ориентировался в Риме, но сейчас ехал настолько медленно и осторожно, что «пежо» обгоняли даже велосипедисты. Он хотел, чтобы Адриано успел все прочитать прямо здесь, в машине.

— Ты привел цитату из Сенеки и поставил символ женского начала, — сказал Адриано, тыча толстым пальцем в текст. — Что это значит?

— Так профессор обозначил слово «дева», которое употребил Сенека. И этим же символом он прокомментировал один из абзацев рукописи. Читай ниже.

— «Проповедник, объявивший себя Сыном Божьим, был не только гениальным психологом, но и

носителем некоей Тайны, при помощи которой воздействовал на людей на уровне подсознания и покорял их волю в абсолютной степени», — вслух прочитал Адриано. — И какой вывод мы должны сделать из этого?

— Профессор считал, что Проповедник, на образ которого молится человечество...

— Стоп! — перебил его Адриано, всегда ревниво относившийся к сомнениям Влада относительно существования Богочеловека. — Ты хоть из уважения ко мне называй этого Проповедника Иисусом Христом... Так что профессор считал?

— Что Иисус Христос обладал некой тайной, связанной то ли с какой-то женщиной, то ли с символом женского начала. И эта тайна последовательно перешла к Понтию Пилату, затем к Сенеке, и далее, далее, далее...

— И до каких пор «далее»?

— Вот это я и хотел бы выяснить с твоей помощью. Но не исключаю, что до наших дней.

— Безусловно, Влад! Безусловно, я тебе помогу.

— Но сначала я должен предупредить тебя, Адриано! Дело, которым мы с тобой будем заниматься, очень опасное. Я почти уверен, что профессора убили те самые люди, которые сочинили эту рукопись. Я думаю, что профессору стало известно слишком многое, чего, по их мнению, он знать был не должен.

Адриано погрузился. Его глаза потускнели, он задумался.

— Если ты откажешься, я восприму это как должное, — пообещал Влад.

— Ладно, рули! — с напускной грубостью ответил Адриано, застыдившись своей минутной слабости. — Страшнее итальянской мафии нет ничего на свете, а уж с твоими русскими сочинителями мы как-нибудь справимся. На Via Nazionale! — приказал он и махнул рукой в сторону Национального музея. Там у него была служебная комнатка размером с ванную комнату, зато оснащенная компьютером и, что было очень важно для Адриано, холодильником с внушительным запасом спиртного.

Команда от навигатора поступила неожиданно, и Влад, опасаясь проскочить поворот направо, довольно резко перешел на другую полосу. Он не нарушил правила, но сзади кто-то нервно посигналил, послышался писк тормозов. Адриано, выдав какое-то редкое идиоматическое ругательство, обернулся. Оказалось, что следующий за ними черный «мерседес» с тонированными стеклами проделал тот же маневр и

едва не задел фургон «фиат» с рекламой пиццы на бортах.

— Странно, — пробормотал Адриано, не без усилия выворачивая шею. — Мне кажется, что этот «мерседес» я уже видел на стоянке в аэропорту.

— Во всем Риме больше «мерседесов» нет? — с недоверием спросил Влад.

— Эта машина арендованная, — ответил Адриано. — Я узнал ее по номерам — на них отсутствуют буквы, обозначающие провинцию.

Некоторое время друзья молчали, Влад поглядывал в зеркало заднего вида, но черного «мерседеса» больше не видел. Словно делая над собой усилие, Адриано опять вернулся к изучению тезисов.

— Ты пишешь, что в рукописи отсутствует страница, в которой написано о Бразильском камне... Ты ее потерял?

— Я уверен, что ее умышленно изъяли «наследники Христа». Они не хотели, чтобы я заострял внимание на этом факте. Надеюсь, ты слышал о Бразильском камне?

— Бразильский камень? — переспросил итальянец. — Это тот самый, который никто никогда не видел, и на котором, якобы, начертана нерасшифрованная финикийская надпись?.. Э-э! Тормози! Мы уже приехали!

Влад подъехал к музею и остановился на синей разметке, означающей платную парковку.

В торце здания находился служебный вход. Адриано ввел несколько цифр в кодовый замок, распахнул дверь, пропуская Влада вперед, и начальственным тоном бросил охраннику:

— Привет! Этот человек со мной. Историк из России. Готовится сделать сенсационной заявление.

Эти слова произвели на охранника впечатление, и он учтиво поклонился. Адриано провел Вла-

да по темному коридору, спустился по скрипучей деревянной лестнице в подвал и зашел в крохотную комнату без окон.

— Ты опять здесь, Мари? — буркнул он. — Делать нечего?

Влад не сразу понял, кому адресованы эти слова. Ослепленный утренним итальянским солнцем, он с опозданием заметил в сумрачном помещении сестру Адриано. С двадцатидвухлетней Мари Влад был знаком, они эпизодически встречались всякий раз, когда Влад приезжал в Рим, но после расставания сразу же забывал о ней. Встречая ее снова, он испытывал чувство неловкости и переживал, что не сразу узнал ее, что не поздоровался первым, что на ум вовремя не пришел оригинальный комплимент. Вот и сейчас, целуя тонкую и прохладную ладонь девушки, он подумал, что не захватил с собой какого-нибудь пустякового сувенира в подарок.

Мари работала дизайнером в муниципальной оранжерее. Каждый год, в мае, на Испанской лестнице в центре столицы открывалась выставка азалий, и для Мари наступала горячая пора. Но сейчас в оранжерее было затишье, и у Мари появилось много свободного времени.

Девушка разительно отличалась от своего тучного брата изящной, едва ли не миниатюрной фигурой и утонченными чертами лица. Ее длинные темные волосы были расчесаны посредине, обозначая ровный пробор, и стянуты на затылке ярко-красной лентой. Одета она была так, как одевались почти все без исключения римские студенты — в короткий спортивный джемпер, оголяющий пупок, потертые джинсы, едва держащиеся на бедрах и подпоясанные тряпочным ремешком, и кроссовки.

— К сети подключен? — спросил Адриано, шумно отодвигая стулья и устремляясь к мерцающему монитору компьютеру. — Нам надо срочно поработать.

— Я вам не помешаю? — спросила Мари..

Влад всплеснул руками и искренне заверил, что общество Мари ему очень приятно.

— Тогда я приготовлю вам кофе, — предложила она.

— Мне пиво! — буркнул Адриано.

Прихлебывая из горлышка, он вошел на сайт поисковой системы и ввел несколько ключевых слов: «БРАЗИЛЬСКИЙ КАМЕНЬ ФИНИКИЙСКАЯ НАДПИСЬ». Ссылок оказалось больше, чем достаточно...

— Попробуй здесь, — сказал Влад, коснувшись пальцем экрана, под строкой с оборванной цитатой «... ни камня, ни надписи никогда не существовало...»

Компьютер заурчал, пропуская через заданный фильтр колоссальное количество текстов, и вот на экране стало прорисовываться зеленое поле, на котором появились ломаные символы.

Некоторое время Влад и Адриано молча смотрели на экран. Только Мари, которая в это время стояла у маленькой электрической плитки, могла заметить, как ученые побледнели, а глаза их округлились. Друзья переглянулись.

— И здесь тоже! — хриплым голосом произнес Адриано, сделал глоток из бутылки и закашлялся.

ГЛАВА 20

Под тремя строчками символов, которые отдаленно смахивали на греческий алфавит, стоял немногословный комментарий автора сайта: «Так выглядела финикийская надпись, высеченная на Бразильском камне почти за две тысячи лет до того, как моряки Колумба высадились на берег Америки». Но вовсе не присутствие надписи на Бразильском камне шокировало Влада и Адриано. Среди незамысловатых крючков, «гребешков» и окружностей они увидели символ женского начала!

— Погоди, это что ж получается, — волнуясь, сказал Влад. — Выходит, что знак, который мы отождествляем с зеркальцем Венеры, был одной из букв финикийского алфавита?

— Такой буквы у финикийцев не было, — твердо проговорил Адриано. Он обернулся, поднял руку, привлекая к себе внимание сестры, и она поняла его без слов, ловко вскочила на стул и сняла с полки лингвистическую энциклопедию. — Вот, — продолжал он, открывая книгу на нужной странице и шлепая пухлой ладонью по таблице с финикийскими алфавитами. — Есть отдаленно

похожий на него знак, как, например, вот этот круг с перекрестием внутри. Он читается, как мягкое «t». Но «зеркальца» в алфавите нет. Потому что это не буква алфавита.

— А что это? Наглядное подтверждение того, что это письмо — подделка?

— Это рисунок, — вдруг вмешалась в разговор Мари. Брат привил ей любовь к истории, и Мари, перечитавшая массу познавательной литературы, могла похвастать незаурядными познаниями в области истории. К тому же, она успела просмотреть сделанные Владом тезисы и понимала, о чем идет речь. Пользуясь тем, что парни оглянулись и невольно отодвинулись от экрана, девушка смогла поставить перед ними две чашки с кофе.

— Это рисунок, — повторила она. — Обыкновенный рисунок, при помощи которого автор поясняет и дополняет свой текст.

— У твоей сестры светлая голова, — заметил Влад.

— Ну, голова, к слову, у нее черная, — недовольно буркнул Адриано. — Как, собственно, у большинства итальянцев. — И добавил: — Разумеется, это не буква алфавита, а символ.

— И что он мог означать?

— Судя по тому, что Бразильский камень никто и никогда не видел, а часть его текста безнадежно утрачена, мы никогда достоверно не узнаем, что хотел сообщить потомкам безвестный финикиец, — пожал плечами Адриано.

— Есть версия, что этот финикиец объявил себя Богом и до самой смерти пользовался абсолютной властью.

— Правда? — заинтересовался Адриано. — В таком случае, у нас появляется хоть и хрупкая, но все же зацепка, ведущая к разгадке Тайны Власти. А отсутствие страницы в рукописи свидетельствует о том, что ее авторы очень не хотели, чтобы в процессе разгадки Тайны твой взгляд наткнулся на «зеркальце».

— Почему? — удивился Влад.

— Это может привести тебя к неким неожиданным выводам...

— А скорее, к опасному знанию, — по-своему перефразировала Адриано Мари. — Если я правильно поняла, «наследники Христа», которые доверили вам рецензировать их работу, хотят, чтобы вы как можно щедрее поделились с ними своими знаниями о Тайне Власти, но, вместе с тем, хотят убрать с вашего пути любое упоминание о «зеркальце Венеры». За этим символом скрывается нечто такое, чего вам знать не положено.

— И за что можно схлопотать пулю в лоб, — мрачным голосом добавил Адриано. — То, что мы узнали, это еще ничто. Но ужестораживает. Две с половиной тысячи лет назад некий финикийец совершил морское путешествие вокруг Африки, затем через Атлантику и, в итоге, высадился на берег Америки, где заявил о своем божественном происхождении. При этом вставил в текст своего манифеста «зеркальце Венеры». Это первое. И второе: поэт и философ Сенека тоже упоминает этот символ, называя его «девой», и приписывает ему источник злого могущества. Эти два факта, разделенные между собой веками, нам стали известны лишь благодаря прозорливости профессора Сидорского и... — Адриано почесал затылок, посмотрел на экран монитора через пивную бутылку и скромно довершил: — ...и мне.

— Он просто прелесть! — Мари запустила пядерню в густые волосы брата. — Удивительная природная скромность!

— А я думаю о том, — задумчиво произнес Влад, — как бы теперь воткнуть между этими фактами Иисуса Христа и Понтия Пилата.

— Иисуса Христа? — пробормотал Адриано, силясь что-то вспомнить, и вдруг хлопнул себя по затылку: — Ну, конечно же! Конечно! Как же я мог об этом забыть!

ГЛАВА 21

— Ну, это уже слишком! — бормотал Борис Калевал, размахивая руками и не замечая сотрудников редакции, с которыми пересекался в коридоре.

Не постучавшись, он влетел в кабинет директора редакции. Тучный, всегда потный, с мелкими подслеповатыми глазками, начальник взглянул на редактора поверх очков с толстыми линзами.

— У нас пожар, Калевал?

— Хуже, Александр Владимирович. Мы на грани того, чтобы упасть на самую низкую, самую постыдную ступень тележурналистики!

— И что же нам мешает это сделать? — воркующим голосом поинтересовался начальник.

— Я только сейчас узнал, что этот бред... эта галиматья... этот сумасшедший лепет... — едва сдерживая себя, чтобы не начать сквернословить, Калевал с трудом подыскивал выражения, — ... уже стоит в плане на ближайшие дни.

— И что здесь постыдного? — равнодушно произнес начальник, аккуратно стопкой складывая раскиданные по столу листы.

— Мы собираемся показать интервью с гражданкой, которая называет себя Богом!

— Ну и что? В уголовном кодексе есть статья, запрещающая это делать?

— При чем здесь уголовный кодекс? Должен же быть предел кощунству и насмешкой над святыми понятиями!

— Если не ошибаюсь, интервью у этой женщины брал ты, — заметил начальник.

— Да, интервью брал я. Но когда начал делать монтаж, то понял, что это нельзя запускать в эфир. Эта женщина — мошенница, каких еще свет не видывал! Можно закрыть глаза на бессовестное вранье ясновидящих, липовых лекарей, колдунов и магов. Но вот так нагло, глядя в телекамеру, заявлять, что она есть живой Бог на Земле... Это уже не лезет ни в какие ворота! Я едва сдержался, чтобы не разбить монитор!

— А что ж ты не возмущался, когда брал интервью

— Я выполнял ваше распоряжение... — сбивчиво стал объяснять Калевал. — Когда берешь интервью, больше думаешь над тем, какой вопрос задать следующим... Но когда я стал просматривать запись, то просто не поверил, что мог отснять такую мерзость!

— Вот видишь, как богиня околдовала тебя.

Начальник поднялся и вышел в коридор. Калевал поспешил за ним.

— Александр Владимирович, у меня есть конкретное предложение! Из этого интервью я возьму несколько коротких эпизодов и дополню комментариями представителей трех религиозных конфессий. Получится достаточно убедительный фильм о лжепророках.

— Негоже подвергать публичной порке богиню, — проговорил директор, расписываясь в вахтенном журнале и сдавая ключи охраннику.

Калевал опешил. Он покраснел, дыхание его стало частым, глаза заблестели.

— Но ведь все это уже было! — выкрикнул он надрывно. — И Дэви Мария Христос, и Секо Асахара, и Григорий Грабовой, и десятки других проходимцев! Зачем в очередной раз оболванивать население, давать легковым людям пустую надежду?

Начальник взялся за ручку, чуть приоткрыл дверь, и в образовавшуюся щель сразу же ринулся холодный и мокрый сквозняк.

— Почему оболванивать? — с плохо скрытой издевкой произнес он. — А вдруг это на самом деле богиня? А? Вдруг она начнет творить чудеса? И что тогда? Посыпать голову пеплом? Или лезть в петлю?

Не дожидаясь ответа, он вышел на улицу. Дверь заскрипела ржавыми пружинами и громко захлопнулась. «Зачем оболванивать население...» — подумал директор, поднимая воротник куртки. Он хорошо знал, зачем. Этот бесконечный процесс тянулся испокон веков и приносил власть, деньги, славу... Совесть его была на месте. Кому будет плохо, если какая-то мошенница объявит себя мессией? Главное — дать народу веру в то, что спаситель уже на земле, он рядом, и его божественная благодать вот-вот снизойдет на всех, кто его любил и ждал.

Калевал плелся домой. Утро было сырым, промозглым, как, собственно, и настроение. Всю ночь он работал в монтажной, потом крепко повздорил с шефом, в довершение выпил какой-то скверной водки. Он настолько устал, что глубокое равнодушие загасило все его недавние эмоции. Ну, и плевать на то, что интервью выйдет. И чего спорил, чего ругался? Только силы растратил. Ведь ничего изменить нельзя. В этой жизни ничего изменить нельзя.

Он не обходил луж, пинал ногами пустые пластиковые стаканчики, размокшие пустые пачки из-под сигарет. Левая нога ступила на рифленный край канализационного люка, который вдруг провалился одной половиной вниз, а другая встала торчком. Редактор на мгновение почувствовал под собой пустоту, а потом ухнул вниз, круглый край крышки пришелся ему как раз между ног. Разбив мышцы промежности, металл тараном раздробил крестец в крошку. Острый, как финка, осколок лобковой кости мягко вошел в подвздошную артерию, плугом распорол ее и вышел наружу, высвобождая горячий фонтан алой крови.

ГЛАВА 22

Адриано вскочил на табурет, потянулся к стеллажам и стал передвигать книги. Комнату заполнили клубы пыли.

— Кто тут копался без меня?! — сердито кричал он, и нетрудно было догадаться, что он имеет в виду сестру. — Где Новый Завет?

— Он всю жизнь стоял на первой полке, — спокойно ответила Мари и так посмотрела на Влада, словно хотела пожаловаться: «Вот он всегда такой несносный! Представляете, как мне с ним тяжело?»

— Где на первой полке? — попытался возмутиться Адриано, но тотчас увидел синий корешок и выдернул с полки книгу, попутно обрушив на пол дюжину разных томов. — Вот! — запальчиво говорил он, листая страницы. — Следи за моей мыслью... Секундочку... Ага, вот, нашел! Евангелие от Матфея, глава вторая, стих тринадцатый. Внимание! «Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его, и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе...» — Он захлопнул книгу, сунул ее, не глядя, куда пришлось, и возбужденно спросил: — Ты понял? Теперь ты все понял?

— То, что до смерти Ирода Иисус с родителями жил в Египте, для меня не новость, — ответил Влад, впрочем, догадываясь, что Адриано имел в виду нечто другое.

— А при чем здесь Египет? — хмуря брови, спросила Мари.

— Так вы все-таки ничего не поняли! — с возмущением произнес Адриано. — Тогда идите за мной!

И он стал подниматься по служебной винтовой лестнице, которая штопором пронизывала все этажи музея. Влад едва поспевал за ним. Он заметно ослаб, сердце колотилось в его груди со страшной силой,

дыхание было частым и шумным. Мари замыкала шествие и, поглядывая на сухощавую фигуру Влада, думала о том, что неплохо бы показать его врачу.

— Очень кстати у нас открылась временная экспозиция по древнему Египту, — не оборачиваясь, на ходу говорил Адриано. — Благодаря своему служебному положению я вынюхал один секрет, который организаторы выставки в ближайшие дни официально разгласят журналистам. Разумеется, это будет сделано в рекламных целях, чтобы привлечь побольше посетителей... Сейчас налево, и пригните головы, здесь низкий косяк... Тем не менее, в достоверности экспертизы можно не сомневаться... Сюда, пожалуйста! Мы сразу выйдем в египетский зал. Но хочу предупредить... — Адриано со значением посмотрел на Влада и даже погрозил пальцем. — Я знаю твоё пристрастие ко всякой старой рухляди, тем не менее, прошу у стендов и экспонатов не задерживаться. В данный момент нас интересует только мумия.

— Мумия?! — в один голос воскликнули Влад и Мари.

— Именно она ответит на все интересующие нас вопросы...

Троица устремилась по коридору к малоприметной двери. Перед тем, как открыть ее, Адриано серьезно посмотрел на своих спутников и приложил палец к губам.

Дверь бесшумно открылась, и Влада ослепил яркий солнечный свет. Он увидел огромный зал с окнами на полстены и множеством экскурсионных групп. Приглушенные голоса экскурсоводов эхом разлетались под сводчатым потолком. Посетители плавно передвигались по залу от одной стены к другой, замирали на некоторое время то рядом с макетом боевой колесницы, то у стенда с ювелирными украшениями египтян, то у фрагмен-

та древней гробницы с облупившейся росписью. Больше всего людей толпилось именно там, куда повел своих спутников Адриано, — у саркофага с мумией.

Прикрытая защитным стеклом, высохшая плоть древнего человека смотрела на экскурсантов пустыми глазницами. Непропорционально огромные ступни были раскинуты врозь. Из приоткрытого черного рта торчали редкие желтые зубы. Из-под ткани, стягивающей череп мумии, выбивался клоч пепельно-медных волос.

Бережно раздвигая посетителей и безудачно повторяя «пердона», Адриано протиснулся к саркофагу и вдруг издал негромкий возглас удивления. Влад, наконец, тоже добрался до популярного экспоната, а тоненькая юркая Мари встала за его спиной.

Адриано пялился на табличку, стоящую поверх защитного стекла.

— Секрет уже не секрет, — пробормотал он. — Что ж, тем убедительней прозвучит моя версия. Читайте!

На табличке было написано: «В тканях этой мумии независимые египтологи и криминалисты обнаружили следы никотина и кокаина».

— Это сенсация, — прошептал Влад.

— Каково, а? — распрямив плечи и горделиво оглядывая экскурсантов, проговорил Адриано..

Мари вставала на цыпочки, разглядывая через стекло мумию. Она тоже прочитала табличку, но ровным счетом не поняла, почему эта информация так взволновала русского историка.

— А что, собственно, в этом удивительного? — спросила она, когда троица последовала в обратный путь.

— Подведи к свету знаний это неразумное дитя, — великодушно разрешил Адриано, кивая Владу.

— Удивительно то, — произнес Влад задумчиво, — что кокаин растет исключительно в Колумбии, Перу и Боливии. Откуда он мог взяться в Египте? Теперь, со значительной долей уверенности, мы можем говорить о маршруте, который проделала Тайна Власти, — сказал Влад, ныряя следом за Адриано в служебную дверь. — Финикийцы увезли ее в Южную Америку, где запечатлели на Бразильском камне. Египтяне, побывавшие в Америке, вместе с кокой привезли Тайну на Ближний Восток. От египтян о Тайне узнал Иисус Христос. С ней он вернулся в Иудею...

— Где ее выкрал у него Понтий Пилат, — довершил мысль Адриано.

— Выкрал? — переспросил Влад. Это слово резануло ему слух.

— Как же иначе? — ревниво заметил Адриано. — Уж не думаешь ли ты, что Сын Божий мог выдать Тайну под пытками?

— А не думаешь ли ты, что Сыну Божьему, с его сверхчеловеческими возможностями, могла понадобиться какая-то языческая Тайна Власти?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Кто знает... — уклончиво пожал плечами Влад. — Может быть, мы говорим совсем о другом человеке, который отнюдь не был Сыном Божьим... Но сейчас не об этом. Мы должны понять, как Тайна стала известна поэту Сенеке, и как он ею распорядился.

— Джакомо! — вдруг воскликнул Адриано.

— Что — Джакомо? — уточнил Влад.

— Джакомо Сальваторес, — пояснил Адриано, сильно сжимая локоть Влада. — Безработный переводчик с древней латыни. Он знает о Сенеке все! Знает его лучше, чем мы знаем друг друга!

ГЛАВА 23

Леонтий медленно прогнал «мерседес» по вокзальной площади, словно подыскивал подходящую автостоянку, затем свернул на *via Volturmo*, а оттуда, замыкая второй круг, центром которого был Национальный музей, вырулил на *via Cernaia*.

— Вот она! — сказала мать Анисья, кивая на бордовый «пежо», стоящий на стоянке у служебного входа и уже покрытый белыми голубиными кляксами.

Леонтий остановил машину. Здесь парковка была запрещена, но полицейских поблизости не наблюдалось..

— Надо кончать с этим Адриано, — сказала мать Анисья. — Скоро весь Рим будет знать о том, что русский историк ищет печать.

— Адриано ему помогает...

— Не спорь со мной! — властно перебила она Леонтия. Вдруг, ударив кулаком по панели, над-

рывно произнесла: — Все очень медленно! Медленно! — И взглянула на свою правую руку. Бинт обтрепался и потемнел. Мать Анисья просунула палец под узелок на запястье и порвала завязки. — Он только привлекает внимание, — сквозь зубы процедила она, торопливо разматывая бинт...

Леонтий выключил кондиционер и опустил стекла. Тяжелый запах разлагающейся ткани был невыносим. Мать Анисья скомкала бинт и швырнула его в окно.

— Знали бы люди, что эта невзрачная тряпочка — величайшая реликвия, с которой не может сравниться даже Туринская плащаница... Поехали!

Леонтий тронул рычаг передач. Он старался не смотреть на женщину, которая, поднеся гниющую ладонь к лицу, внимательно рассматривала ее.

— Это будет, — бормотала она. — Уже скоро... — И, приблизив ладонь к губам, поцеловала ее.

В это же время недалеко от них, в каких-нибудь четырех станциях метро, поднимался из подземки охранник венецианского кладбища Витторио. Лицо его было смертельно бледным, глаза наполнены страхом. Два часа назад он прилетел в Рим легкомоторным самолетом местных авиалиний, взял такси и попросил отвезти его на *via Bovio*, где по утрам собирались скупщики антиквариата. Настроение у него было чудесным до тех пор, пока водитель не включил приемник. Как раз в это время передавали хронику криминальных происшествий. Витторио прислушался и едва сдержал крик. Диктор рассказывал, что на одном из кладбищ Венеции, в склепе легендарного полководца Бартоломео Коллеоне, обнаружены следы взлома. Никаких подробностей не сообщалось.

Перепуганный Витторио попросил остановиться у ближайшей станции метро. Некоторое время он мотался по веткам подземки из конца в конец, чувствуя себя ужасно. Произошла катастрофа, и его спокойная размеренная жизнь хрустнула, словно старая дощечка. Витторио переходил из вагона в вагон, кругами блуждал по подземным галереям, ежеминутно меняя направление, часто останавливался, якобы для того, чтобы перевязать шнурок, воровато оглядывался и кидал настороженные взгляды на пассажиров, стараясь угадать идущего за ним сыщика. Спортивная сумка, которая болталась на его плече, казалась ему необыкновенно тяжелой, источающей опасность. Выйдя на станции метро *Leranto*, он поднялся наверх и пошел в сторону Тибра. Путь к берегу,

густо поросшему деревьями и кустами, ему преградила набережная Микеланджело. Здесь не было пешеходного перехода, и Витторио свернул налево. Прохожих было мало, но именно потому он чувствовал себя особенно неуютно.

«Как все нехорошо получилось!» — думал охранник, и непроизвольно сдавливал сумку локтем, желая убедиться, что камни по-прежнему лежат там, не выпали по дороге и никем не были похищены. Он с содроганием вспоминал детали вчерашнего происшествия: как дождался сумерек и, вооружившись каминной лопаткой с крепкой металлической рукояткой, вернулся в склеп Бартоломео Коллеоне. Там, преодолевая суеверный страх и стараясь не смотреть на останки, кое-как поставил гранитную крышку гробницы на место и, уже выходя наверх, нашел еще один камень. Витторио понял, что это система, что ему надо внимательно осмотреть дорожку, ведущую к выходу. Освещая фонариком впереди себя, он двинулся к центральному воротам и рядом с клумбой нашел третий камень.

Странные предметы он долго рассматривал в дежурном помещении, запершись на замок и задернув на окнах шторы. Камни были похожи, как близнецы, и все-таки имелись различия. Каждый размером чуть меньше куриного яйца, поверхность тщательно отшлифована, одна половинка идеально-гладкая, выпуклая, а вторая стесана. На этой, стесанной половинке, имелся выступающий кант, по форме напоминающий искривленную каплю. При большом воображении ее можно было принять за условное изображение плывущего кита.

На этом сходство камней заканчивалось. А различались они замысловатыми, такими же рельефными рисунками, размещенными внутри «капли», но вот только трудно было сказать, на

что были похожи несимметричные пересечения геометрических фигур и линий.

«Надо полагать, — думал Витторио, разглядывая камни под светом настольной лампы, — что все это лежало в гробнице. Вандалы достали их, а потом увидели, что это не золото и не серебро, и бросили на бегу. Должно быть, это что-то ритуальное...»

Первой его мыслью было доложить утром директору кладбища о происшествии и составить акт передачи ритуальной утвари. Желание поскорее поставить начальство в известность, и тем самым избавиться от гнетущей неизвестности, было столь сильно, что Витторио едва не позвонил директору домой.

«Однако не стоит торопиться, — подумал он, и рука его, уже обхватившая телефонную трубку, замерла. — Кто еще, кроме меня, видел, что гробница была вскрыта? Никто. Я все поставил на место, никаких следов взлома не осталось... Так зачем признаваться? Всякий факт вандализма на кладбище — это минус мне. Пойдут упреки...» И Витторио решительно убрал руку с аппарата. Нет, не будет он докладывать директору о происшествии ни сейчас, ни завтра утром. А камешки, должно быть, дорогие. Интересно, сколько за них дадут антиквары?

Витторио снова разложил камни и стал ими любоваться. Сама судьба дала ему редкий шанс разбогатеть, а он еще колеблется! Если посмотреть на все это с точки зрения справедливости, Витторио склеп не взламывал, крышку гробницы не сдвигал и ничего оттуда не брал. Он не украл эти камни. Он их нашел. И теперь имеет полное моральное право продать их. Если верить слухам, «черные» антиквары в Риме платят просто безумные деньги за всякие археологические безделушки.

Новая идея завела его не на шутку. Витторио ходил по дежурному помещению из угла в угол и от волнения потирал вспотевшие ладони. Сколько за эти камни могут заплатить? Если Коллеоне умер в средние века, значит, этим камешкам больше пятисот лет! Полтысячи! Даже если за каждый год — десять евро, уже пять тысяч набегают.

Ночью Витторио почти не спал, на него потоком лились сладкие мечты. «А вдруг эти камни бесценны? — думал он. — Что, если археологи давно мечтают их отыскать, а мне они вот так просто попались под ноги? Вдруг каждый из них потянет на миллион евро?»

Ближе к утру мечты о богатстве несколько подпортили навязчивые мысли о полицейском участке, допросах и следственной камере. Витторио ходил вокруг телефона, и червь сомнения грыз его. Может, не стоит рисковать? Честное имя и чистая совесть дороже даже миллиона

евро. Но, вместо того, чтобы позвонить директору, он набрал номер аэропорта Марко-Поло и заказал самый дешевый билет до Рима...

И вот сейчас Витторио, накручивая себя, брел к реке. Вскоре он оказался в тени больших старых деревьев. Снова оглянулся и, убедившись, что никто за ним не следит, перелез через живую ограду. Прогулочная дорожка, тянущаяся вдоль берега, была пустынной, и Витторио, уже совсем расслабившись, спустился к самой воде. Схватившись рукой за ствол дерева, чтобы ненароком не свалиться в реку, он расстегнул молнию на сумке и один за другим швырнул камни в воду.

Настроение охранника сразу улучшилось. Застегивая на ходу сумку, он веселой походкой пошел обратно, как вдруг краем глаза заметил какой-то движущийся объект. Витторио повернул голову и почувствовал, как его сердце ухнуло куда-то вниз, а в ступни ног вонзились тысячи иголок. Не без усилий удерживая на поводке могучего ротвейлера, по дорожке шел полицейский. Едва Витторио увидел лицо блюстителя порядка, так сразу понял: он полицейскому не понравился.

— Что вы туда бросили? — крикнул полицейский, ускоряя шаг.

Витторио обмер. Ноги его сделались ватными, а сердце, казалось, перестало биться.

— Что? — на выдохе произнес он.

— Что вы кинули в реку? — громче повторил полицейский. — А ну-ка, стойте!

Не отдавая отчет своим действиям, Витторио повернулся и со всех ног кинулся к зеленому ограждению.

— Стоять!! — крикнул полицейский.

Кажется, он спустил с поводка ротвейлера. Леденя от ужаса, Витторио побежал еще быстрее, легко перемахнул через кусты, тут же метнулся

вправо, но заметил впереди группу молодых людей. Не останавливаясь, не думая о последствиях, Витторио кинулся через дорогу, и шум ветра в ушах заглушил крики за его спиной.

В последнее мгновение своей жизни он успел увидеть близко от себя радиаторную решетку грузового автомобиля, даже почувствовал нестерпимый жар, идущий от разогретого двигателя, и запах горячего металла и смазки. Грузовик с опозданием затормозил, заблокированные колеса юзом заскользили по асфальту, заскрежетали и задымались. В ту же секунду черный бампер с буксировочными крюками въехал Витторио под ребро, ломая грудную клетку, словно сухие спагетти. Охранник бревном упал на асфальт, и его голова тотчас угодила под колесо, череп лопнул сразу же, с влажным хлопком, словно трехлитровая банка с растительным маслом.

ГЛАВА 24

В это же время Влад, принимая из руки Мари чашку с кофе, вдруг качнулся, тяжело оперся о книжный стеллаж, и чашка, соскользнув с блюда, полетела на пол и разбилась с оглушительным звоном. Кофе черными брызгами разлетелось во все стороны, оставив на бежевых брюках Адриано россыпь точек.

Мари вскрикнула от неожиданности, а Адриано кинулся к Владу и подхватил его под руку. Влад плохо понимал, что происходит. Взволнованные голоса друзей доносились до него откуда-то издалека. Стены тесной комнаты рухнули, и горячий ослепительный свет накрыл его волной. Влад снова почувствовал, что падает с огромной высоты, и дух перехватило от безграничного пространства, раскинувшегося под ним. Он различал под собой бескрайние желтые пустыни, возделанные поля, изрешеченные сеткой каналов, и целые города с прямоугольными кварталами, улицам и домами, словно сточенными сверху, как обломки сланца...

Когда Влад пришел в себя, то снова увидел сумрачную комнату, низкий потолок, книжные стеллажи и машинально рванул вверх, пытаясь встать с кресла, но почувствовал крепкие руки Адриано.

— Сиди! — как можно спокойнее произнес тот, но голос выдавал его волнение. — Что ж ты не предупредил, что собираешься в обморок упасть?

Оттолкнув брата, к Владу подлетела Мари с мокрым полотенцем в руках. У бедняжки глаза блестели от слез, так она перепугалась. Она пристроила компресс на лбу у Влада и опустила на корточки у его ног.

— Простите, что напугал, — пробормотал Влад, вытирая капельку воды, бегущую по его щеке. — Это простуда... Со мной такое уже бывало... Ничего страшного...

— Надо вызвать врача, — сказала Мари.

— Никаких врачей! — взмолился Влад и рывком поднялся с кресла. — Я нормально себя чувствую. У меня просто немного закружилась голова. — Он сорвал со лба мокрое полотенце. — Да что вы на меня смотрите, как на воскресшего покойника!

— Сейчас я сгоняю в аптеку, — немного успокоившись, сказала Мари.

— Мы сейчас поедem к Джакомо, — предложил Адриано, — а по пути заглянем в аптеку.

— К какому еще Джакомо? — возмутилась Мари. — Ты посмотри! На нем же лица нет!

— Это потому, что я боюсь высоты, — отшутился Влад. — У меня было... что-то вроде галлюцинаций... Мне привиделось, что я... В общем, хватит о ерунде! Едем к Джакомо!

Джакомо жил в зеленом квартале недалеко от набережной Тибра и парком святого Алессиво. Но, прежде чем выехать на набережную, Адриано остановился у аптеки. Несмотря на буйный протест Влада, Мари выскочила из машины и вскоре вернулась с полным пакетом лекарств. Она пристроилась рядом с Владом на заднем сиденье и заставила его немедленно проглотить три таблетки.

— Если не полегчает, — сказала она, — будешь принимать антибиотики. Вот они, в зеленой упаковке. А это — от головной боли. И вот еще от температуры и ангины...

Пришлось Владу рассовать упаковки по карманам и дать девушке клятвенное обещание, что он не будет капризничать и пройдет полный курс лечения.

Адриано завел машину и тронулся в дальнейший путь. Он хотел сразу выехать на набережную, но дорога оказалась перегорожена секциями решеток, за которыми большой стреловидный кран переносил бетонные перекрытия для строящегося подземного перехода.

— Хоть бы табличку поставили, как объехать, — проворчал он, затащив ручник и вышел из машины, чтобы спросить у рабочих, как вдруг произошло нечто совершенно необъяснимое.

Раздался оглушительный грохот, в одно мгновение ветровое стекло лопнуло, и проем сплющился настолько, что в салоне стало сумрачно, с ужасным скрежетом сложилась вдвое водительская дверь, и внезапно все снова стихло.

Несколько мгновений Влад и Мари сидели неподвижно в приплюснутом салоне, глядя на груды рваного металла и битого пластика, завалившего водительское место. Влад схватил Мари за руки.

— Ты цела?! Мари, почему ты молчишь??

Она не могла ничего сказать, лишь кивала и неточными движениями стряхивала с себя стеклянные крошки. Влад попытался открыть дверь, но ее перекинуло. Снаружи раздались удары и нечеловеческий крик Адриано.

— Мари! Мари, ты жива?! — кричал он, протискивая в салон голову и плечи.

Изуродованную машину начали окружать рабочие. Кто-то крикнул, чтобы срочно позвонили в «Скорую помощь». Влад выбрался наружу, повернулся к машине лицом и, пятясь, смотрел на бетонную плиту, лопнувшую посередине.

— Как вы себя чувствуете? Что у вас болит? — торопливо спрашивал молоденький кудрявый рабочий в оранжевой каске и зачем-то хлопал Влада по спине.

Плита упала с крана, расплющила левое крыло «пежо», дверь и часть крыши. Не выйдя Адриано из машины, его бы раздавило в лепешку.

Адриано сотрясала крупная дрожь. Он помог сестре выбраться из машины.

— Я на вас в суд подам, — бормотал он, прикрывая Мари собой, словно от рабочих продолжала исходить какая-то угроза. — Вы все сядете в тюрьму. Ты, ты и ты! — Он тыкал пальцем в насмерть перепуган-

ных парней в спецовках. — Готовьтесь объясняться с моими адвокатами... О, Господи! Что с моей машиной!

— А знак для кого повешен! — огрызнулся кто-то из рабочих. — Сюда въезд запрещен.

— Какой знак? Не было никакого знака! — начал заводиться Адриано.

— А вот пойдём и посмотрим, есть или нет!

— Ты из-за тюремной решетки на него смотреть будешь!

Наступая на битую бетонную крошку, Влад, прикрыв ладонью глаза, смотрел на стрелу крана. Металлический трос, на котором висела плита, оборвался. Стальной трос, способный выдержать дюжину таких плит, лопнул, словно бумажная почтовая веревка!

— У меня это в голове не укладывается, — заикаясь от переживаний, говорила Мари. — А если бы мы подъехали чуть ближе?

Никто не мог знать, что мы заедем сюда, думал Влад, еще раз кидая взгляд на оборванный трос. На въезде в переулок, действительно, был запрещающий знак, но Адриано его не заметил. Роковая случайность?

— Хорошо, что машина застрахована, — заметил, чуть успокоившись, Адриано. — Ладно, хватит пыль глотать. Идемте на набережную, там полно такси.

Именно об этом я его предупреждал, подумал Влад с каким-то необъяснимым спокойствием и даже удовлетворением.

И все-таки он ровным счетом ничего не понимал.

ГЛАВА 25

— Привет, Конфетка! — поздоровался Адриано, вскинув вверх руку. — Ты поделишься с нами счастьем видеть Джакомо?

В темной арке, наполненной тугим сквозняком, с трудом можно было увидеть тяжелую красно-коричневую дверь с позеленевшими медными ручками, мрачный проем с настоявшимся запахом жилья и сигарет и невысокую женщину с растрепанными черными волосами и серым лицом.

— Я тебя умоляю, Адриано! — простонала женщина, с любопытством поглядывая на Влада. — Не уподобляйся моему мужу, он этого не заслуживает... О, привет, Мари! — через силу поздоровалась она, сделав вид, что увидела девушку только сейчас. — А что касается счастья видеть моего благоверного, вам придется здорово потрудиться, чтобы сорвать немного удовольствия. Но я уже заранее вам соболезную, потому как вижу на ваших лицах свет одухотворения и сладких надежд...

Красноречие хозяйки, скорее всего, было вызвано острым желанием покочетничать с Владом. Она видела его впервые, и он ей, безусловно, понравился. Мари поджала тонкие губы и неприветливо общилась:

— У нас срочное дело.

Хозяйка хмыкнула, качнула ногой, смахивая с порога беспорядочно раскиданные тапки и ботинки, отошла к стене и сделала широкий жест рукой:

— Прошу!

Мари взглянула на Влада, ободряюще ему улыбнулась и тронула его за локоть, предлагая войти первым. Адриано задержался на входе, зачем-то принялся целовать хозяйке руки и бормотать ей неуместные комплименты. Он знал эту семью много лет. Когда-то давно Маргаритта и Джакомо были хорошо известны в литературных кругах как фанатики переводов с древней латыни, и большая часть их влюбленной юности прошла в тиши читальных залов библиотек. Теперь же они просто ненавидели друг друга.

Влад, следуя по темному и тесному коридору вслед за Мари, удивлялся тому, насколько мрачным может быть жилище интеллигентных людей. Коридор был завален старыми предметами, предназначение которых определить было невозможно. Из-под ног вылетали кошки и, царапая коготками пол, тотчас исчезали непонятно куда. Мари остановилась и постучала кулаком в дверь.

— Громче стучи! — посоветовала хозяйка, следуя за гостями. — Этот придурок уже второй день подряд переходит на ночной график.

— Как это понять? — спросил Адриано.

— Если б я знала, как это понять! Проще убить, но я Бога боюсь!

Только когда Адриано всерьез усомнился, дома ли вообще Джакомо, раздался щелчок, дверь медленно приоткрылась, и из темноты выплыло привидение. На Джакомо был тонкий хлопковый костюм вольного покроя, какие носят пуштуны в Афганистане, — длинная, почти до колен, рубаша и штаны, напоминающие юбку, перехваченную между ног. Пошатываясь, потрепанный жизнью мужчина держался одной рукой за косяк, а второй пытался пригладить реденькую бородку.

Влад ошибочно подумал, что переводчик пьян.

— Вы с ума сошли, — пробормотал Джакомо. — У меня был глубокий сон... я еле глаза продрал... Разве эта коза не сказала, что меня нельзя будить? — Шаркая босыми ногами по полу, он вернулся к дивану, сел и стал чесать лодыжки.

— Джакомо! Уже полдень! — жизнерадостно произнес Адриано, решительно заходя в комнату и устраиваясь на диване рядом с хозяином. — Ты помнишь мое роскошное «пежо»? Можешь выкинуть из головы навсегда. Машины больше не существует.

— Ты разбудил меня только для того, чтобы обрадовать этой новостью? Мне нельзя было просыпаться! Из-за вас я буду клевать ночью носом, вместо того, чтобы плодотворно работать...

— Ты решил работать по ночам? — спросил Адриано, озабоченно глядя на друга.

— Нет, я всего лишь готовлюсь к солнечному затмению, как это делали древние инки.

— И как они это делали?

— За несколько часов до затмения они ложились спать. Всей страной, как если бы это была ночь. Инки считали, что неприятности, которое несет с собой это мрачное событие, минуют только спящих людей... А это твой ассистент?

— Это Влад Уваров, русский историк.

— Уваров? — повторил Джакомо, поднимая с пола яблоко и надкусывая его. — Знаю я вас, как же! Читал вашу ересь под названием «Кумир христиан и Сын Божий».

Адриано нервно засмеялся, надеясь на то, что Влад не обидится и воспримет слова Джакомо как шутку. Но Влад, кажется, вовсе не собирался обижаться. Он увидел в лице Джакомо обычного оппонента, к которым привык, и без которых вообще не мыслил себя как исследователь. Только он собирался вежливо возразить, как вдруг на защиту встала Мари.

— Почему ересь? — довольно агрессивно спросила она. — Эта статья не затрагивает чувств верующих. Наоборот, Влад учит отделять зерна от плевел, не ошибиться, не клюнуть на приманку самозванцев.

— Он ставит под сомнение существование Иисуса Христа, — безапелляционно заявил Джакомо.

— Не так, — покрутил головой Влад. — Я ставлю под сомнение божественное происхождение того человека, о ком писали Апостолы. Ставлю под сомнение правомочность редакции, которую претерпели Евангелия за всю их многовековую историю. У меня есть доказательства, что современный текст Нового Завета сильно отличается от первоисточника. Вот об этом, собственно, моя статья.

— А разве это не ересь? — усмехнулся Джакомо. — Только одно сомнение — уже грех.

— В таком случае, я сильно грешен, — усмехнулся Влад. — Принимать априори догмы я не в силах. Вы, Джакомо, итальянец. Каждая клеточка вашего тела питается от гордости, что нация стояла у истоков христианства. Спорить с вами почти всегда себе в убыток. Вы никогда не признаете своей неправоты. Вам некуда отступать. Если у Рима отобрать христианство, то останется, разве что, один Колизей.

Джакомо рассмеялся, размахивая рукой, в которой держал надкусанное яблоко, и не совсем тактично заметил:

— От столь богохульных речей у вас даже нос заложило. Но наберетесь ли вы смелости подтвердить, что Апостолы писали вовсе не о Сыне Божьем?

— Думаю, они писали о человеке, который всего лишь выдавал себя за Сына Божьего. О настоящем же Сыне Божьем практически никакой достоверной информации у человечества на сегодня нет.

— О, Господи! — взмолился Джакомо. — Хорошо, что вас не слышит мой духовный наставник.

— Поймите, уважаемый Джакомо! — прикладывая руку к сердцу, сказал Влад. — Церковь, монархия, государственный деспотизм, жестокие правители всех времен и народов всегда использовали религию для укрепления своей власти.

— При чем здесь правители? Церковь живет своей жизнью, независимой от государства. Чем же вам не нравится Новый завет? Почему вы не верите Апостолам?

— Я бы поверил Апостолам, но вся беда в том, что я лично с ними никогда не встречался. Да еще, как назло, не сохранилась видеозапись интервью с ними, ни одного рукописного текста, написанного рукой кого-нибудь из Апостолов. И уж, конечно, нет ни одной фотографии Иисуса Христа. Нет даже простого карандашного портрета Богочеловека! Поэтому, как было на самом деле, мы не знаем, а то, что знаем, выдуманно людьми.

— Ну, дорогой мой! — покачал головой Джакомо. — Если так рассуждать, можно подставить под сомнение очень многие исторические факты.

— Можно, — согласился Влад, — только если кому-то было выгодно их исказить. Уже столько фактов извращено! А теперь мысленно представьте временной отрезок в две тысячи лет! Две тысячи, Джакомо! До нас дошли лишь Евангелия, описывающие жизнь Иисуса, да весьма скупые упоминания о нем в нехристианских источниках. И все. Откуда у вас уверенность, что Евангелия не переписывались десятки и сотни раз, не редактировались в угоду тому или иному правителю?..

— Довольно!! — взмолился Джакомо и шутивно поднял руки вверх. —

Вы полностью подтверждаете мое первоначальное впечатление о вас. Вы, действительно, еретик и атеист.

— Я верю в Бога, и в Сына его, и в Святой дух, — ответил Влад уже тихо и даже устало. — Но отказываюсь воспринимать тяжеловесную, разжиревшую религиозную надстройку, во многом сотканную из фарисейства и лжи.

ГЛАВА 26

Во время этого недолгого, но горячего диспута Мари и Адриано старались сохранять молчание. Адриано разделял позицию Джакомо, и был готов бороться за основы ортодоксального христианства, но не вступил в полемику, чтобы не оставить в одиночестве и тем самым не обидеть гостя. Наконец он все-таки решился вмешаться в разговор и сказал:

— Джакомо, дружище, мы, собственно, пришли к тебе по другому вопросу — чтобы спросить о Сенеке. — И он положил на поднос с фруктами листочки, написанные Владом в самолете.

— Что это? — заинтересовался Джакомо и нацепил на нос очки. — «Я это девоу делала; ужасней теперь мой гнев, и большее злодейство прилично мне, как матери детей...» — Он отложил листок в сторону и обвел гостей настороженным взглядом: — Вам нравится Сенека? Поэзией, в нормальном смысле слова, это не назовешь. Человек всю жизнь говорил стихами. Стихи были его оружием, деньгами, и паролем доступа к сердцу любого государственного чиновника, вплоть до императора. — Джакомо сел на своего любимого конька.

— Нас интересует вот эта строка... — попытался прервать его красноречие Адриано, — где он говорит о...

— Секундочку! — остановил его Джакомо. — Сенека жил бы припеваючи, если бы не серьезный конфликт с императором Калигулой. — Он перевел взгляд на Влада. — Вам что-нибудь известно об этом?

— Не помню, из каких конкретно источников я узнал, что император позавидовал успехам Сенеки в судебном ораторстве, и приказал его убить...

— И вы верите в эту чушь? Калигула позавидовал судебному и ораторскому мастерству Сенеки? Император, обладающий огромной властью, позавидовал человеку, который мог бы с успехом защищать его собственные интересы? Хотите знать истинную правду? Сенека, не со-

гласовав свои действия в Сенате, полностью взял на себя все расходы, связанные с похоронами пятого прокуратора Иудеи Понтия Пилата. А, так как Сенека ничего не делал бескорыстно, часть наследства перешла к нему.

— А что, есть сведения, что Пилат был очень богат? — спросил Влад.

— Как раз наоборот. В 36 году легат Вителлий снял с должности прокуратора Иудеи и отправил в Рим на суровые разборки. Представляете, с каким чувством Пилат возвращался на родину? Он ждал суда, позора и смертной казни. Как минимум, его ждало разжалование. Разве он думал в ту пору о богатстве, которое мог бы вывезти из Иудеи? Голову бы сохранить! Но Пилату в какой-то степени повезло. Пока он плыл в Рим, умер Тиберий, и империю возглавил придурочный Калигула. Тот, в самом деле, разжаловал бывшего прокуратора, и последний свой год Пилат прожил если не в нищете, то, во всяком случае, без каких-либо материальных излишеств.

— Но Сенека все-таки клюнул на его наследство, — заметил Влад. — Значит, Пилат вывез нечто очень ценное из Иудеи, и поэт догадывался об этом. И мы знаем, что этот предмет как-то связан со словом «дева».

Джакомо, нахмурившись, взглянул на Влада.

— А откуда вам это известно?

— Вы же сами прочитали вслух цитату: «Я это девой делала; ужасней теперь мой гнев...»

— Ну и что? В этих словах нет ничего. Медя совершала свои злодеяния в юном возрасте, когда еще была девушкой...

— Нет! — перебил его Влад. — Вы говорите неправду! Вы, как переводчик, не могли не обратить внимание на двусмысленность фразы....

— Нет, — задумчиво продолжил Джакомо, — я не думаю, что это была какая-нибудь мифическая чаша или ткань со следами крови. Подобный хлам

Понтию Пилату был ни к чему, ведь он, убывая из Иудеи в Рим, не верил, что общался с Сыном Божьим. «Дева» — это нечто другое. Это не просто вещь, которая принадлежала Богочеловеку. Мне думается, это некий ключ, если хотите код, дающий человеку возможность познать Бога. О существовании этого ключа Сенека, по всей видимости, узнал от святого Павла, с которым вел активную переписку. Но о Тайне знал еще один человек — Калигула. Оба деятеля затеяли слежку за Пилатом, и ходили вокруг него, как голодные волки вокруг овчарни, дожидаясь его смерти.

— Ключ или код, — повторил Адриано и бегло глянул на Влада, словно хотел спросить у него разрешения рассказать о том, о чем догадался профессор Сидорский. — А если не ключ и не код, а символ женского начала, «зеркальце Венеры»?

— Как? — переспросил Джакомо. — «Зеркальце Венеры»?

— Именно «зеркальце Венеры», — подтвердила Мари и нарисовала символ на листке бумаги, причем, обозначила его с загнутой влево ножкой, как было изображено в финикийском письме на Бразильском камне.

Джакомо долго смотрел на рисунок, вертел его и так, и этак.

— Дева... Очень может быть, очень может быть... Но ведь не простое обозначение символа заполучил Пилат от Христа? «Зеркальце Венеры» было известно еще задолго до нашей эры, и в самом символе нет ничего божественного.

— Может, это был какой-нибудь талисман или медальон с изображением символа? — предположил Адриано.

— Или кулон на цепочке, — добавила Мари.

— Перстень! — вдруг громко воскликнул Джакомо. — Перстень Христа! Это одна из самых загадочных и до сих пор не найденных реликвий! Где-то я читал о нем... М-м-м... Да! Сейчас! Библия! Где Библия?! — Он кинулся в коридор и вскоре вернулся, листая на ходу книгу. — Отец Иисуса Иосиф много лет провел в Египте, — начал пояснять он. — В ту пору ему было всего тридцать лет, до встречи с Марией оставалось еще несколько десятилетий. И тем не менее... Вот, слушайте! Книга Бытия, глава сорок первая: «И сказал фараон Иосифу: вот, я поставлю тебя над всею землею Египетскою. И снял фараон перстень свой с руки своей и надел его на руку Иосифа...» Вы слышали — он отдал ему перстень! — Джакомо полистал Библию и ткнул пальцем в текст. — Вот еще! «Таким перстнем наделяет Иисус Христос всякого, кто доверил Ему свою жизнь...»

— Я слышал об этом, — заявил Адриано настолько обыденным и спокойным голосом, что было не понятно, почему он до сих пор молчал, если для него это вовсе не новость. — В каком-то мусульманском источнике тоже говорится об изумрудном перстне, который-де передал Иисусу Христу Аллах. Но мне кажется, что это не более чем миф, попытка мусульман сделать Христа «своим».

— А может, это был плат, которым накрыли лицо Иисуса после распятия? — высказала версию Мари.

— Тебе ж говорят: предмет с женским символом! — снисходительно, как учитель ученице, произнес Адриано.

— Так плат был женским!

— Не исключено, что это был очень дорогой камень. Алмаз или изумруд, — предположил Влад.

— При чем тут драгоценности? — пожал плечами Адриано. — Мы ведь уже пришли к выводу, что это был некий рисунок, тайный знак, означающий принадлежность к касте Власти, в котором «зеркальце Венеры» — лишь деталь. Этим знаком владел сначала финикиец, высадившийся на берег Южной Америки, затем им завладели посетившие Америку египтяне, потом — Иисус Христос. Понтий Пилат, надо полагать, присвоил себе это сокровище силой, а Сенека — хитростью, заполучив его после смерти Пилата в качестве наследства.

— Да потом еще подтрунивал над теми, кого он обвел вокруг пальца, намекая о «деве» в своей поэме, — добавила Мари, разрезая пластиковым ножиком яблоко пополам.

Джакомо как-то странно смотрел на нее, и когда Мари, по-своему расценив его взгляд, протянула ему половинку яблока, глухим голосом сказал:

— Я понял... Это не перстень. И не драгоценный камень. И не плат... Это совсем другое, из-за чего конфликт и необузданное желание смерти. Ибо иметь только половину намного мучительнее, чем не иметь вообще ничего...

Все посмотрели на переводчика с нескрываемым недоумением. Джакомо надкусил яблоко и добавил:

— Два, понимаете?! Два сокровища привез из Иудеи Понтий Пилат! Две неразрывные половины, величественный смысл которых заключался именно в том, чтобы они были вместе, а не порознь. Одна половина досталась Калигуле, а вторая — Сенеке. С этого все и началось...

ГЛАВА 27

— Синьора Анисья, докладывает капитан Фогли.

Он уволился из полиции семь лет назад, но по-прежнему представлялся своим клиентам «капитаном». Так было солиднее, звание сразу определяло его некогда высокий статус. К тому же, так было намного короче, чем если бы он называл себя старшим сотрудником частного детективно-сыскального агентства Вальтером Фогли.

Мать Анисья стояла посреди тенистой аллеи ботанического сада, откуда сквозь стволы деревьев проглядывал памятник Гарибальди. Трубку мобильного телефона она держала чуть поодаль от уха, соблюдая необходимую для ее исключительного положения дистанцию с низким существом.

— Объект, за которым вы поручили мне слежку, в сопровождении двух людей отправился на *via di Santa Sabina*.

— Что за люди?

— Это все тот же Адриано Варриани и его сестра Мари.

— К кому они направились?

Капитан некоторое время молчал, раздумывая, как свой промах подать под видом высочайшего профессионализма.

— Я нарочно не стал выяснять, в какую именно квартиру они зашли, чтобы случайно не выдать своего присутствия. Сейчас я держу под контролем квартал со всеми его...

— Капитан, я же приказала вам не спускать с Уварова глаз! — оборвала детектива мать Анисья.

— Можете не беспокоиться...

— Вы не выполнили моего приказа! Вы оказались еще большим ничтожеством, чем я предполагала!

— Позвольте, но...

— Молчите и делайте то, что было вам приказано. Выяснить, к кому, и с какой целью они пришли! Еще одно замечание, капитан, и я не только оставлю вас без денежного вознаграждения, но и преподам вам жестокий урок.

— Я понял, синьора...

— Вы ничего не поняли. Вы еще совсем ничего не понимаете!

— Я очень стараюсь... Позвольте доложить об недавнем инциденте, касающемся объекта наблюдения... На автомобиль «пежо», в котором он ехал, упала бетонная плита.

— Что упала?

— Бетонная плита, синьора. С крана сорвалась бетонная плита и упала на автомобиль. К счастью, никто не пострадал.

— Да, конечно... — произнесла мать Анисья. Ее губы дрогнули, веки опустились. Она отключила телефон и медленно пошла по аккуратно подстриженному газону.

Леонтий, прикуривая сигарету, наблюдал за ней.

— Все работает, — произнесла мать Анисья, поднимая к глазам свою раскрытую ладонь. — Хоть здесь только половинка, но она уже работает! — Она посмотрела на Леонтия. — Ты понимаешь, что происходит величайшее событие в истории человечества!

— Я вижу только, что ты выпачкала каблуки в глине.

Мать Анисья остановилась. Водянистые глаза с игольчатыми зрачками стали похожи на стеклянные муляжи. Леонтий не выносил такого ее взгляда, но старался скрывать это. Он отвел глаза в сторону, но при этом успел заметить, как ее совсем не женские, крупные и грубые руки сжа-

лись в кулаки, а между пальцев на правой руке выступила сукровичная капля.

— Пора уже! Ты не замечаешь, что это свершилось!

— Анисья, тебя заносит, — усмехнулся Леонтий.

— Ты опаздываешь, Леонтий. Тебе надлежит уверовать в меня первому.

Он ждал этого разговора, и все же почувствовал, что его застали врасплох. Да, ее определенно занесло. Она серьезно больна. Поверила в легенду, которую сама же сочинила. Вошла в роль, и выйти из нее уже не может.

— Анисья, — сказал он как можно ласковее, как говорят с нездоровыми людьми. — Ну, как я могу уверовать в тебя? Я же знаю тебя много лет. Помню, как все начиналось. Сначала ты была заурядным психотерапевтом. Потом начала выдавать себя за ясновидящую и потомственную колдунью. Несколько лет ты благополучно дурила людей, а я был твоим продюсером и любовником по совместительству. Наконец ты случайно узнала про кондотьера Коллеоне, про созданный им орден «ЕС», Erede Cristo, то есть, «Наследники Христа», а потом пронюхала и про печать с Символом Власти, лежащую в его могиле. Ты спешно создала секту, за год сколотила целое состояние и решила объявить себя...

— Заткнись! — остановила его Анисья, а про себя подумала: он уже не жилец на этом свете.

То ли Леонтий почувствовал угрозу, исходящую от женщины, то ли что-то увидел в ее мутных глазах, но ему стало страшно, и захотелось снять необъяснимое напряжение.

— Ты очень устала за последние дни, — примирительно произнес он. — Эти бесконечные перелеты, поиск, слежка, расчеты... Тебе надо отдохнуть, Анисья. У нас еще целых три дня...

— Всего три дня!! — выкрикнула мать Анисья и вскинула голову, словно хотела увидеть, как на солнце наползает могильная тень. — Все-го, Леонтий!!

— Но мы уже много чего сделали! — оправдывался Леонтий. — Мы прошли первую и самую трудную половину пути. Вычислили Коллеоне и нашли первый камень. Второй вот-вот найдет Уваров. И тогда все будет в наших руках.

В наших, мысленно повторила она. Нет, в моих.

— Ты уверен, что он найдет?

— А как же! — ответил Леонтий, изо всех сил стараясь говорить как можно убежденнее. — Посмотри, сколько у него помощников!

— Вот это меня больше всего и волнует. К нему липнут посторонние люди. Это напоминает снежный ком. Слишком многих придется убрать... Дай мне пистолет!

Дать ей пистолет? Это уже безумие. Она сняла все тормоза и мчится к власти изо всех сил. Это надо остановить.

Но если бы он знал, как остановить!

— Пистолет!! — требовательно повторила мать Анисья и протянула руку со страшным, гниющим ожогом на ладони.

ГЛАВА 28

Настроение у Джакомо резко изменилось. Он всем своим видом показывал, что гости надоели ему до чертиков, и его совершенно не волнуют их проблемы.

— Вы меня утомили, — сказал он, демонстративно ложась на диван и кое-как натягивая на себя край одеяла. — Я должен поспать, чтобы ночью бодрствовать.

— Дружище, так не пойдет! — возмутился Адриано. — Раз сказал «а», надо сказать и «б».

— Бэээ, — проблеял Джакомо.

— Ты же обещал рассказать нам о наследстве Пилата, которое досталось Сенеке, — обиженно произнесла Мари.

— Я обещал? — вытаращил глаза Джакомо и стал взбивать подушку. — Ничего я не обещал. И вообще, я уже все вам рассказал. Занимайтесь своими делами сами, не впутывайте меня в эту историю. Мне ничего не надо, я всего лишь перевожу тексты и из-за вас могу ошибиться в переводе. Дайте мне дожить до старости и умереть естественной смертью.

— Джакомо, — присоединился к общей просьбе Влад. — Вы ведь уже сказали главное. А слово —

не воробей. Если не разъясните нам все подробно, мы, возможно, неправильно истолкуем ваши слова, и тогда последствия могут быть тяжелыми для вас тоже.

Плохо скрытая угроза подействовала. Джакомо оторвал голову от подушки и посмотрел на Влада так, как смотрит кабан на капкан, в который угодил копытом.

— А что я сказал? — пробормотал он.

— Что Пилат вывез из Иудеи два неразрывных сокровища, — подсказала Мари.

— Неужели я мог такое сказать? — пожал плечами Джакомо.

— Мог! — ответили все хором.

Джакомо поморщился и кинул настороженный взгляд на дверь.

— Если вы мне обещаете, что не будете орать, как орангутанги... В общем, я излагаю только свои догадки. Безусловно, глупые, псевдонаучные и даже вредные предположения... — Джакомо перешел на полтона ниже. — На эти... ну, скажем так, сокровища, на правах властителя претендовал император Калигула — кто-то ему шепнул, что Пилат привез из Иудеи весьма редкостные сувениры, которые принадлежали бунтарю, называвшему себя Сыном Божьим. Сенека, посвященный в эту тайну святым Павлом, тоже не хотел упускать добычу, считая ее своей. Не могу осчастливить вас деталями того давнего дележа, но мне кажется, что хитрость Сенеки и могущество Калигулы схлестнулись в равном поединке. И в результате тайна покончившего собой прокуратора досталась в равных долях и поэту, и императору. Но это не принесло удовлетворения ни одному, ни другому, как если разделить между мной и Адриано автомобиль: ему колеса и трансмиссию, а мне двигатель и кузов.

— Весьма удачное сравнение, — мрачным голосом отозвался Адриано. — И, главное, актуальное.

— Калигула требовал от Сенеки, чтобы тот возвратил ему вторую половину. Сенека отказывал и лихорадочно строчил трактаты, во многих из которых есть намеки на те события. Тогда Калигула решил убить поэта, его с трудом отговорили и сказали, что старый и немощный Сенека и так скоро умрет.

— Императора сгубила уверенность в том, что так оно и будет, — вставил Влад. — Ждал, ждал, и дождался, пока его самого не убил военный трибун Кассий.

— Может быть, вам известна официальная причина казни Калигулы, этого светлейшего события в истории человечества? — спросил Джакомо.

— Разговаривая с вами, я невольно вспоминаю школьные годы, экзамен по истории... — признался Влад. — Считается, что Калигула уж слишком сильно раздражал сенат своей безумной жадной властью и совершенно дикими выходками.

— Правильно, именно считается! — шевельнул пальцем Джакомо. — Но то был лишь повод для убийства. А причина именно в тайне Понтия Пилата, которая досталась Калигуле, и на которую положил глаз Кассий. В результате Кассий получил то, что хотел.

— Вы претендуете на сенсационное открытие, коллега? — усмехнулся Влад.

— Боже упаси! — замахал руками Джакомо. — Повторяю: моя версия абсолютно идиотская.

— А что же стало с Сенекой, который владел второй частью тайны? — с нетерпением спросила Мари.

— Правильной дорогой идешь, девочка, — закивал Джакомо. — О римских правителях лучше почитайте в библиотеке, о них писано-переписано тысячи раз. А меня спрашивайте о Сенеке, ибо кто еще знает этого ловкого словоблуда так хорошо, как знаю я. Что стало с Сенекой? А его начал третировать Нерон, самовлюбленный деспот, выросший буквально на руках поэта. Нерону тоже захотелось познать Тайну Сына Божьего.

— И к какому выводу подводит ваша абсолютно идиотская версия? — продолжал усмехаться Влад. — Нерон получил, что хотел?

— Безусловно, коллега! Нерон не стал повторять ошибку Калигулы и дожидаться естественной смерти Сенеки. Он просто приказал поэту покончить собой, а потом присвоил себе то, чем владел Сенека.

— Посмотрите, что получается! — взволнованно воскликнула Мари. — От Понтия Пилата потянулись как бы две колонны, и каждая несла потомкам свою часть тайны: с одной стороны Кали-

гула, Кассий, а с другой — Сенека, Нерон. Это напоминает эстафету, правда?

Какое совпадение, подумал Влад, с удовольствием рассматривая профиль девушки. Она почти слово в слово повторила то, что сказал Влад Сидорскому, делаясь с ним впечатлениями о книге «Формула власти». Влад тогда сказал профессору: начиная с Пилата, по императорским династиям эстафетой передается некая тайна... «Антинаучный бред! — воскликнул на реплику ученика Сидорский. — Вы докатились до того, что смешали библейский персонаж с научной историей!»

Нет, не бред. Сидорский пытался скрыть вывод, который сейчас прояслялся в сумрачной и душной комнате чудаковатого переводчика с латыни.

Но в «колоннах» Сидорского фигурировало еще одно имя... Чье же? Профессор упомянул еще одного императора, посвященного в тайну Богочеловека.

Влад вдруг почувствовал, что задыхается. Он подошел к окну, отдернул штору, поднял голову, чтобы вдохнуть глоток свежего воздуха, струящегося через распахнутую форточку.

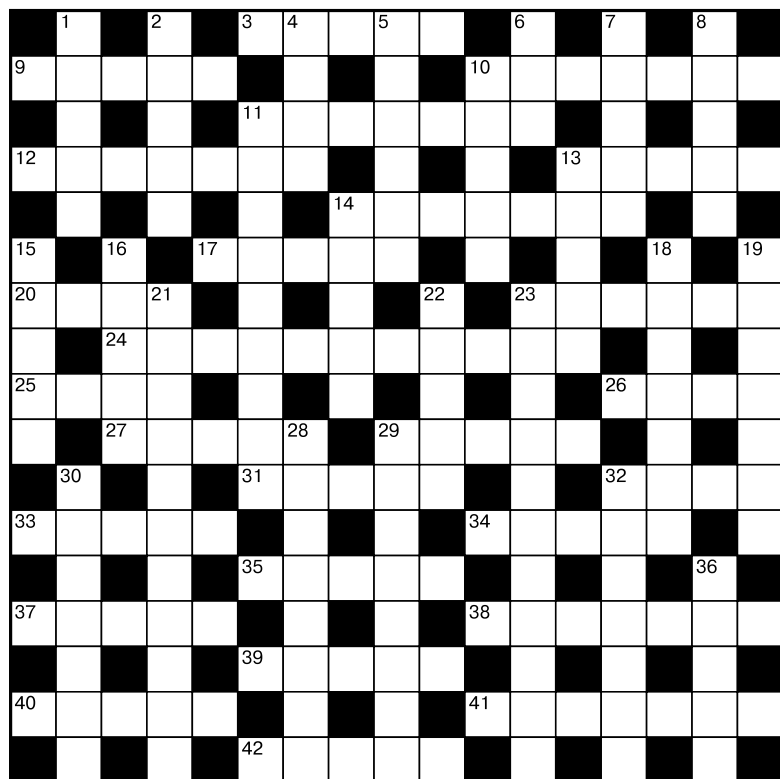
Марк Аврелий! Профессор упомянул Марка Аврелия.

— Надеюсь, — произнес Влад, оборачивая бледное лицо, — римские библиотеки работают без обеденного перерыва?

Продолжение следует. ▢

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Тропический фрукт, заменяющий аспирин. **9.** Компонент любимого коктейля Джеймса Бонда. **10.** Знаете ли вы, что английского адмирала Горацио Нельсона мучила «морская ...»? **11.** Кто украл музейного Рембрандта на пару с Евгением Евстигнеевым? **12.** Работодатель Мальвины. **13.** Коза с задатками скалолаза. **14.** Какой воинский чин носил

Цезарь Кюи — член знаменитой «Могучей кучки»? **17.** «Где равенству ..., не может быть и дружбы». **20.** «Поклоны, шарканье гостей, кормилиц ... и плач детей». **23.** Какой мастер обаял хозяйку Медной горы? **24.** Магнат, отдававший первые в мире чипсы. **25.** «Доверенное лицо» языческого бога. **26.** Что делает ресницы выразительнее? **27.** Научная идея в двух словах. **29.** Народный

телеграф. **31.** Двенадцатый знак «китайского зодиака». **32.** Юбка на Дункане Маклауде. **33.** Борьба, «одетая в кимоно». **34.** «Запасное имя» Трои. **35.** «Без хозяина и ... сирота». **37.** «Вычурный нюанс». **38.** Кто стал в средние века символом «жертвы малым во имя большого»? **39.** «Конский кефир». **40.** «Если не можешь быть звездой в небе, стань хотя бы светильником в доме» (английская писательница). **41.** Титул второй жены великого шахматиста Рауля Капабланки — Ольги Чегодаевой. **42.** Представитель народа, научившего европейцев танцевать танго.

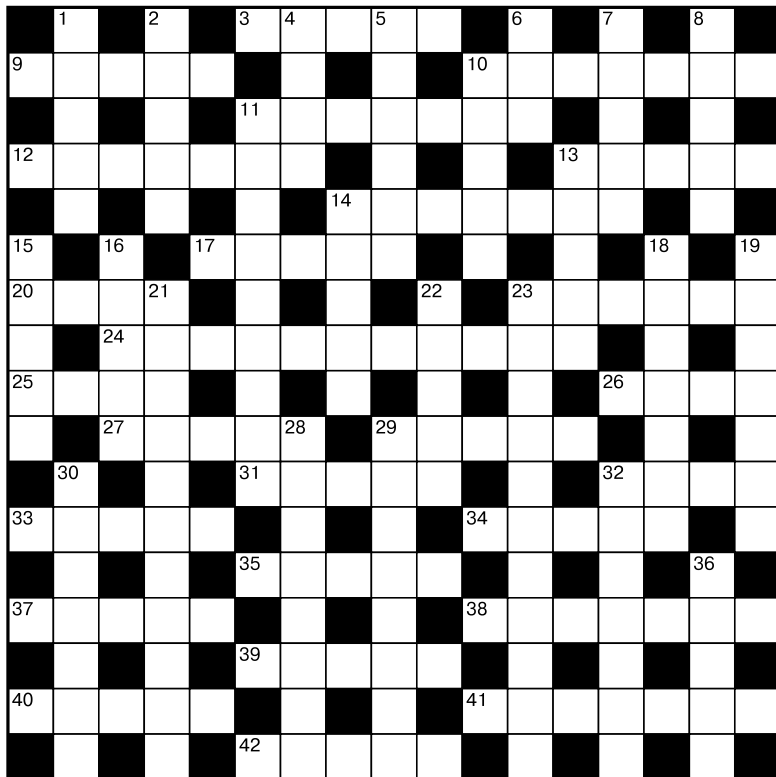
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Истребляющий пламень». **2.** Шлифовальный крем. **4.** Какая пряность полезна кормящим матерям? **5.** «О том, что ты ..., проболтаться очень просто». **6.** Испанский сэр. **7.** Полуфабрикат для нового Феникса. **8.** «Телевизионное

предсказание». **10.** «Стеклянное драже». **11.** «Копилка собачьей кусачести». **13.** «Цезарь, отданный на съедение». **14.** «Гольфы» для Роналдо. **15.** Сжатие мешочка с крахмалом при озвучке фильмов имитирует «... снега под ногами». **16.** «Беседуя с начальником, мужчина учится втягивать голову в плечи, беседуя с женщиной — учится подбирать ...». **18.** Автомобильный символ шикарной жизни. **19.** Театр, с какого начала свой путь на большую эстраду Лайма Вайкуле. **21.** Что категорически запрещают использовать на курсах дизайнеров при разработке орнаментов? **22.** Бык с герба американского штата Оклахома. **23.** «Бесовские делишки». **28.** Волшебные гусли. **29.** Затируха из кукурузной муки. **30.** Какой демон из Книги Еноха научил мужчин воевать, а женщин — обманывать? **32.** Самка каравая. **36.** Каторга в цветах (по Фаине Раневской).

Ответы на кроссворд, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Река. **6.** Буллит. **10.** Желудок. **11.** Бурлак. **12.** Тарзан. **13.** Костнер. **14.** Вождь. **17.** Вор. **18.** Таривердиев. **21.** Газировка. **22.** Кирхгоф. **25.** Водка. **26.** Змееносец. **27.** Осип. **29.** Семестр. **30.** Херес. **31.** Днестр. **33.** Боярышник. **36.** Барсук. **38.** Евро. **39.** Телебашня. **40.** Йети. **41.** Осёл.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ряба. **2.** Курсор. **3.** Век. **4.** Куропатка. **5.** Ростбиф. **7.** Удар. **8.** Лоза. **9.** Тень. **10.** Жажда. **12.** Телекинез. **14.** Вокал. **15.** Вдохновение. **16.** Человечек. **19.** Сироп. **20.** Фолкнер. **23.** Амстердам. **24.** Мордобои. **25.** Винегрет. **28.** Феномен. **29.** Стаут. **32.** Пшено. **34.** Квас. **35.** Холл. **37.** Кен.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Срок службы» в армии Монако. **9.** Основа медали за четвёртое место для участников чемпионата США по фигурному катанию. **10.** Первое рабочее место Квентина Тарантино. **11.** Какой воробей из Новой Зеландии «жить не может» без нектара? **12.** Кто стал рогоносцем из-за Париса? **13.** Кто двадцать лет продержал в заложниках римского полководца Аэция? **14.** Замок, где архиепископ Кентерберийский кре-

стил принца Гарри. **17.** Волокна с хлопкового дерева, идущие на набивку экологически чистых подушек. **20.** Кто вынудил Анну Ахматову взять псевдоним? **23.** Японское вышивание на шарах. **24.** Самый большой хищник из «Парка юрского периода». **25.** Морской дракон в соперниках у Яхве. **26.** В русском высшем обществе считали, что любой ... подразумевает недостаточный словарный запас. **27.** «Венчание» в мечети. **29.** Кто приладил к гитаре седьмую струну?

31. Единственный из гиббонов, кто умеет плавать. **32.** Акула, выпрыгивающая из воды на шесть метров. **33.** Остров в Средиземном море, где впервые стали брать плату за стоянку в порту. **34.** Украинский танец в опере «Мазепа» Петра Чайковского. **35.** Обнаружив этот предмет, Наполеон III сказал Александру II: «Если это принадлежит итальянцу, то предназначался мне, а если поляку — то вам». **37.** Кто одолжил голову Анубису? **38.** «Радостная перспектива» расставания. **39.** «Сметанное яблоко», восхищавшее Марка Твена. **40.** Пигалица в героинях рассказ «Луговка» Михаил Пришвин. **41.** Инструмент, попавший на фасад грузинского храма Светиуховели. **42.** Гада-ние на стрелах из храма у арабов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кто придумал театральные кресла с откидными сиденьями? **2.** Последнее пристанище Аристотеля. **4.** «Кобра» на лбу египетского фараона. **5.** Тот, чьи уши торчат из шляпы на эмблеме Всемирного союза фокусников. **6.** Аквалерист,

адресат «Парижского сна» Шарля Бодлера. **7.** Тропический чернозём. **8.** Шотландский поэт, чей пятый сын родился в день его похорон. **10.** Какое вино Александр Пушкин уподоблял другу? **11.** Армянское конное поло. **13.** Черепаха, чьё мясо стало для американцев «флоридским цыплёнком». **14.** «Национальная индустрия Пруссии» для Оноре Мирабо. **15.** Музыкальный лук у бушменов. **16.** Какой газ одно время считали «отгадкой» к тайнам «Бермудского треугольника»? **18.** Английский сеттер. **19.** Какой спорт в нашей стране до 1957 года называли «гонки военных патрулей»? **21.** «Триумф над варварством». **22.** Статус «Железной маски». **23.** Кто впервые опубликовал Александра Солженицына? **28.** Любимая жена Шона Коннери — Мишлин по прозвищу. **29.** Университет, где слушал лекции Максимилиан Волошин. **30.** «Малая родина» нынешнего Папы римского. **32.** Какое вещество поддерживает среду внутри клетки? **36.** Рабочая ... не считается старой в течение двух месяцев.

Ответы на эрудит, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Мозг. **6.** Кшанти. **10.** Женщина. **11.** Тённис. **12.** Пиявка. **13.** Псориаз. **14.** Мишна. **17.** Дук. **18.** Малиновский. **21.** Подризник. **22.** Козетта. **25.** Люффа. **26.** Интичиума. **27.** «Икар». **29.** Коретра. **30.** Махно. **31.** Сапсан. **33.** Анаморфоз. **36.** Брогам. **38.** Рука. **39.** Контрданс. **40.** Ноль. **41.** Трео.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Мате. **2.** Зонтик. **3.** Бес. **4.** Тщеславие. **5.** Андроид. **7.** Шмиз. **8.** Нева. **9.** Ишак. **10.** Жизнь. **12.** Патолофобия. **14.** Мусор. **15.** Ассенизатор. **16.** Чинтамани. **19.** «Артор». **20.** Юзефсон. **23.** Андромеда. **24.** Лиссабон. **25.** Лампрокл. **28.** Темнота. **29.** Кабак. **32.** Прана. **34.** Зубр. **35.** Жало. **37.** Мон.

Уважаемые читатели!

Подписаться на журнал «Смена» также можно через редакцию.

Оформить подписку на журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Заполните купон и оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка, вышлите копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14 стр. 1,

или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 66 руб., на 3 месяца — 198 руб., на 6 месяцев — 396 руб.

КУПОН

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Вы можете подписаться на журнал «Смена» со второго полугодия 2011 года в любом отделении почтовой связи по следующим каталогам:

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810600000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810600000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков